Третій годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“... Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 43. 1-го іюля 1903 года. № 43.

Приложеніе къ № 43 „Искры“.

Ортодоксальное „буквоѣдство“.*)

Прочитавъ намъ нотаціи на тему о томъ, что въ соціальдемократической программѣ „нѣтъ мѣста“ борьбѣ съ остатками докапиталистическихъ общественныхъ отношеній, Рязановъ принимается доказывать намъ, что учрежденія, — онъ говоритъ: „явленія“, — принятыя нами за *пережитки* стараго общественнаго строя, на самомъ дѣлѣ должны быть разсматриваемы, какъ *„начатки“* новаго и именно *капиталистическаго* порядка. Доказательства, приводимыя имъ въ этомъ случаѣ до такой степени характерны для его будто-бы — критики, что я не могу устоять передъ искушеніемъ привести по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя, наиболѣе замѣчательныя изъ нихъ.

„А между тѣмъ еще большой вопросъ, — говоритъ онъ, — насколько всѣ тѣ явленія, на которыя указываетъ программа *„Искры“*, связывая ихъ съ „остатками“, объясняются дѣйствительно этими остатками; а не „начатками“ капитализма. Пришлось-ли бы намъ теперь заниматься „радикальнымъ пересмотромъ условій освобожденія крестьянъ“, если бы это „освобожденіе“ не было подготовлено не „народнымъ производствомъ“, а „капитализмомъ на барщинной основѣ“, если бы оно не было совершено землевладѣльцами, уже искусившимися въ дѣлѣ выколачиванія „прибавочной стоимости“ въ союзѣ съ государствомъ, не менѣе ихъ заинтересованномъ въ развитіи капитализма?“ (стр. 215).

Эти строки написаны, какъ видитъ читатель, въ высшей степени неуклюже, и потому правильное ихъ пониманіе — не очень легкое дѣло. Но поскольку оно возможно, ихъ приходится истолковать въ томъ смыслѣ, что если бы уничтоженіе крѣпостного права было подготовлено такъ называемымъ (въ народнической литературѣ) народнымъ производствомъ, а не капитализмомъ на барщинной основѣ, то мы не были бы вынуждены теперь требовать радикальнаго пересмотра условій освобожденія крестьянъ. Но, спрашивается, могло-ли „народное производство“ создать такія условія, при которыхъ уничтоженіе крѣпостного права сдѣлалось бы настоятельной экономической необходимостью? На этотъ вопросъ всякій, хоть немного толковый человѣкъ безъ малѣйшаго колебанія отвѣтитъ отрицательно: нѣтъ, это „производство“ само сдѣлалось съ теченіемъ времени прочнѣйшей основой нашего крѣпостничества во всѣхъ его видахъ и розновидностяхъ. На этотъ счетъ никакія сомнѣнія невозможны А разъ мы убѣдились въ этомъ, то у насъ возникаетъ новый вопросъ: зачѣмъ же понадобилась Рязанову его нелѣпая гипотеза „подготовленія“ крестьянской реформы 1861 г. народнымъ производствомъ? Очевидно, она понадобилась ему лишь для болѣе яркаго оттѣненія той мысли, что если крестьяне были освобождены на очень невыгодныхъ для нихъ условіяхъ, то это объясняется не чѣмъ инымъ, какъ именно развитіемъ капитализма, правда, еще продолжавшаго сохранять свою барщинную основу. А эта мысль повидимому, должна сдѣлать неизбѣжнымъ для насъ тотъ выводъ, что положеніе, въ которое былъ поставленъ русскій крестьянинъ законодательнымъ актомъ 1861 года само было „подготовлено“ развитіемъ капитализма.

Въ этомъ выводѣ справедливо только то, что экономическое развитіе, совершившееся въ направленіи къ капитализму, сдѣлало въ высшей степени нужными для помѣщиковъ такія условія освобожденія, при которыхъ крестьянинъ обратился бы въ полупролетарія, вынужденнаго продавать свою рабочую силу. Поскольку крестьянинъ сдѣлался такимъ продавцемъ рабочей силы, постольку онъ попалъ въ то положеніе, въ которомъ находится весь вообще рабочій классъ въ капиталистическомъ обществѣ и которое будетъ устранено только *соціалистической революціей*. Это положеніе, конечно, не пережитокъ старины, и не противъ него направлены тѣ параграфы нашей программы, которые имѣютъ въ виду борьбу съ остатками стараго, докапиталистическаго порядка. Но дѣло въ томъ, что это положеніе, общее малоземельному крестьянину съ пролетаріемъ, *осложняется существованіемъ цѣлаго ряда такихъ учрежденій*, благодаря которымъ нашъ продавецъ рабочей силы оказывается связаннымъ по рукамъ и ногамъ и вынуждается продавать свой единственный товаръ на условіяхъ еще менѣе выгодныхъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ онъ продалъ бы его, находясь въ правовомъ положеніи пролетарія современнаго буржуазнаго общества. Вотъ эти-то учрежденія представляютъ собою пережитки нашего стараго крѣпостническаго порядка; вотъ противъ нихъ-то и приглашаетъ нашихъ революціонеровъ бороться та часть нашего проекта программы, которая подала поводъ къ сбивчивымъ разсужденіямъ Рязанова о „начаткахъ“ и „остаткахъ“. Если Рязановъ думалъ, что, „эти учрежденія — напр., прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и тому подобное — начатки капитализма, то онъ долженъ былъ привести въ пользу своего мнѣнія что-нибудь посерьезнѣе той комичной гипотезы, по смыслу которой намъ не нужно бы было требовать радикальнаго пересмотра условій освобожденія крестьянъ, если бы оно было подготовлено народнымъ производствомъ. Но онъ не привелъ ничего по той простой причинѣ, что привести ему было рѣшительно нечего, а поговорить было нужно, по соображеніямъ не имѣющимъ ничего общаго съ задачами соціальдемократической программы.

„Развѣ періодъ отъ эпохи великихъ реформъ до настоящаго времени, — продолжаетъ Рязановъ, — періодъ непрерывнаго развитія капитализма, не создалъ цѣлаго ряда начатковъ, не допускающихъ всесторонняго развитія классовой борьбы пролетаріата?“ (стр. 215).

Положимъ, что — создалъ. Слѣдуетъ-ли изъ этого, что остатки, указываемые въ нашемъ проектѣ, не существуютъ, или, что указанію на борьбу съ ними „нѣтъ мѣста“ въ программѣ революціонной соціальдемократіи? Кажется, что этого ни откуда не слѣдуетъ.

Но Рязановъ еще не кончилъ. „Развѣ онъ (т. е. только-что указанный періодъ) не создалъ цѣлаго ряда начатковъ не только содѣйствующихъ сохраненію и усиленію самыхъ варварскихъ формъ эксплуатаціи многомилліоннаго крестьянства, но и создающихъ новыя менѣе варварскія, но несравненно болѣе утонченныя? Развѣ онъ не создалъ цѣлаго ряда начатковъ, которые держатъ въ темнотѣ и безправіи весь народъ не въ меньшей степени, чѣмъ остатки докапиталистическихъ порядковъ? Неужели протекціонизмъ, податная система, милитаризмъ и т. д. и т. д. являются послѣдствіемъ крѣпостного права?“ (стр. 216).

Что сказать на это? Если указанный Рязановымъ, періодъ дѣйствительно создалъ новыя, менѣе варварскія, но зато болѣе утонченныя формы эксплуатаціи крестьянства, то здѣсь возможно одно изъ двухъ: или эти *новыя формы* основываются на *старыхъ правовыхъ учрежденіяхъ*, завѣщанныхъ намъ нашимъ крѣпостническимъ прошлымъ, или они опираются на такія положенія нашего гражданскаго права, которыя, по содержанію своему, вполнѣ соотвѣтствуютъ производственнымъ отношеніямъ новѣйшаго капиталистическаго общества. Въ первомъ случаѣ всякая серьезная борьба съ ними есть борьба противъ „остатковъ“ и намѣчается относящимися сюда пунктами нашей программы. Во второмъ, — борьба съ новыми формами эксплуатаціи является лишь однимъ изъ видовъ соціальдемократической борьбы съ капитализмомъ. Задачи этой послѣдней борьбы тоже очень ясно указаны въ нашей программѣ, и вотъ почему новыя, менѣе варварскія, но болѣе утонченныя формы эксплуатаціи крестьянина не могутъ ни застать насъ врасплохъ, ни дать хотя бы тѣнь довода противъ той или другой части нашей программы.

Что касается русской податной системы, то она и до сихъ поръ отчасти основывается на безправіи крестьянъ, какъ особаго податного сословія и въ этихъ предѣлахъ она, несомнѣнно, опирается на „остатки“. А что касается протекціонизма, милитаризма „и т. д., и т. д.“ (мало ли чего тутъ можно насчитать), то подобныя явленія въ своемъ существѣ свойственны не только намъ, но и Западной Европѣ и въ этомъ смыслѣ они, конечно, не могутъ быть причислены ни къ какимъ „остаткамъ“ Но я опять спрашиваю: что же изъ этого слѣдуетъ? Изъ этого слѣдуетъ только то, что отвѣта на вопросъ о томъ, какъ бороться съ ними, слѣдуетъ искать не въ той части нашей программы, которая посвящена „остаткамъ“. Вотъ только и всего. Читатель безъ труда согласится, что этого совершенно недостаточно

*) „Искра“ №№ 41 и 42.

...лицъ“ (врачей, статистиковъ, агрономовъ ...нности, противъ частныхъ благотворителей, ...я губернаторскимъ рукопожатіемъ, противъ ...турныхъ и благотворительныхъ обществъ, — ...ованный такими героическими мѣрами, какъ ...ыхъ и упраздненіе „статистики“!

...номы отдаются подъ надзоръ урядниковъ. ...наука не выходитъ изъ-подъ контроля по...екціи. Земства и думы превращаются въ ...наторскихъ и градоначальническихъ канце... ...цъ фабричные инспектора поступаютъ подъ ...ровъ. Тѣ самые фабричные инспектора, ко... ...сти представляютъ лишь оттѣнокъ общего... ...олиціи, которые ближе, гораздо ближе, къ ...канта и жандармской канцеляріи, чѣмъ къ ...ѣ, — и они оказываются способными при... ...ротивныя закону и общественному порядку!.. ...ченное недовѣріе жандармско-полицейскаго ...ему, что стоитъ внѣ его, прекрасно иллю... ...нопроектомъ о фабричныхъ старостахъ, къ ...немся, когда (если?) онъ станетъ закономъ.*) ...лишь слѣдующую основную черту законо... ...тря на то, что выборъ рабочими старостъ ...иначе, какъ въ рамкахъ очерченныхъ фаб... ...управленіемъ, и притомъ подъ назойли... ...фабричной инспекціи, которая, въ свою ...ена теперь подъ ближайшій контроль гу... ...конопроектъ включаетъ въ себѣ такое пре... ...„примѣчаніе“: „Губернскому начальству ...въ тѣхъ случаяхъ, когда по дошедшимъ до ...свѣдѣніямъ рабочіе, избранные въ старосты, ...тъ своему назначенію (?), устранять ихъ отъ ...анностей старостъ и до срока, на который ...Такимъ образомъ уже здѣсь, въ законопро... ...тупаетъ въ единоборство съ жизнью, кото... ...но зарекомендовала себя со стороны умѣнья ...ъ самодержавія учрежденія и установленія, ...вызванныя къ жизни въ цѣляхъ собствен...

...освѣдомленнаго „Новаго Времени„ къ „вы... ...ѣнію“ 30 мая, очень назидательны. Эта ...во считаетъ новое постановленіе „весьма ...я руководящихъ идей настоящаго времени“. ...тся признать, что въ создаваемомъ нынѣ ...тся „кое-какія щекотливыя стороны“: чи... ...рства финансовъ ставятся въ зависимость ...министерства внутреннихъ дѣлъ, что не ...бюрократическія „тренія“. Но „есть осно... ...говоритъ газета, что губернаторъ будетъ ...*представитель не одного вѣдомства, а высшей* ...Каждая губернія превратится въ болѣе или ...ю помпадурію, управляемую твердой ру... ..., предъ „Нами“, т. е. передъ министромъ ...ъ отвѣтственнаго.

...аторъ, властной рукой натягивающій на мѣ... ...“, переступающій увѣренной ногою всѣ за... ...щій мимоходомъ распоряженія фабричной ...щихъ интересахъ „общественнаго порядка“, ...бернаторъ, получающій изъ центра внуше... ...евременности избіенія евреевъ опять-таки ...ляхъ „общественнаго порядка“ — таково ...практики оглашеннаго самодержавія.

...на весь свой поистинѣ адскій характеръ, ...зданія общественной стихіи имѣетъ много ...тками Диккенсовской героини задержать ...рскаго прилива...

...мы знаемъ, что орудія, какими пользуется ...йская власть безконечно грознѣе жалкой ...О! Разумѣется, мы помнимъ, что всеочи... ...а“ русскаго самодержавія снабжена острыми ...ми, которые — при каждомъ новомъ пра... ...экспериментѣ — впиваются въ тѣло, въ ...скаго народа.... Но мы въ то же время ...этомъ залогъ нашей побѣды — что и са... ...жандармско-полицейской щеткѣ не дано за... ...еволюціоннаго прибоя!

...келѣзный“ съѣздъ.

...— таковъ конечный пунктъ всѣхъ правитель... ...ріятій послѣдняго времени. Виновата ли въ ...таковъ уже злой рокъ самодержавія, но ему ...и всѣми своими крупными начинаніями оно ...едитируетъ, Стараются въ этой области оди... ...тва, и почти въ то самое время, когда г. фонъ... ...ми звѣрствами обнаружилъ передъ всѣмъ мі... ...сей внутренней политики самодержавія, г. Витте ...ъ также несостоятельность своей финансовой ...о, умыселъ другой тутъ былъ. Но, на бѣду ...тія не считаются болѣе съ его умыслами и ре... ...тся совершенно противоположные тѣмъ, какіе ожидалъ тотъ или другой его слуга.

Извѣстно, что очень тѣсная дружба соединяла недавно министерство финансовъ съ міромъ крупныхъ заводчиковъ, дружба до того тѣсная, что многіе наивные люди дѣлали отсюда какіе то выводы на счетъ существованія у насъ специфической буржуазной конституціи. Въ это-то блаженное время расцвѣта русской промышленности при благосклонномъ содѣйствіи министерства финансовъ возникло множество всевозможныхъ предпріятій среди которыхъ было очень много и такихъ, которыя не обладали почти никакимъ собственнымъ капиталомъ и существовали исключительно благодаря кредиту. „На заграничныхъ рынкахъ — писалъ въ 1897 году, захлебываясь отъ восторга, офиціальный органъ министерства финансовъ, — акціи этихъ заводовъ приносившихъ огромные дивиденды, отъ которыхъ давно отвыкли иностранные капиталисты, стояли такъ высоко, что достаточно было прибавить къ названію фирмы „днѣпровскій“ илл „донец...

*) Газеты сообщаютъ, что этотъ законопроектъ уже прошелъ въ государственномъ совѣтѣ.

...ресахъ порядка, т. е. абсолютизма, классовыя тенденціи пролетаріата сохраняютъ свою внутреннюю логику, глубоко-революціонную, непримиримо враждебную самодержавію, — и они готовы, въ томъ или другомъ случаѣ, сдѣлать и правительственнаго фабричнаго инспектора исходнымъ пунктомъ своего развитія.

И для насъ новое правительственное распоряженіе поучительно прежде всего въ томъ отношеніи, что лишній разъ показываетъ — какъ всякій правительственный органъ, не непосредственно приставленный къ охраненію „общественнаго спокойствія“, т. е. не состоящій по министерству внутреннихъ дѣлъ, можетъ стать и становится ферментомъ, вызывающимъ политическое броженіе.

Тутъ передъ нами одно изъ безчисленныхъ проявленій полнаго взаимонепризнанія интересовъ самодержавія и интересовъ общественнаго прогресса. Задача самодержавія —

...политически „неблагонадежными“. Даже земскіе больничные умывальники имѣютъ, какъ извѣстно, слегка-якобинскую физіономію. Въ результатѣ — самая скромная „автономія“ культурныхъ органовъ ведетъ за собой систематическій полицейскій походъ противъ земствъ вообще, противъ зем-

*) Очень недавно С.-Петербургскій фабричный инспекторъ въ своемъ секретномъ донесеніи управляющему отдѣломъ промышленности такими выразительными чертами характеризовалъ „политическіе“ взгляды С.-Петербургскаго градоначальника: „Законъ долженъ поставить всѣ организаціи въ строго опредѣленныя рамки, соотвѣтственно цѣлямъ каждой, и обратить вниманіе на полную гласность дѣлопроизводства; никоимъ же образомъ, по его мнѣнію, нельзя допустить въ этомъ дѣлѣ руководство какого-либо одного административнаго органа, въ особенности же со стороны департамента полиціи, дѣятельность коего, *въ силу особыхъ условій, ей присущихъ*, всегда можетъ вызвать въ публикѣ *нерѣдко* совершенно незаслуженныя инсинуаціи“.

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

15-го апрѣля 1903 года. № 38

122

РОССІЙСКАЯ СО[...]
ДЕМОКРАТИЧЕС[...]
РАБОЧАЯ ПАРТ[...]

№ 43.

для того, чтобы доказать мысль Рязанова, т. е. что „остаткамъ нѣтъ мѣста въ соц.-демократической программѣ“.

„И соціальдемократы лучше всего поступятъ, продолжаетъ Рязановъ, если предоставивъ буржуазной демократіи воевать противъ остатковъ докапиталистическихъ порядковъ, будутъ, съ своей стороны, указывать лишь, что гибель ихъ неизбѣжна тамъ, гдѣ капитализмъ уже сталъ господствующимъ способомъ производства и что при товарномъ хозяйствѣ они изъ источника благосостоянія превращаются въ источникъ проклятій“ (стр. 216).

Въ буквоѣдствѣ есть своя логика, какъ и во всемъ прочемъ. Запомнивъ только *термины* ортодоксальнаго марксизма и не будучи въ состояніи понять его содержаніе, Рязановъ естественно приходитъ къ такимъ практическимъ выводамъ, которые представляютъ собою самую злую пародію на марксизмъ. Мы предоставимъ буржуазной демократіи воевать противъ остатковъ нашего стараго порядка, а сами ограничимся лишь *указаніями* на то, что гибель этихъ остатковъ „неизбѣжна тамъ, гдѣ“ и проч.! Нѣтъ господинъ Рязановъ, если бы мы поступили такъ, то мы тѣмъ самымъ съ неопровержимой ясностью показали бы разъ на всегда, что правы были народники и субъективисты, обвинявшіе марксистовъ въ *квіетизмѣ*; если бы мы поступили такъ, то въ этомъ случаѣ мы цѣликомъ предоставили бы буржуазной демократіи роль революціоннаго фактора въ современной русской общественной жизни, отведя для самихъ себя лишь жалкую роль *кабинетныхъ педантовъ*.

А что этотъ случай далеко не маловаженъ, это видно изъ того, что наше крестьянство — къ которому юридически принадлежитъ также и большинство промышленныхъ рабочихъ — въ своей борьбѣ за лучшія условія существованія, до сихъ поръ на каждомъ шагу наталкивается на тѣ препятствія, которыя создаются существованіемъ „остатковъ“ и которыя даютъ умѣлому агитатору множество незамѣнимыхъ поводовъ для политической агитаціи. Упускать эти поводы на томъ основаніи, что иному мыслителю *„остатки“* могутъ пожалуй, оказаться *„начатками“*, значило бы уподобиться знаменитому метафизику, который, сидя въ ямѣ, медлилъ воспользоваться спущенной ему веревкой въ виду того, что она есть лишь „вервіе простое“, и непремѣнно хотѣлъ знать, нельзя-ли, вмѣсто нея, придумать „что-нибудь другое“. Если наша партія претендуетъ на честь быть самой энергичной и самой рѣшительной носительницей революціонной идеи, то она *обязана* рѣшительнѣе и энергичнѣе всѣхъ другихъ партій бороться съ остатками докапиталистическихъ отношеній. Иначе ея претензія станетъ неосновательной и потому смѣшною.

„Докапиталистическій общественный порядокъ не всегда основывался на закрѣпощеніи, — замѣчаетъ Рязановъ. — Никогда не нужно забывать, что, какъ говоритъ Марксъ, очень удобно быть „либеральнымъ“ на счетъ среднихъ вѣковъ“. И въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ „капитализмъ уже сталъ господствующимъ способомъ производства“, намъ нужно уже разрушать всякія легенды о докапиталистическихъ порядкахъ“ (стр. 217).

Что не всякій докапиталистическій порядокъ основывается на крѣпостничествѣ, это совершенно справедливо. Но въ нашемъ проектѣ рѣчь идетъ о совершенно опредѣленномъ и всѣмъ извѣстномъ докапиталистическомъ порядкѣ, въ основѣ котораго дѣйствительно лежало закрѣпощеніе трудящейся массы высшимъ сословіямъ, государству или его главѣ. Какъ прикажете назвать этотъ порядокъ, если не порядкомъ, основаннымъ на закрѣпощеніи? Что же касается до удобства быть либеральнымъ на его счетъ, то я не вижу, въ чемъ именно оно заключается. Русскій читатель, подъ вліяніемъ народнической пропаганды, въ теченіе очень долгаго времени склоненъ былъ, *наоборотъ*, къ идеолизаціи нашего докапиталистическаго порядка, — по крайней мѣрѣ съ его экономической стороны, — вслѣдствіе чего у насъ *гораздо легче было „либеральничать“ въ его пользу*, чѣмъ *противъ него*. И хотя капитализмъ въ самомъ дѣлѣ сталъ у насъ теперь господствующимъ способомъ производства, но, во-первыхъ, это признается еще не всѣми, а, во-вторыхъ, капиталистическій способъ производства еще далеко не имѣетъ у насъ соотвѣтствующей ему *правовой надстройки*. Между *экономіей* и *правомъ* у насъ существуетъ теперь глубокое противорѣчіе, устраненіе котораго должно быть первой великой побѣдой нашего соціалистическаго движенія. А такъ какъ наша *правовая надстройка*, — въ той мѣрѣ, въ какой она противорѣчитъ требованіямъ современнаго общества, — унаслѣдована нами отъ нашего докапиталистическаго порядка, то *мыслящій русскій человѣкъ не можетъ быть слишкомъ „либеральнымъ“ на счетъ этого порядка*. Смѣшно и сравнивать наше отношеніе къ этому порядку съ тѣмъ отношеніемъ, въ какомъ находится къ „среднимъ вѣкамъ“ гражданинъ современной Западной Европы. Рязановъ и здѣсь попалъ въ просакъ. Онъ захотѣлъ говорить, какъ Марксъ, въ виду такихъ общественныхъ отношеній, въ присутствіи которыхъ *Марксъ навѣрное выразился бы иначе*.

Очень не нравится Рязанову и то, что царизмъ изображается нами, какъ самый крупный и самый вредный пережитокъ нашего докапиталистическаго порядка. Нашъ критикъ объявляетъ этотъ взглядъ плодомъ просвѣтительской исторіографіи, свойственной буржуазной демократіи. „Исторически наше самодержавіе, дѣйствительно, коренится въ прошломъ, — говоритъ онъ, — но эту судьбу оно дѣлитъ со многими другими явленіями общественной жизни. Не въ примѣръ другимъ „остаткамъ“, оно не *пережитокъ*, случайно сохранившійся обломокъ прошлаго. Увы! Оно очень прочно сидитъ въ *настоящемъ*. И если бы авторы нашего проекта не дѣлили всю исторію на два періода: одинъ докапиталистическій, а другой — капиталистическій, они увидѣли бы, какъ сильно мѣнялся характеръ нашего самодержавія, ну хотя бы отъ Іоанна III“ (стр. 220).

Ни въ нашемъ проектѣ, ни въ комментаріяхъ къ нему нѣтъ ни одной строчки, дающей поводъ думать, что мы приписываемъ русскому самодержавію *неизмѣнный характеръ*. Мы прекрасно знаемъ, что этотъ характеръ измѣнялся вмѣстѣ съ ходомъ развитія нашихъ общественныхъ отношеній. Но неоспоримый фактъ такого измѣненія ни мало не мѣшаетъ нащему самодержавію быть *„остаткомъ“, „пережиткомъ“* прошлаго. Развѣ фигурировать на исторической сценѣ въ качествѣ „пережитковъ“ или „остатковъ“ могутъ только такія учрежденія, которыя отличаются неизмѣннымъ характеромъ? Это было бы ново! И почему Рязановъ думаетъ, что мы считаемъ самодержавіе *случайно* сохранившимся обломкомъ прошлаго? Вѣдь на эту мысль опять таки нѣтъ и тѣни намека ни въ нашемъ проектѣ, ни въ нашихъ комментаріяхъ къ нему. Но таковъ *неизмѣнный характеръ* главнаго „критическаго“ пріема Рязанова: онъ заключается въ приписываніи противнику нелѣпостей, никогда не приходившихъ ему въ голову, и въ побѣдоносномъ опроверженіи этихъ вымышленныхъ нелѣпостей. Нечего и говорить, что такой пріемъ чрезвычайно облегчаетъ Рязанову дѣло его „критики“.

Далѣе мы узнаемъ отъ Рязанова ту интересную новость, что наше самодержавіе всегда было орудіемъ въ рукахъ того или иного общественнаго класса. „Особенно сильныя измѣненія потерпѣло оно въ періодъ отъ конца XVIII вѣка до эпохи великихъ реформъ, когда „народное производство“... окончательно уступило мѣсто капитализму на барщинной основѣ. И мы будемъ несравненно ближе къ истинѣ, если скажемъ, что наше самодержавіе въ его современной формѣ есть продуктъ начатковъ капитализма. Историческія преданія того времени, когда оно было орудіемъ въ рукахъ однихъ дворянъ, уже давнымъ давно, хотя и „съ упорствомъ“ отступаютъ на задній планъ передъ сильными и крѣпкими ростками капитализма. Оно пытается еще сохранить равновѣсіе между землевладѣніемъ и буржуазіей, но растущія въ силу развитія капитализма противорѣчія внутри обѣихъ его опоръ должны будутъ привести его къ гибели, несмотря на всѣ попытки приспособиться къ измѣнившейся классовой структурѣ“ (стр. 220).

Итакъ, самодержавіе погибнетъ, потому что оно не въ состояніи приспособиться къ измѣнившейся „классовой структурѣ“. Почему же для него недоступно такое приспособленіе? Не потому-ли, что самодержавіе представляетъ собою такое политическое учрежденіе, которое не соотвѣтствуетъ капиталистическому обществу, достигшему значительной степени развитія? А если это такъ, то не значитъ-ли это, что самодержавіе есть политическое учрежденіе, являющееся *пережиткомъ стараго общественнаго порядка*? Очень на то похоже! Рязановъ и самъ чувствуетъ это, но не сдается. Онъ объявляетъ самодержавіе продуктомъ начатковъ капитализма на томъ основаніи, что оно давно уже перестало быть орудіемъ въ рукахъ однихъ только дворянъ и стало служить также и буржуазіи для достиженія ея цѣлей. Но этотъ доводъ былъ бы убѣдителенъ только въ томъ единственномъ случаѣ, если бы Рязановъ доказалъ намъ, что буржуазія никогда не захотѣла бы или не смогла бы обратить въ свое орудіе тотъ или другой пережитокъ стараго порядка. А такъ какъ онъ этого не доказалъ и никогда не докажетъ, то вся его аргументація опять разсыпается, какъ карточный домикъ. На самомъ дѣлѣ всякій новый, восходящій общественный классъ всегда старался, и не безъ успѣха, воспользоваться для своихъ собственныхъ цѣлей учрежденіями, выросшими на почвѣ стараго общественнаго порядка, и вступалъ въ борьбу съ этими учрежденіями только тогда, когда, при ихъ помощи, достигалъ уже извѣстной степени развитія. Такъ, напр., было время, когда буржуазія старалась обратить *феодальныя учрежденія* въ орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Но заключать отсюда, что эти учрежденія были продуктомъ „начатковъ“ буржуазнаго развитія, можетъ только человѣкъ, не умѣющій „приспособиться“ къ самымъ элементарнымъ требованіямъ логики.

Очень не нравится Рязанову также и та наша мысль, что самодержавіе по самой природѣ своей враждебно всякому общественному движенію.

„Откуда эта демократическая мудрость попала въ соц.-дем. программу? грозно выкрикиваетъ Рязановъ. „Неужели составители проекта не знали, что самодержавіе по самой своей природѣ враждебно не *всякому* общественному движенію, а только *опредѣленнымъ*, не общественнымъ движеніямъ *всякихъ* классовъ, а только опредѣленныхъ?“ (стр. 222).

Мы уже слышали отъ Рязанова, что наше самодержавіе всегда было орудіемъ въ рукахъ того или другого общественнаго класса. Если это такъ, то ясно, что и въ царствованіе Николая

леніе ея въ томъ и другомъ отношеніи съ началомъ неприкосновенности частной собственности и пріобрѣтенныхъ правъ, стоящимъ подъ одновременной охраной закона и всеобщаго признанія и, казалось бы, одинаково приложимымъ какъ къ крупному, такъ и къ мелкому землевладѣнію“(*). Это довольно ясно, хотя выражено весьма дипломатично. Г. Дурново опасался, что,

*) Бржескій, стр. 16.

**) Эту сторону дѣла разъяснили еще въ эпоху составленія положеній члены симбирскаго комитета, возстававшіе противъ круговой поруки.

***) Записка министра двора и удѣловъ графа Воронцова-Дашкова объ уничтоженіи крестьянской общины и возраженія на нее министра внутр. дѣлъ И. Н. Дурново. Женева — Каружъ. 1900, стр. 46. Интересно, что органъ соціалистовъ-реакціонеровъ „Вѣстникъ русской революціи“ тоже требуетъ бережнаго отношенія къ общинѣ (кн. I, стр. 12). Почти слово въ слово съ г. Дурново!

(*) Тамъ же, та же страница.

обстоятельно развита также въ книгѣ г. Н. Бржескаго ... имочность и круговая порука сельскихъ обществъ“ (см. особенно послѣднія главы). Эта книга, вышедшая въ 1897 г., посвящена г. Витте. Напомнимъ здѣсь кстати, что въ 1893 г., когда въ государственномъ совѣтѣ происходили споры объ общинномъ землевладѣніи, министръ финансовъ выступилъ съ запиской, въ которой община защищалась доводами, цѣликомъ заимствованными у народниковъ. Къ сожалѣнію, мѣсто не дозволяетъ намъ подробно обосновать ту нашу мысль, что г. Витте разочаровался въ общинѣ только съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ, что отъ нея теперь кулакамъ больше пользы, чѣмъ казнѣ. Мы, можетъ быть, сдѣлаемъ это въ другой разъ.

**) „Облегченіе отдѣльнымъ домохозяевамъ выхода изъ общины“ на практикѣ сведется, къ облегченію выхода изъ нея тѣмъ „хозяйственнымъ мужичкамъ“, которые найдутъ это для себя выгоднымъ. Земледѣльческая бѣднота по прежнему останется закрѣпощенной. Именно для нея-то и сохраняются „неприкосновенными“ всѣ мнимыя благодѣянія общиннаго землевладѣнія.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится плам...
Отвѣтъ декабристо...

№ 43. 1-го іюля 1903 года.

Лавловича былъ такой общественный классъ, который умѣлъ сдѣлать свое орудіе изъ неограниченной царской власти. Мы не будемъ вступать въ препирательства съ Рязановымъ по вопросу о томъ, какому именно классу служило тогда самодержавіе: для насъ довольно того, что оно непремѣнно должно было служить одному или нѣсколькимъ изъ нихъ, если только вѣрна наша первая посылка. Исходя изъ этого убѣжденія, мы просимъ Рязанова указать намъ, какому опредѣленному движенію какого опредѣленнаго класса не было враждебно правительство царя-фельдфебеля? Откровенно признаемся, что мы такого движенія *„не знаемъ"*.

Чѣмъ больше я, по долгу службы, вчитываюсь въ книгу Рязанова, тѣмъ чаще мнѣ вспоминается восклицаніе, вырвавшееся однажды у Энгельса по адресу нѣкоторыхъ критиковъ историческаго матеріализма: діалектики недостаетъ этимъ господамъ! Рязанову, какъ я уже говорилъ, недостаетъ именно діалектики. Онъ — прирожденный метафизикъ. А когда метафизикъ пускается теоретизировать, ничего хорошаго ожидать невозможно. У метафизика — какъ у нигилиста въ изображеніи гр. Толстого— и движенья угловатыя, и ученье дубоватое. А Рязановъ выдаетъ намъ свое дубоватое ученіе за самую ортодоксальную ортодоксію. Это-ли не потѣха!

Но еще болѣе угловатымъ и дубоватымъ оказывается нашъ метафизикъ въ критикѣ нашей *аграрной программы.*

Товарищъ Ленинъ, въ своей статьѣ объ аграрной программѣ русской соціальдемократіи, замѣтилъ, что тамъ, гдѣ дѣло касается движенія промышленныхъ рабочихъ, мы многое возьмемъ готовымъ „у нѣмцевъ", а въ аграрной области намъ, можетъ быть, удастся выработать нѣчто новое. Едва Рязановъ прочиталъ эти слова, у него, какъ говорится, ушки оказались на макушкѣ: „Гмъ! Новое! Стало быть, такое чего не было въ сочиненіяхъ Маркса и Энгельса. А то, чего не было въ сочиненіяхъ Маркса и Энгельса, не можетъ быть ортодоксально. Значитъ, Ленинъ еретикъ, и его надо третировать, какъ таковаго". Но еще болѣе разгорѣлась ортодоксальная ревность Рязанова когда онъ услышалъ отъ Ленина, что въ аграрной области „не все, справедливое „на Западѣ", справедливо на Востокѣ". По этому поводу Рязановъ разразился слѣдующей ехидной тирадой:

„Это „новое" состоитъ въ открытіи, что „все на свѣтѣ имѣетъ двѣ стороны". Если на „Западѣ" аграрная программа, ставящая себѣ цѣлью „умножать мелкое хозяйство и мелкую собственность", является нарушеніемъ принциповъ соціальдемократіи, то на „Востокѣ" мы имѣемъ „исключительный примѣръ". Мы поддерживаемъ и умножаемъ мелкую собственность въ интересахъ устраненія остатковъ крѣпостнаго порядка и свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ, иными словами въ интересахъ развитія сельско-хозяйственнаго капитализма" (стр. 247).

Съ точки зрѣнія діалектическаго матеріализма все на свѣтѣ дѣйствительно имѣетъ двѣ стороны. Данный принципъ, важный въ примѣненіи въ одной странѣ или къ одному времени, имѣетъ очень много шансовъ оказаться ложнымъ въ примѣненіи къ другой странѣ или къ другой эпохѣ. Но метафизикъ этого не понимаетъ и потому онъ отъ удивленія широко раскрываетъ ротъ, когда слышитъ, что принципъ, признанный вѣрнымъ при однихъ условіяхъ мѣста и времени, объявляется неправильнымъ при другихъ. Онъ видитъ въ этомъ непослѣдовательность, противорѣчіе, измѣну. Метафизики не мало крови испортили великимъ основателямъ научнаго соціализма. Съ метафизиками велъ войну, между прочимъ, *„Манифестъ Коммунистической Партіи"*. Читатель помнитъ, вѣроятно, то его мѣсто, гдѣ говорится о нѣмецкихъ любомудрахъ, философахъ и полуфилософахъ, съ жадностью набросившихся на французскую соціалистическую литературу и забывшихъ лишь то, "что французскія отношенія не были перенесены въ Германію вмѣстѣ съ соціалистической литературой. Эти любомудры, философы и полуфилософы были чистокровными метафизиками. Авторы „Манифеста" не могли простить имъ забвенія того, что французская соціалистическая критика, неразумнымъ отголоскомъ которой они явились, „имѣетъ въ виду современное буржуазное общество съ соотвѣтствующими ему экономическими отношеніями и политической организаціей, т. е. именно тѣ общественныя условія, о завоеваніи которыхъ только еще шла рѣчь въ Германіи". Столь же чистокровнымъ метафизикомъ является и Рязановъ, указывающій, для нашего посрамленія, на западно-европейскихъ марксистовъ, не желающихъ „умножать мелкую собственность". Рязановъ забываетъ, что аграрные взгляды этихъ марксистовъ, неразумнымъ отголоскомъ которыхъ онъ является, имѣютъ въ виду современное буржуазное общество съ соотвѣтствующимъ ему экономическимъ и правовымъ положеніями крестьянина, *т. е. именно тѣ условія, о завоеваніи которыхъ только еще идетъ рѣчь въ нашей аграрной программѣ.* Когда нашъ крестьянинъ окажется въ томъ положеніи, въ какомъ находится топерь крестьянинъ Западной Европы, тогда мы тоже будемъ рѣшительно возставать противъ всякихъ попытокъ „умножать" частную собственность. А теперь, пока нашъ крестьянинъ находится въ другихъ условіяхъ, примѣръ западноевропейскихъ марксистовъ не можетъ быть для насъ убѣдительнымъ: находясь въ иныхъ общественныхъ условіяхъ, мы по необходимости должны разсуждать иначе. Это не значитъ, конечно, что мы непремѣнно должны умножать частную собственность. Нѣтъ, это тоже зависитъ отъ обстоятельствъ, но, очевидно, что разъ рѣчь зашла о частной собственности, мы должны разсматривать особенности нашего положенія, а не довольствоваться ничего не доказывающей ссылкой на западноевропейскихъ марксистовъ.

Каковы же тѣ обстоятельства, по поводу которыхъ заходитъ рѣчь объ умноженіи нами частной собственности?

Эти обстоятельства двоякаго рода.

Во-первыхъ, нѣкоторое умноженіе частной собственноси крестьянъ можетъ явиться результатомъ возвращенія имъ знаменитыхъ отрѣзковъ, т. е. земель, находившихся въ ихъ пользованіи и отрѣзанныхъ у нихъ при уничтоженіи крѣпостного права.

Во-вторыхъ, значительное умноженіе частной собственности будетъ вызвано предоставленіемъ крестьянину права свободно распоряжаться его землей, т. е. разложеніемъ современнаго общиннаго землевладѣнія.

Остановимся сначала на отрѣзкахъ. Какое аначеніе имѣютъ они въ экономической жизни крестьянина? Они являются источникомъ его закабаленія. Вотъ что мы узнаемъ о нихъ, напримѣръ, отъ такого знатока нашей деревенской жизни, какимъ былъ А. Н. Энгельгардтъ:

„При надѣленіи крестьянъ, лишняя противъ положенія земля была отрѣзана и этотъ отрѣзокъ, существенно необходимый крестьянамъ, поступивъ въ чужое владѣніе, стѣснилъ крестьянъ уже, по одному своему положенію, т. к. онъ обыкновенно охватываетъ ихъ землю узкой полосой и прилегаетъ ко всѣмъ тремъ полямъ, а потому, куда скотина ни выскочитъ, непремѣнно попадетъ на принадлежащую пану землю. Сначала, пока помѣщики еще не понимали значенія отрѣзковъ, и тамъ, гдѣ крестьяне были попрактичнѣе и менѣе надѣялись на „новую волю", они успѣли пріобрѣсти отрѣзки въ собственность, или за деньги, или за какую-нибудь отброску (?), такіе теперь сравнительно благоденствуютъ. Теперь же значеніе отрѣзковъ всѣ понимаютъ*) и каждый покупатель имѣній, каждый арендаторъ, даже неумѣющій по русски говорить нѣмецъ, прежде всего смотритъ, есть-ли отрѣзки, какъ они расположены, и насколько затѣсняютъ крестьянъ. У насъ повсемѣстно за отрѣзки крестьяне обрабатываютъ помѣщикамъ землю — именно работаютъ круги, т. е. на своихъ лошадяхъ, со своими орудіями, производятъ, какъ при крѣпостномъ правѣ, полную обработку во всѣхъ трехъ поляхъ. Оцѣниваются эти отрѣзки — часто, въ сущности, ничего не стоющіе, не по качеству земли, не по производительности ихъ, а лишь потому, насколько они *необходимы* крестьянамъ, насколько они ихъ *затѣсняютъ*, насколько можно *выжать* съ крестьянъ за эти отрѣзки"**).

Вотъ что значитъ для крестьянъ отрѣзки. Было ли бы выгодно крестьянамъ ихъ возвращеніе? Ясно, что, — да. А если — да, то почему намъ не поставить его въ свою программу? Потому, — отвѣчаютъ намъ наши критики, — что это было бы равносильно поддержанію и умноженію частной собственности. А почему вредно поддержаніе и умноженіе частной собственности? Потому, что оно задерживаетъ экономическое развитіе общества, Другихъ основаній для признанія его вреднымъ не имѣется. Значитъ тамъ, гдѣ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, оно не задерживало бы, а напротивъ, ускоряло бы экономическое развитіе общества, противъ него возражать невозможно. Но это — именно то, что мы видимъ въ интересующимъ насъ случаѣ. Всѣ изслѣдователи единогласно признаютъ, что такъ ярко изображенное А. Н. Энгельгардтомъ „затѣсненіе" крестьянъ поередствомъ отрѣзковъ очень сильно тормозитъ успѣхи сельскаго хозяйства въ Россіи. Поэтому вернуть крестьянамъ отрѣзки значитъ дать новый толчекъ экономическому развитію нашей страны. А такъ какъ экономическое развитіе у насъ, какъ и вездѣ, поведетъ въ концѣ концовъ къ торжеству соціализма, т. е. къ отмѣнѣ частной собственности на средства производства, то выходитъ, что возвращеніе отрѣзковъ подсказывается интересами соціалистической революціи, и что поддержаніе и умноженіе *частной* собственности въ этомъ случаѣ ускоритъ переходъ средствъ производства въ собственность *общественную.* Стало быть мы *не только можемъ, но обязаны* стоять за возвращеніе крестьянамъ отрѣзковъ. Метафизику такой выводъ покажется, конечно, логическимъ фокусомъ. Но мы и не надѣемся убѣдить *метафизиковъ;* мы обращаемся къ людямъ, спсобнымъ усвоить *діалектическій методъ* современнаго соціализма.

Замѣчу мимоходомъ, что когда Рязановъ приписываетъ намъ намѣреніе *выкупить* всѣ отрѣзки (стр. 264-265), то онъ грубо искажаетъ нашу мысль. Мы допускаемъ выкупъ только тамъ, гдѣ бывшія помѣщичьи имѣнія перешли въ другія руки. Но и здѣсь *выкупъ долженъ совершаться — согласно нашему требованію — не на счетъ крестьянъ и не на счетъ государства, а на счетъ все тѣхъ же помѣщиковъ, облагаемыхъ на этотъ предметъ*

*) Энгельгардъ тутъ не совсѣмъ правъ: значеніе отрѣзковъ не понятно многимъ изъ нашихъ критиковъ, напр., для г. Рязанова.

**) А. Н. Энгельгардъ, „Изъ деревни", стр. 415.

ресахъ порядка, т. е. абсолютизма, классовыя тенденціи пролетаріата сохраняютъ свою внутреннюю логику, глубоко-революціонную, непримиримо враждебную самодержавію, — и они готовы, въ томъ или другомъ случаѣ, сдѣлать и правительственнаго фабричнаго инспектора исходнымъ пунктомъ своего развитія.

И для насъ новое правительственное распоряженіе поучительно прежде всего въ томъ отношеніи, что лишній разъ показываетъ — какъ всякій правительственный органъ, не непосредственно приставленный къ охраненію „общественнаго спокойствія", т. е. не состоящій по министерству внутреннихъ дѣлъ, можетъ стать и становится ферментомъ, вызывающимъ политическое броженіе.

Тутъ передъ нами одно изъ безчисленныхъ проявленій полнаго взаимонепризнанія интересовъ самодержавія и интересовъ общественнаго прогресса. Задача самодержавія —

политически „неблагонадежными". Даже земскіе больничные умывальники имѣютъ, какъ извѣстно, слегка-якобинскую физіономію. Въ результатѣ — самая скромная „автономія" культурныхъ органовъ ведетъ за собой систематическій полицейскій походъ противъ земствъ вообще, противъ зем-

*) Очень недавно С.-Петербургскій фабричный инспекторъ въ своемъ секретномъ донесеніи управляющему отдѣломъ промышленности такими выразительными чертами характеризовалъ „политическіе" взгляды С.-Петербургскаго градоначальника: „Законъ долженъ поставить всѣ организаціи въ строго опредѣленныя рамки, соотвѣтственно цѣлямъ каждой, и обратить вниманіе на полную гласность дѣлопроизводства; никоимъ же образомъ, по его мнѣнію, нельзя допустить въ этомъ дѣлѣ руководство какого-либо одного административнаго органа, въ особенности же со стороны департамента полиціи, дѣятельность коего, *въ силу особыхъ условій, ей присущихъ,* всегда можетъ вызвать въ публикѣ *нерѣдко* совершенно незаслуженныя инсинуаціи".

Третій годъ изданія.

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

122

РОССІЙСКАЯ СОЦІА[…]
ДЕМОКРАТИЧЕСКА[…]
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

№ 43.

ФАБРИЧНАЯ ИНСПЕКЦІЯ И Д[…]
ПОМПАДУ[…]

особымъ налогомъ. Пусть самъ читатель судитъ, насколько такой выкупъ былъ бы похожъ на „пресловутую выкупную операцію“, съ которой сравниваетъ его нашъ глубокомысленный, остроумный и находчивый Рязановъ.

Теперь перейдемъ къ *общинѣ.* Отмѣна общиннаго землевладѣнія, безъ всякаго сомнѣнія, была бы равносильна очень значительному поддержанію и умноженію частной собственности. Болѣе того: благодаря ей, многіе русскіе крестьяне впервые пріобрѣли бы землю въ частную собственность. Могутъ-ли соціалисты согласиться на это, не измѣняя своей программѣ? Мы думаемъ, что могутъ; и думая такъ, мы снова видимъ себя въ очень недурной компаніи. Въ мартѣ 1850 г. центральный комитетъ Союза Коммунистовъ въ „обращеніи“ (Ansprache) къ членамъ этого Союза. — написанномъ, очевидно, рукою Маркса, — категорически говорилъ, что *партія пролетаріата меньше всего* (am allerwenigsten) *должна мириться съ увѣковѣченіемъ общинной собственности* (Gemeindeeigentum), *которая представляетъ собою отсталую форму даже сравнительно съ современной частной собственностью и которая повсюду необходимо разлагается въ эту послѣднюю.* Умноженіе частной собственности, являющееся результатомъ разложенія собственности общинной, какъ видимъ, совсѣмъ не представлялась Марксу явленіемъ способнымъ замедлить движеніе современнаго общества къ соціализму. Да оно и не могло представляться ему таковымъ. Могучій діалектикъ, онъ лучше, чѣмъ кто-нибудь, сознавалъ справедливость того положенія, что все на свѣтѣ имѣетъ двѣ стороны, и что поддержаніе и умноженіе частной собственности, вредное и реакціонное въ буржуазномъ обществѣ, *болѣе или менѣе* быстро идущемъ на встрѣчу *соціалистической революціи,* можетъ быть необходимой и полезной мѣрой тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ освобожденіи буржуазнаго общества отъ путъ „стараго режима“ и объ уничтоженіи старыхъ, отсталыхъ и отжившихъ формъ собственности.

Но только что цитированное мною „Обращеніе“ требуетъ также конфискаціи „земель феодальныхъ собственниковъ“, обращенія этихъ земель въ *государственную* собственность и устройства на нихъ *рабочихъ колоній.* Здѣсь тогдашняя программа Маркса и его единомышленниковъ, повидимому, расходится съ нашимъ проектомъ, а Рязановъ, какъ будто, оказывается настоящимъ ортодоксомъ, потому что его проектъ аграрной программы въ этомъ отношеніи сходится съ программой Маркса. Но и это только одна видимость, потому что и здѣсь Рязановъ старается говорить, какъ Марксъ, въ виду такихъ общественныхъ отношеній, при наличности которыхъ Марксъ заговорилъ бы совершенно иначе.

Если марксизмъ въ самомъ дѣлѣ можетъ быть названъ *алгеброй революціи,* то программа, вѣрная духу марксизма, должна быть отъ начала до конца *революціонной программой.* А въ революціонной программѣ каждое отдѣльное требованіе оцѣнивается съ той точки зрѣнія, *насколько оно способствуетъ успѣху революціоннаго движенія.* Если обнаруживается, что данное требованіе, будучи осуществлено, увеличило бы силы контръ-революціонеровъ, то оно должно быть отброшено, несмотря на то, что само по себѣ оно, можетъ быть, и сулило бы нѣкоторыя выгоды революціонному классу. Взглянемъ же съ этой точки зрѣнія на требованіе обращенія земель въ собственность государства.

У насъ въ Россіи государство издавна привыкло разсматривать земли, не принадлежащія такъ называемымъ частнымъ владѣльцамъ, какъ *свою собственность.* Общинное землевладѣніе крестьянъ означало на самомъ дѣлѣ, что *и земля, и привязанный къ ней крестьянинъ принадлежали казнѣ* и третировались ею примѣнительно къ „казенному интересу“. Вотъ почему наше общинное землевладѣніе было самой прочной экономической основой царизма. *Чтобы повалить царизмъ, надо разрушить его экономическую основу, а для этого необходимо поставить крестьянина въ условія современнаго частнаго землевладѣнія и устранить фактически установившуюся у насъ азіатскую форму государственнаго землевладѣнія.* Поэтому, всякіе проекты національзаціи земли или обращенія помѣщичьихъ земель въ государственную собственность *являются у насъ реакціонными по существу, вопреки своей революціонной внѣшности.* И потому Марксъ, навѣрное, осудилъ бы эти проекты, какъ противорѣчащіе основному требованію предстоящей намъ революціи. Если въ Германіи онъ разсуждалъ иначе, то вѣдь и условія были тамъ совсѣмъ другія.

Рязановъ и такъ называемые соціалисты-революціонеры, — у которыхъ онъ заимствовалъ свой аграрный проектъ, — говорятъ, правда, что послѣ революціи отнятыя у крупныхъ собственниковъ земли станетъ принадлежать не современному нашему полицейскому государству, а свободной демократической республикѣ, которая совсѣмъ иначе будутъ относиться и къ землѣ, и къ земледѣльцу. Но, говоря такъ, Рязановъ и его „соціально-революціонные“ учителя ставятъ вопросъ, разбираемый нами, на голову. Этотъ вопросъ въ томъ и заключается, *какъ добиться торжества демократической республики. Предположивъ,* что этотъ вопросъ *уже рѣшенъ,* мы, конечно, устраняемъ всѣ связанныя съ нимъ трудности, но вмѣстѣ съ этимъ *мы покидаемъ точку зрѣнія научнаго соціализма и превращаемся въ утопистовъ.* На самомъ дѣлѣ демократическая республика восторжествуетъ и упрочится только въ томъ случаѣ, если революціонное движеніе разрушитъ экономическую основу царизма, т. е. то *государственное землевладѣніе,* къ упроченію и расширенію котораго стремятся соціалисты-революціонеры (читай: реакціонеры) и нашъ бѣдный Рязановъ.

Еще два слова. Рязановъ говоритъ, что добиваясь возвращеніи крестьянамъ отрѣзковъ, мы тѣмъ самымъ признаемъ, что остальная земля составляетъ вполнѣ законное достояніе помѣщиковъ. Это какъ двѣ капли воды похоже на разсужденіе анархистовъ, не устающихъ твердить намъ, что, требуя сокращеніе рабочаго дня, скажемъ, до восьми часовъ, мы этимъ признаемъ, справедливость буржуазной эксплуатаціи, не выходящей за восьмичасовые предѣлы. На такихъ разсужденіяхъ можно не останавливаться.

Рязановъ напоминаетъ мнѣ, что въ своемъ коментаріѣ къ нашему проекту программы я признаю, что въ моментъ революціоннаго движенія, намъ, можетъ быть, придется выставить требованіе полной экспропріаціи помѣщичьихъ земель. Я очень хорошо помню это. Но я не вижу тутъ ровно никакого противорѣчія съ требованіемъ возвращеніи отрѣзковъ. Въ эти двухъ требованіяхъ *нѣтъ никакой качественной разницы,* а есть только *разница количественная,* какъ была бы только количественная разница въ двухъ законо-проектахъ изъ которыхъ одинъ требовалъ бы сокращенія рабочаго дня до десяти, а другой, скажемъ, до шести часовъ. Къ какому требованію мы склоняемся въ настоящую минуту, это зависитъ отъ соотношеніи общественныхъ силъ и только отъ него. Теперь, когда революціонная энергіи крестьянства *очень не велика,* мы естественно указываемъ ему болѣе скромное требованіе, а если придетъ такое время, когда наше крестьянство обнаружитъ очень большую революціонную энергію, то мы, разумѣется, не будемъ тащить его назадъ. Это совсѣмъ не наше дѣло. Мы укажемъ ему болѣе широкую революціонную цѣль. Но и въ этомъ случаѣ мы останемся вѣрны духу своей программы *и не станемъ поддерживать реакціонную утопію,* заимствованную Рязановымъ у соціалистовъ-реакціонеровъ. *А въ этомъ все дѣло;* въ этомъ главный отличительный признакъ нашей программы.

Заканчивая теперь мою бесѣду съ Рязановымъ, я невольно вспоминаю одно замѣчаніе Екатерины II. „Не послѣдняя и сія причина къ несогласію, — писала однажды галантная императрица, — что нѣкорые порочатъ дѣла другихъ, хотя бы они и полезны были для того только, что не ими сдѣланы, хотя сами однако же ихъ никогда не сильны сдѣлать“. Вотъ такъ и Рязановъ. Мнѣ сдается, что нашъ проектъ не нравится ему именно потому, что не имъ сдѣланъ. А самъ нашъ строгій критикъ, „силенъ“ произвести только неудобоваримую смѣсь изъ очень плохо понятаго имъ марксизма и, къ сожалѣнію, слишкомъ сильно врѣзавшихся въ его память реакціонно-утопическихъ требованій соціалистовъ-„революціонеровъ“.

Г. Плехановъ.

понять, какимъ образомъ возможно было бы примирить опытъ насажденія мелкой земельной собственности, въ приблизительно опредѣленныхъ размѣрахъ и границахъ, и послѣдующее исправленіе ея въ томъ и другомъ отношеніи съ началомъ неприкосновенности частной собственности и пріобрѣтенныхъ правъ, стоящимъ подъ одновременной охраной закона и всеобщаго признанія и, казалось бы, одинаково приложимымъ какъ къ крупному, такъ и къ мелкому землевладѣнію“(*). Это довольно ясно, хотя выражено весьма дипломатично. Г. Дурново опасался, что,

*) Бржескій, стр. 16.

**) Эту сторону дѣла разъяснили еще въ эпоху составленія положеній члены симбирскаго комитета, возстававшіе противъ круговой поруки.

***) Записка министра двора и удѣловъ графа Воронцова-Дашкова объ уничтоженіи крестьянской общины и возраженія на нее министра внутр. дѣлъ И. Н. Дурново. Женева — Каружъ. 1900, стр. 46. Интересно, что органъ соціалистовъ-реакціонеровъ „Вѣстникъ русской революціи“ тоже требуетъ бережнаго отношенія къ общинѣ (кн. I, стр. 12). Почти слово въ слово съ г. Дурново!

(*) Тамъ же, та же страница.

развивалась органами министерства финансовъ, преимущественно „Русскимъ Экономическимъ Обозрѣніемъ“. Она очень обстоятельно развита также въ книгѣ г. Н. Бржескаго; „Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ“ (см. особенно послѣднія главы). Эта книга, вышедшая въ 1897 г., посвящена г. Витте. Напомнимъ здѣсь кстати, что въ 1893 г., когда въ государственномъ совѣтѣ происходили споры объ общинномъ землевладѣніи, министръ финансовъ выступилъ съ запиской, въ которой община защищалась доводами, цѣликомъ заимствованными у народниковъ. Къ сожалѣнію, мѣсто не дозволяетъ намъ подробно обосновать ту нашу мысль, что г. Витте разочаровался въ общинѣ только съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ, что отъ нея теперь кулакамъ больше пользы, чѣмъ казнѣ. Мы, можетъ быть, сдѣлаемъ это въ другой разъ.

**) „Облегченіе отдѣльнымъ домохозяевамъ выхода изъ общины“ на практикѣ сведется, къ облегченію выхода изъ нея тѣмъ „хозяйственнымъ мужичкамъ“, которые найдутъ это для себя выгоднымъ. Земледѣльческая бѣднота по прежнему останется закрѣпощенной. Именно для нея-то и сохраняются „неприкосновенными“ всѣ мнимыя благодѣянія общиннаго землевладѣнія.

Третій годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“... Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 43. 1-го іюля 1903 года. № 43.

ФАБРИЧНАЯ ИНСПЕКЦІЯ И ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ ПОМПАДУРІЯ.

30 мая текущаго года Николай II написалъ „Утверждаю“ на новомъ документѣ, дополняющемъ и безъ того выразительный обликъ нашего „декадентскаго“ правительства.

Документъ этотъ называется „О порядкѣ и предѣлахъ подчиненія чиновъ фабричной инспекцій начальникамъ губерній и о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ во внутренней организаціи ея“.

Суть его состоитъ въ томъ, что губернаторы становятся полными хозяевами фабричной инспекціи, которая лишается послѣдней тѣни самостоятельности, — и съ этой стороны, полная передача фабричной инспекціи въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, о чемъ не разъ говорилось въ печати, — очень мало способна прибавить къ послѣднему „повелѣнію“. Правда, институтъ фабричной инспекціи пока еще остается формально составной частью министерства финансовъ, но „мѣстные чины фабричной инспекціи дѣйствуютъ подъ руководствомъ губернатора (градоначальника, оберъ-полицеймейстера)“. Самое назначеніе на должность фабричныхъ инспекторовъ производится по соглашенію съ губернаторомъ. Ему-же предоставляется право требовать отъ чиновъ фабричной инспекціи представленія очередныхъ и срочныхъ докладовъ по дѣламъ инспекціи и — что особенно важно — ему-же дана власть отмѣнять („въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ“) противорѣчащія законамъ и интересамъ общественнаго порядка распоряженія чиновъ фабричной инспекціи, съ доведеніемъ о семъ до свѣдѣнія министерства финансовъ“. Слишкомъ ясно, что при такихъ условіяхъ фабричный инспекторъ превращается въ сущности въ чиновника особыхъ („фабрично-заводскихъ“) порученій при особѣ губернатора.

По закону, фабричная инспекція, учрежденная въ 1882 г. для надзора за примѣненіями закона о работѣ малолѣтнихъ, подчиняется, какъ извѣстно, непосредственно департаменту торговли и мануфактуръ (министерство финансовъ).

Когда въ 1886 г. поставленъ былъ на очередь вопросъ о расширеніи компетенціи фабричной инспекціи до общаго надзора за „законностью въ отношеніяхъ между фабрикантами и рабочими“, Общее Собраніе Государственнаго Совѣта, разсматривая соотвѣтственный законопроектъ, обсуждало, между прочимъ, вопросъ о подчиненіи инспекціи непосредственному губернскому начальству и пришелъ къ тому выводу, что „столь коренное измѣненіе въ ея устройствѣ едва-ли вызывается указаніемъ опыта. Успѣшная дѣятельность инспекціи, въ теченіе четырехъ лѣтъ со времени ея учрежденія, доказываетъ, что непосредственное руководство ею со стороны центральныхъ вѣдомствъ, нисколько не колебля вліяніе губернскаго начальства, во многомъ обезпечило спокойное и согласованное съ видами правительства примѣненіе закона о работѣ малолѣтнихъ“.

Но тѣ условія, которыя въ 1886 г. обезпечивали относительно „спокойное и согласованное съ видами правительства“ примѣненіе законовъ, между прочимъ и узкая сфера вѣдѣнія фабричной инспекціи — совершенно измѣнились къ 1903 г. Отдѣляющій эти два момента періодъ времени составляетъ исторію русскаго рабочаго движенія, — и вотъ нынѣ интересы „закона и общественнаго порядка“ требуютъ того, *что* во имя ихъ отвергалось 17 лѣтъ тому назадъ — требуютъ полнаго подчиненія фабричнаго инспектора губернаторской власти

Связь новаго полузаконодательнаго акта съ „идеей русскаго четвертаго сословія“ несомнѣнна. Этой связи способенъ не замѣтить развѣ только русскій либералъ, который въ „соціальной политикѣ“ самодержавія не усматриваетъ ничего, кромѣ чередованія моментовъ „государственной мысли“ и „государственной безсмыслицы“, который за законодательнымъ экраномъ не видитъ борющихся соціально-классовыхъ силъ, бросающихъ на экранъ свои прямыя или обратныя отраженія.

Самый фактъ учрежденія фабричной инспекціи былъ, въ извѣстномъ смыслѣ, актомъ „революціоннымъ“: онъ полагалъ въ сущности конецъ лицемѣрнымъ апелляціямъ къ паточно-нагаечной патріархальности, якобы составляющей атмосферу нашихъ фабрично-заводскихъ отношеній. Фабричная инспекція, какъ постоянный аппаратъ „миролюбиваго соглашенія сторонъ“, означаетъ признаніе *нормальности* частыхъ, если не хроническихъ недоразумѣній между этими „сторонами“. Самый фактъ возможности искать разрѣшенія извѣстныхъ вопросовъ у надлежащей инстанціи, можетъ стать и конечно становится для „сѣрыхъ“ рабочихъ первымъ толчкомъ къ робкимъ, неоформленнымъ размышленіямъ въ сторону „идеи четвертаго сословія“.

И въ этомъ именно — составъ преступленія фабричной инспекціи. Она виновата, она сугубо виновата въ томъ, что стоитъ на пересѣченіи враждебныхъ интересовъ пролетаріата и буржуазіи. И какъ бы фабричный инспекторъ ни старался нейтрализовать соціальныя противорѣчія въ интересахъ порядка, т. е. абсолютизма, классовыя тенденціи пролетаріата сохраняютъ свою внутреннюю логику, глубоко-революціонную, непримиримо враждебную самодержавію, — и они готовы, въ томъ или другомъ случаѣ, сдѣлать и правительственнаго фабричнаго инспектора исходнымъ пунктомъ своего развитія.

И для насъ новое правительственное распоряженіе поучительно прежде всего въ томъ отношеніи, что лишній разъ показываетъ — какъ всякій правительственный органъ, не непосредственно приставленный къ охраненію „общественнаго спокойствія“, т. е. не состоящій по министерству внутреннихъ дѣлъ, можетъ стать и становится ферментомъ, вызывающимъ политическое броженіе.

Тутъ передъ нами одно изъ безчисленныхъ проявленій полнаго взаимонепризнанія интересовъ самодержавія и интересовъ общественнаго прогресса. Задача самодержавія — подчинить общественную жизнь — въ цѣляхъ „порядка и спокойствія“ — министерству внутреннихъ дѣлъ. Задача нашей общественной жизни — использовать все, что имѣется подъ руками, въ цѣляхъ „нарушенія общественнаго спокойствія“, — и въ этомъ процессѣ жизнь стремится оторвать каждый органъ, не непосредственно уполномоченный „тащить и не пущать“, и сдѣлать его виновникомъ, обыкновенно невольнымъ и безсознательнымъ, но все же виновникомъ тѣхъ или другихъ общественныхъ „безпокойствъ“.

Земскій врачъ, если онъ съ интересомъ и преданностью относится къ своему дѣлу, неминуемо приходитъ къ переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей самодержавія съ точки зрѣнія интересовъ народнаго здоровья. Хроническое недоѣданіе и острыя голодовки, какъ одинъ изъ результатовъ „внутренней политики“, порка, какъ одинъ изъ ея методовъ — фатально ведутъ къ физическому вырожденію населенія. И земскому врачу приходится либо превратиться въ полицейскаго агента по медицинскимъ дѣламъ, либо стать одним изъ элементовъ оппозиціи. Земскій агрономъ неминуемо приходитъ въ столкновеніе съ мѣропріятіями правительственнаго хищничества, ставящими непреодолимую преграду всѣмъ агрономическимъ попыткамъ повысить производительность крестьянскаго хозяйства. Агроному остается признать тщету своихъ культурныхъ усилій при дальнѣйшемъ сохраненіи антикультурнѣйшаго института — самодержавія.

Фабричная инспекція — незачѣмъ и говорить, что она не стояла и не могла стоять на стражѣ нуждъ русскаго рабочаго класса; но поскольку она была призвана къ наблюденію за *нормальнымъ ходомъ промышленной жизни*, она приходила и не могла не приходить въ лицѣ своихъ органовъ въ сравнительно частыя столкновенія съ агентами полицейской власти. Промышленности нуженъ работоспособный, по возможности культурный пролетарій, — самодержавію нуженъ по возможности темный, забитый и запуганный подданный. Вотъ основа неизбѣжныхъ треній, а значитъ и основа для законодательныхъ актовъ въ духѣ подчиненія, ограниченія и согласованія.

Несогласованность органовъ, порождающая потребность въ подобнаго рода мѣрахъ, вызывается, какъ мы видѣли, стихійнымъ стремленіемъ общественнаго процесса оторвать всѣ не-прямо полицейскіе члены правительственнаго организма и придать имъ сколько-нибудь культурное назначеніе. Такое явно злоумышленное стремленіе является въ свою очередь результатомъ взаимонепризнанія соціальной эволюціи и департамента полиціи. А въ конечномъ итогѣ несогласованность органовъ и взаимонепризнаніе эволюціи и полиціи является необходимость для самодержавія болѣе непосредственно подчинить всѣ жизненныя функціи и соотвѣтствующіе имъ органы центральной нервной системѣ самодержавія, т. е. министерству внутреннихъ дѣлъ. Такое подчиненіе дѣлаетъ опеку самодержавія еще болѣе невыносимой для соціальнаго развитія и тѣмъ самымъ заставляетъ самодержавіе еще упорнѣе подчинять соціальное развитіе своей опекѣ.

Но такъ какъ всепредусматривающая централистическая полицейская опека становится технически все менѣе и менѣе возможной вслѣдствіе возрастающей сложности сталкивающихся интересовъ, то самодержавіе вынуждено вплотную подойти къ тому идеалу, который былъ опредѣленъ еще Щедринымъ, какъ *децентрализованная помпадурія*. Идеалъ этотъ былъ открыто возвѣщенъ въ „золотыхъ словахъ“ послѣдняго царскаго манифеста о „крѣпкой мѣстной власти, предъ нами отвѣтственной“.

Дореформенное самодержавіе, цѣльно воплощенное Николаемъ І-мъ и ранѣе его доведенное до абсурда Павломъ, не знало этихъ противорѣчій. Оно считало себя правоспособнымъ непосредственно полицейскими мѣрами разрѣшать всѣ проблемы и утирать голубымъ обшлагомъ всѣ слезы. При Павлѣ оно стригло и брило подданныхъ по оффиціальному образцу и составляло для нихъ словарь разговорной рѣчи, при Николаѣ оно заботилось о поэтическихъ достоинствахъ балладъ. Цензура должна была не только подстригать и предостерегать, но и „споспѣшествовать“.

Съ банкротствомъ Николаевщины правительственная тактика мѣняется. Дѣлается широкая попытка отдѣлить чисто полицейскія функціи отъ культурныхъ, поручая послѣднія либо органамъ общественнаго самоуправленія и общественной самодѣятельности (земства, думы, комитеты грамотности и пр.), либо спеціальнымъ органамъ и чиновникамъ правительства (напримѣръ, фабричные инспектора). Вмѣстѣ съ тѣмъ создаются полицейскія нормы, за которыя дѣятельность культурныхъ органовъ не должна переступать, и которыя, по замыслу законодателя, должны явиться достаточными „гарантіями неприкосновенности“ для принциповъ самодержавія.*) Но жизнь сплошь и рядомъ наполняла эти „нормы“ завѣдомо „тенденціознымъ“ содержаніемъ. Земская статистика, частная помощь голодающимъ, земское продовольственное дѣло учебное дѣло — всѣ эти казалось бы скромныя отрасли культурной работы, — обольщенныя „хитростью“ историческаго „разума“, оказываются сплошь политически „неблагонадежными“. Даже земскіе больничные умывальники имѣютъ, какъ извѣстно, слегка-якобинскую физіономію. Въ результатѣ — самая скромная „автономія“ культурныхъ органовъ ведетъ за собой систематическій походъ противъ земствъ вообще, противъ земскихъ „третьихъ лицъ“ (врачей, статистиковъ, агрономовъ и пр.), въ особенности, противъ частныхъ благотворителей, не заручившихся губернаторскимъ рукопожатіемъ, противъ цѣлаго ряда культурныхъ и благотворительныхъ обществъ, — походъ, ознаменованный такими героическими мѣрами, какъ закрытіе столовыхъ и упраздненіе „статистики“!

Земскіе агрономы отдаются подъ надзоръ урядниковъ. Университетская наука не выходитъ изъ-подъ контроля полицейской инспекціи. Земства и думы превращаются въ придатки губернаторскихъ и градоначальническихъ канцелярій. И наконецъ фабричные инспектора поступаютъ подъ опеку губернаторовъ. Тѣ самые фабричные инспектора, которые въ сущности представляютъ лишь оттѣнокъ общегосударственной полиціи, которые ближе, гораздо ближе, къ кабинету фабриканта и жандармской канцеляріи, чѣмъ къ рабочей квартирѣ, — и они оказываются способными принять рѣшенія, противныя закону и общественному порядку!..

Это сосредоточенное недовѣріе жандармско-полицейскаго аппарата ко всему, что стоитъ внѣ его, прекрасно иллюстрируется законопроектомъ о фабричныхъ старостахъ, къ которому мы вернемся, когда (если?) онъ станетъ закономъ.*) Теперь отмѣтимъ лишь слѣдующую основную черту законопроекта. Не смотря на то, что выборъ рабочими старостъ происходитъ не иначе, какъ въ рамкахъ очерченныхъ фабрично-заводскимъ управленіемъ, и притомъ подъ назойливымъ контролемъ фабричной инспекціи, которая, въ свою очередь поставлена теперь подъ ближайшій контроль губернатора, — законопроектъ включаетъ въ себѣ такое предусмотрительное „примѣчаніе“: „Губернскому начальству предоставляется въ тѣхъ случаяхъ, когда по дошедшимъ до сего начальства свѣдѣніямъ рабочіе, избранные въ старосты, не удовлетворяютъ своему назначенію (?), устранять ихъ отъ исполненія обязанностей старостъ и до срока, на который они избраны“. Такимъ образомъ уже здѣсь, въ законопроектѣ, полиція вступаетъ въ единоборство съ жизнью, которая уже достаточно зарекомендовала себя со стороны умѣнья обращать противъ самодержавія учрежденія и установленія, имъ же самимъ вызванныя къ жизни въ цѣляхъ собственнаго огражденія.

Комментаріи освѣдомленнаго „Новаго Времени“ къ „высочайшему повелѣнію“ 30 мая, очень назидательны. Эта газета справедливо считаетъ новое постановленіе „весьма характернымъ для руководящихъ идей настоящаго времени“. Правда, приходится признать, что въ создаваемомъ нынѣ положеніи имѣются „кое-какія щекотливыя стороны“: чиновники министерства финансовъ ставятся въ зависимость отъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, что неминуемо создастъ бюрократическія „тренія“. Но „есть основанія ожидать, говоритъ газета, что губернаторъ будетъ поставленъ какъ *представитель не одного вѣдомства, а высшей власти вообще*“. Каждая губернія превратится въ болѣе или менѣе автономную помпадурію, управляемую твердой рукою губернатора, предъ „Нами“, т. е. передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ отвѣтственнаго.

Итакъ, губернаторъ, властной рукой натягивающій на мѣстѣ всѣ „бразды“, переступающій увѣренной ногою всѣ законы и отмѣняющій мимоходомъ распоряженія фабричной инспекціи въ высшихъ интересахъ „общественнаго порядка“, — и тотъ же губернаторъ, получающій изъ центра внушенія по части своевременности избіенія евреевъ опять-таки въ высшихъ цѣляхъ „общественнаго порядка“ — таково послѣднее слово практики оглашеннаго самодержавія.

Но не смотря на весь свой поистинѣ адскій характеръ, эта практика обузданія общественной стихіи имѣетъ много общаго съ попытками Диккенсовской героини задержать щеткой волны морского прилива...

О! Конечно, мы знаемъ, что орудія, какими пользуется озвѣрѣвшая россійская власть безконечно грознѣе жалкой половой щетки. О! Разумѣется, мы помнимъ, что всеочистительная „щетка“ русскаго самодержавія снабжена острыми желѣзными зубьями, которые — при каждомъ новомъ правительственномъ экспериментѣ — впиваются въ тѣло, въ живое тѣло русскаго народа.... Но мы въ то же время знаемъ, — и въ этомъ залогъ нашей побѣды — что и самой гигантской жандармско-полицейской щеткѣ не дано задержать волны революціоннаго прибоя!

*) Очень недавно С.-Петербургскій фабричный инспекторъ въ своемъ секретномъ донесеніи управляющему отдѣломъ промышленности такими выразительными чертами характеризовалъ „политическіе“ взгляды С.-Петербургскаго градоначальника: „Законъ долженъ поставить всѣ организаціи въ строго опредѣленныя рамки, соотвѣтственно цѣлямъ каждой, и обратить вниманіе на полную гласность дѣлопроизводства; никомъ же образомъ, по его мнѣнію, нельзя допустить въ этомъ дѣлѣ руководство какого-либо одного административнаго органа, въ особенности же со стороны департамента полиціи, дѣятельность коего, *въ силу особыхъ условій, ей присущихъ*, всегда можетъ вызвать въ публикѣ *нерѣдко* совершенно незаслуженныя инсинуаціи“.

*) Газеты сообщаютъ, что этотъ законопроектъ уже прошелъ въ государственномъ совѣтѣ.

„ЖЕЛѢЗНЫЙ“ СЪѢЗДЪ.

Тупой уголъ — таковъ конечный пунктъ всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій послѣдняго времени. Виновата ли въ этомъ „смута“ или таковъ уже злой рокъ самодержавія, но ему ничего не удается и всѣми своими крупными начинаніями оно только себя дискредитируетъ, Стараются въ этой области одинаково всѣ вѣдомства, и почти въ то самое время, когда г. фонъ-Плеве кишиневскими звѣрствами обнаружилъ передъ всѣмъ міромъ банкротство всей внутренней политики самодержавія, г. Витте вздумалось показать также несостоятельность своей финансовой политики. Конечно, умыселъ другой тутъ былъ. Но, на бѣду самодержавія, событія не считаются болѣе съ его умыслами и результаты получаются совершенно противоположные тѣмъ, какіе ожидалъ тотъ или другой его слуга.

Извѣстно, что очень тѣсная дружба соединяла недавно министерство финансовъ съ міромъ крупныхъ заводчиковъ, дружба до того тѣсная, что многіе наивные люди дѣлали отсюда какіе-то выводы на счетъ существованія у насъ специфической буржуазной конституціи. Въ это-то блаженное время расцвѣта русской промышленности при благосклонномъ содѣйствіи министерства финансовъ возникло множество всевозможныхъ предпріятій, среди которыхъ было очень много и такихъ, которыя не обладали почти никакимъ собственнымъ капиталомъ и существовали исключительно благодаря кредиту. „На заграничныхъ рынкахъ, — писалъ въ 1897 году, захлебываясь отъ восторга, оффиціальный органъ министерства финансовъ, — акціи этихъ заводовъ, приносившихъ огромные дивиденды, отъ которыхъ давно отвыкли иностранные капиталисты, стояли такъ высоко, что достаточно было прибавить къ названію фирмы „днѣпровскій“ илл „донец-

кій", чтобы разсчитывать на легкій сбытъ акцій за-границей. Промышленное настроеніе проникло во всѣ слои населенія юга Россіи, отодвинувъ на второй планъ другіе интересы. Въ послѣднее время ростъ промышленности отмѣчается не десятилѣтіями, но двумя-тремя годами. За два года югъ Россіи положительно измѣнилъ свою физіономію въ промышленномъ отношеніи... Промышленность и торговля Россіи такъ растутъ, что ни желѣзныя дороги, ни южные порты не успѣваютъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ". Въ особенномъ фаворѣ были горнозаводчики. Главнымъ предметомъ изготовленія южно-русскихъ заводовъ были рельсы и желѣзнодорожныя принадлежности. При своемъ возникновеніи заводы запасались казенными заказами на нѣсколько лѣтъ, а нѣкоторые возникли даже при прямой денежной поддержкѣ казны — частью въ видѣ единовременной ссуды, частью въ видѣ денежной преміи съ пуда выдѣлываемыхъ рельсъ. Заводчики получали огромные барыши, часто 50-70 коп. на пудъ рельсъ. Желѣзныя дороги строились не потому, что въ нихъ чувствовалась надобность, а потому, что существовали уже ранѣе заказанныя рельсы. Надо думать, что министръ финансовъ ожидалъ, что этотъ капиталистическій рай будетъ продолжаться вѣчно, и онъ щедрой рукой раздавалъ казенныя деньги, полученныя путемъ займовъ за-границей. Но точно также само собой понятно, что за этой грюндерской горячкой наступилъ крахъ, который дѣйствовалъ тѣмъ разрушительнѣе, чѣмъ больше было въ предыдущій періодъ совершенно дутыхъ предпріятій. Сначала пытались отрицать существованіе общаго промышленнаго кризиса и сваливали всю вину на биржевую спекуляцію (хотя, какъ мы отчасти видѣли, министръ финансовъ и его органы не были чужды этой спекуляціи), но зима 1899-1900 гг. принесла массу банкротствъ, пріостановку многихъ производствъ, рѣзкое паденіе цѣнъ, сильную безработицу, и теперь ни въ характерѣ, ни въ интенсивности кризиса нельзя было уже сомнѣваться. Само собою разумѣется, что предприниматели, не стѣснявшіеся выбросить на улицу тысячи голодныхъ рабочихъ и свалить такимъ образомъ на пролетаріатъ отвѣтственность за „рискъ предпріятія", (за каковую отвѣтственность, по ученію буржуазныхъ экономистовъ, предприниматели и получаютъ свою долю-прибыль), сами нисколько не были расположены платиться за свои грѣхи и завопили о правительственной поддержкѣ. И правительство, которое за все время кризиса ничего не сдѣлало для тысячъ безработныхъ, услышало мольбы нѣсколькихъ десятковъ капиталистовъ и пришло имъ на помощь. Государственный банкъ открылъ широкій кредитъ (въ нѣсколько милліоновъ рублей) металлургическимъ обществамъ, купилъ на нѣсколько милліоновъ облигацій нѣкоторыхъ промышленныхъ заведеній и принялъ рядъ мѣръ для поддержанія цѣлаго ряда предпріятій, бывшихъ на шагъ отъ банкротства. Изъ сберегательныхъ кассъ тратились огромныя суммы на покупки облигацій, которыя частными лицами покупались неохотно. Государственный банкъ оказался простымъ посредникомъ для перевода денегъ изъ кармановъ плательщиковъ налоговъ въ кошельки предпринимателей.

Но кризисъ продолжался слишкомъ долго, и продолжать такую политику оказывалось невозможнымъ. Тогда г. Витте измѣнилъ тактику: онъ былъ прежде „протекціонистомъ", потому что хотѣлъ создать достаточно сильное внутреннее производство, которое могло бы удовлетворять нуждамъ страны; теперь же цѣль всѣхъ его стремленій достигнута, цѣны упали такъ низко, что онѣ должны быть по плечу русскому потребителю, а промышленникамъ остается только приспособлять свое производство къ потребностямъ страны. Увѣреніямъ министра, однако, не придавали никакой цѣны. Если министръ дѣйствительно стремится къ пониженію цѣнъ, — разсуждали многіе, — то почему онъ не отмѣнитъ ввозныхъ пошлинъ, которыя въ весьма сильной степени вліяютъ на поддержаніе высокихъ цѣнъ? А горнозаводчики въ свою очередь спрашивали себя, какимъ образомъ министръ надѣялся достичь пониженія цѣнъ на плуги, молотилки, кровельное желѣзо и т. п., когда, благодаря его заказамъ, заводы приспособлялись къ изготовленію рельсъ, вагоновъ, паровозовъ и т. д.? Поэтому, когда на прошлогоднемъ съѣздѣ южнымъ горнопромышленникамъ было предложено обсудить мѣры къ поднятію потребленія желѣза, то они нашли, что лучше всего это можно сдѣлать при помощи все тѣхъ же казенныхъ денегъ и потому рѣшили: 1. ходатайствовать о томъ, чтобы процентъ по ссудамъ, выдаваемымъ государственнымъ банкомъ земствамъ на покупку желѣза, былъ пониженъ до четырехъ; чтобы въ государственномъ банкѣ была введена новая операція, учетъ удостовѣреній, которыя земства будутъ выдавать русскимъ заводамъ въ принятіи отъ нихъ на земскіе склады машинъ и желѣза; чтобы срокъ храненія на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ заводскихъ издѣлій, предназначенныхъ въ земскіе склады, былъ продленъ, и 2. учредить „Общество для продажи издѣлій русскихъ заводовъ", т. е., попросту говоря, синдикатъ. Министръ финансовъ какъ разъ въ это время велъ агитацію (на бумагѣ) противъ синдикатовъ и картелей, но противъ „Общества для продажи" онъ ничего не могъ имѣть, и скоро цѣны на желѣзо стали крѣпнуть. Это, однако, не увеличило сбыта, и заводы продолжали сокращать производство, а заводчики — вопить о казенныхъ заказахъ.

Тутъ-то и задумалъ г. Витте созвать „съѣздъ по выработкѣ мѣропріятій къ возможно широкому распространенію желѣза по Россіи во всѣхъ его видахъ." Извѣстно, что горнозаводчики и прежде имѣли свои собственные съѣзды, на которыхъ занимались (не безъ содѣйствія министра финансовъ) своеобразной организаціей производства и сбыта, т. е. сугубой эксплуатаціей своихъ рабочихъ и потребителей. Но на этотъ разъ на съѣздъ, кромѣ горнозаводчиковъ, были приглашены представители земствъ и городовъ: представителямъ промышленнаго капитала противопоставили представителей аграрныхъ интересовъ. Казалось, что какъ г. фонъ-Плеве искалъ спасенія отъ все болѣе и болѣе грозно наступающаго крушенія основъ въ борьбѣ расъ, такъ и г. Витте рѣшилъ въ трудную минуту аппелировать къ борьбѣ классовъ и посягательствамъ горнозаводчиковъ противопоставить нужды сельскаго хозяйства. Но г. Витте остался при печальномъ интересѣ: какъ ни смирны и кротки земскіе либералы, они не могли не сказать, кто истинный виновникъ сельскохозяйственныхъ нуждъ. „Экономическая жизнь, — поучалъ г. Витте своихъ слушателей, — течетъ волнообразно: за прогрессомъ идетъ регрессъ, и обратно. Слишкомъ повышательное движеніе металлургической промышленности нарушило равновѣсіе и вызвало временное обратное движеніе. Кризисъ этотъ нѣсколько затянулся. И это, между прочимъ, объясняется тѣмъ, что переходъ отъ высокихъ съ давнихъ поръ цѣнъ, къ которымъ возврата уже, конечно, быть не можетъ, къ цѣнамъ болѣе доступнымъ для населенія, только что совершился, и къ нему необходимо приспособиться всему производству". Противъ подобныхъ заявленій протестуютъ горнозаводчики; по ихъ мнѣнію, не предвидится „никакихъ признаковъ оживленія промышленности, исключая, если будетъ усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ, развитіе отечественнаго судостроенія и если послѣдуетъ нѣсколько урожайныхъ годовъ". „Палліативныя мѣры, — говорятъ они, — не помогутъ въ данномъ случаѣ, а необходимо оздоровленіе всего промышленнаго организма въ самомъ его корнѣ или, другими словами, необходимо рѣшительное воздѣйствіе на истинную причину зла, которая состоитъ въ полномъ несоотвѣтствіи между производительной способностью заводовъ и потребительными средствами страны".

Господа желѣзозаводчики не вѣрятъ въ возможность поднять народное потребленіе при данныхъ условіяхъ, а потому они требуютъ увеличенія желѣзнодорожнаго строительства и судостроенія. Какъ люди практическіе, они не мечтаютъ объ измѣненіи условій и хлопочутъ о правительственной подачкѣ. „Если кому-нибудь нужна помощь правительства, такъ именно бѣдному, раззоренному крестьянству", возражаютъ представители земствъ, полагая, что необходимо прежде всего стремиться къ поднятію общаго экономическаго и образовательнаго уровня народа, необходимо дать ему техническое образованіе, доставить дешевый кредитъ, понизить таможенныя пошлины, необходимо... Но все это г. Витте уже выслушалъ недавно отъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. И онъ, и всѣ присутствовавшіе понимали, что никакихъ такихъ мѣръ правительство предпринять не можетъ, что оно безсильно, что оно накануне банкротства, что единственно логическій выводъ изъ всего сказаннаго былъ бы крикъ — „долой самодержавіе!" Но такъ какъ представители соціалдемократіи на съѣздѣ не было, то онъ и былъ закрытъ безъ соотвѣтствующихъ возгласовъ.

ОБЪ АГИТАЦІОННЫХЪ ЗАДАЧАХЪ НАШЕЙ ПАРТІИ.

(Письмо въ редакцію).

Въ настоящей замѣткѣ я хочу выдвинуть одну сторону въ дѣятельности нашей партіи, которая въ настоящій моментъ находится, такъ сказать, въ полномъ загонѣ. Всякая политическая партія, которая хочетъ правильно развиваться, должна внимательно приглядываться къ окружающему, должна чутко прислушиваться къ нарождающимся потребностямъ. Никогда не застывая на разъ принятыхъ пріемахъ борьбы и разъ усвоенной тактикѣ, она должна постоянно видоизмѣнять ее сообразно вѣчно измѣняющимся окружающимъ ее условіямъ. Мы не думаемъ, однако, предлагать теперь новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ, пріемовъ борьбы или какой-либо новой тактики: мы хотимъ только установить правильное соотношеніе между всѣми признанными уже пріемами борьбы, нарушенное за послѣднее время въ практикѣ нашей партіи. Мы имѣемъ передъ собою опытъ нѣсколькихъ лѣтъ демонстраціоннаго движенія. Въ настоящій моментъ можно считать законченнымъ агитаціонный періодъ 1902-1903 гг., достигающій у насъ, какъ извѣстно, въ майскомъ движеніи своего кульминаціоннаго пункта. Хотя мы не можемъ еще подвести всѣхъ итоговъ майскаго движенія 1903 г., но главныя черты его уже опредѣлились. И мы не можемъ скрыть отъ себя, что итоги эти не могутъ не вызвать у насъ нѣкотораго разочарованія. Смотря по субъективнымъ условіямъ, у одного это разочарованіе живѣе, у другого менѣе ощутительно. Но будучи искренними и не ослѣпленными, никто не можетъ отрицать наличности самаго разочарованія. Вызванныя движеніемъ послѣднихъ лѣтъ надежды были такъ велики, что факты послѣдняго агитаціоннаго періода, хотя сами по себѣ и достаточно внушительные, далеко не въ состояніи отвѣтить этимъ преувеличеннымъ надеждамъ. Мы говорили о „прологѣ революціи", а въ это время напрягшее всѣ свои усилія самодержавіе успѣшно справлялось съ нашими организаціями. Ни въ одномъ изъ старыхъ центровъ рабочаго движенія, имѣющихъ рѣшающее значеніе въ нашей борьбѣ, въ Петербургѣ, въ Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ не удалось организовать хоть сколько-нибудь внушительной демонстраціи за весь агитаціонный періодъ 1902-1903 гг.

Чѣмъ объяснить это явленіе? Причины его, конечно, сложны и въ числѣ ихъ не малую роль играетъ плохая организація нашихъ комитетовъ. Но нельзя-же во всѣхъ концовъ все сводить къ недостаткамъ организаціи; нужно искать и болѣе глубокихъ причинъ нашихъ неудачъ. А эти болѣе глубокія причины могутъ заключаться только въ недостаточной сознательности рабочихъ массъ; только этой недостаточной сознательностью можетъ объяснить намъ неуспѣхъ нашихъ попытокъ вызвать широкое демонстраціонное движеніе при отмѣчаемомъ всѣми наблюдателями широкомъ недовольствѣ и даже боевомъ настроеніи массъ. Не можемъ-же мы признать, что полиція, какъ-бы совершенна она ни была, можетъ успѣшно справляться съ народной массой, ясно сознающей свои задачи и твердо рѣшившейся бороться съ врагомъ. Дѣло въ томъ, что (за единичными исключеніями) всѣ наши демонстраціи 1901-1903 гг. *не были массовыми* демонстраціями въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Въ нихъ, конечно, участвовали и рабочіе, и просто городское простонародіе, но онѣ составляли незначительное меньшинство демонстрантовъ; большинство-же составляла любопытствующая полу-сочувствующая публика. Именно съ послѣдней, отчасти малосознательной, отчасти политически дряблой части демонстрантовъ научилась теперь справляться полиція. Немногочисленные сознательные и рѣшительные демонстранты оказались изолированными и, слѣдовательно, безсильными. Всѣ наши демонстраціи послѣднихъ лѣтъ, за немногими исключеніями, были, по красивому выраженію „Искры", демонстраціями кучки „героевъ" передъ „толпой". „Герои" провозглашали передъ „толпой", махали своими знаменами и кричали „долой самодержавіе". Толпа безмолвствовала. Это не были демонстраціи толпы, и въ этомъ — причина ихъ слабости.

Опытъ послѣднихъ лѣтъ, намъ кажется, повелительно предписываетъ намъ признать слѣдующій выводъ „Искры": демонстраціи небольшой кучки „героевъ" передъ „толпой" отжили свое время; *демонстраціи должны стать массовыми или ихъ вовсе не должно быть.* Но какъ сдѣлать демонстраціи массовыми, какъ вовлечь „толпу" въ движеніе и превратить ее въ „героевъ"? „Искра" только намѣчаетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, указывая на примѣръ Ростова, но не высказываетъ его ясно. Попробуемъ это сдѣлать. Исторія нашего движенія даетъ только слѣдующія массовыя движенія: петербургская забастовка 1896 г., майское движеніе въ Ригѣ, Либавѣ и Харьковѣ въ 1898, 1899, 1900 годахъ, Обуховская оборона 1901 года (май), Ростовское движеніе 1902 года (ноябрь) и демонстрація 2 марта тамъ-же и, можетъ быть, еще майское движеніе этого года въ нѣкоторыхъ глухихъ углахъ Россіи. Истинно массовымъ движеніе у насъ становилось только тогда, когда соціалдемократическимъ организаціямъ удавалось связать общія задачи нашей партіи съ насущными интересами и нуждами рабочей массы и тѣмъ вовлечь ее въ борьбу. Первые годы, подъ вліяніемъ отчасти теоріи „стадій", стачечное движеніе оставалось до конца на почвѣ чисто экономической борьбы, имѣя, тѣмъ не менѣе, громадное значеніе въ дѣлѣ политическаго воспитанія массы (какъ было съ петербургской забастовкой 1896 года). Впослѣдствіи стачечное движеніе стало все болѣе пріобрѣтать политическій характеръ, переходя въ открытую борьбу съ самодержавіемъ, — въ борьбу политическую. Майскій праздникъ пролетаріата сыгралъ въ этомъ отношеніи крупную роль. Классовый характеръ майскаго праздника и, вмѣстѣ съ тѣмъ, его всеобщность сдѣлали его отличнымъ орудіемъ для вовлеченія широкой рабочей массы въ политическую борьбу. Съ одной стороны, по своему значенію онъ понятенъ всякому неразвитому рабочему, съ другой — какъ демонстрація цѣлаго *класса*, онъ неизбѣжно превращается въ борьбу политическую: самодержавіе можетъ еще мириться съ отдѣльной стачкой на заводѣ или даже въ цѣломъ районѣ, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ примириться съ общеклассовымъ движеніемъ пролетаріата; оно всегда будетъ подавлять его грубой силой и тѣмъ будетъ превращать его въ политическую демонстрацію даже тогда, когда рабочіе этого не хотѣли-бы. *Классовая борьба* (рѣчь идетъ о борьбѣ дѣйствительно цѣлаго класса) *есть всегда борьба политическая.* Мнѣ нечего разъяснять здѣсь необходимую связь классового движенія пролетаріата съ борьбой политической — это азбука русской соціалдемократіи, усвоенная ею на зарѣ массового движенія. Именно пониманіе этой необходимой связи профессіональной борьбы рабочихъ съ политической борьбой рабочаго класса, сознаніе, что „профессіональное движеніе — общая основа соціалдемократическаго движенія" (Каутскій — Эрфуртская программа) создало силу и значеніе русской соціалдемократіи. Благодаря этому пониманію, русской соціалдемократіи удалось пробудить отъ спячки и вывести на широкую арену политической борьбы русскій рабочій классъ и тѣмъ разсѣять нависшій надъ Россіей густой мракъ реакціи восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ. Пробужденіе къ политической жизни рабочаго класса вызвало оживленіе и другихъ слоевъ русскаго народа, начиная отъ студенчества и кончая крестьянствомъ, и въ результатѣ — открытая революціонная борьба 1901-1903 гг. Это небывалое въ Россіи движеніе, этотъ открытый вызовъ самодержавію, всколыхнули общество, сочувствіе демонстрантамъ вскружило всѣмъ головы, и наиболѣе увлекающіеся заговорили уже о „штурмѣ на самодержавіе", о „прологѣ революціи". Пора отказаться отъ этого несвоевременнаго и вреднаго увлеченія, пора перестать глядѣть на дѣйствительность черезъ розовые очки, пора признать суровую дѣйствительность. Только видя слабости нашего движенія, мы съумѣемъ ихъ устранить. Какъ нѣкогда успѣхи экономической чисто профессіональной борьбы вскружили головы слабымъ умамъ, создавъ уродливую теорію „стадій" и грубый экономизмъ „Рабочей Мысли", такъ теперь первые успѣхи политической агитаціи и демонстрацій привели если не къ забвенію, то къ болѣе или менѣе полному игнорированію въ агитаціи необходимой классовой основы нашего движенія. Дальнѣйшіе успѣхи на этомъ пути невозможны безъ обращенія самаго серьезнаго вниманія на эту классовую основу. Политическая агитація приняла у насъ за послѣднее время слишкомъ абстрактный характеръ, слишкомъ мало связывалась съ конкретной жизнью и повседневными потребностями рабочей массы. Вслѣдствіе этого наша дѣятельность понятна преимущественно болѣе сознательнымъ слоямъ рабочихъ и мало понятна народнымъ низамъ, широкой массѣ необученныхъ рабочихъ. Наша политическая агитація временами превращается въ голую политическую декламацію. Безъ вовлеченія въ движеніе этихъ низовъ нельзя создать массового политическаго движенія. Только расширеніемъ основанія нашего движенія, путемъ пробужденія къ самостоятельной жизни народныхъ низовъ, можно вновь сдѣлать сильной нашу партію. Въ этой работѣ нельзя игнорировать профессіональныхъ интересовъ рабочихъ и профессіональной борьбы. Мы должны вновь пробудить широкое массовое профессіональное движеніе, мы должны организовать массовыя забастовки и затѣмъ превратить это движеніе въ сильную политическую демонстрацію. Блестящимъ образцомъ подобной тактики можетъ служить Ростовское движеніе прошлаго и этого года. Въ соприкосновеніи съ народными низами мы должны пріобрѣсти ту недостающую намъ силу, которая дастъ намъ возможность — надѣемся, въ недалекомъ будущемъ — совершить не словесный, а дѣйствительный натискъ на самодержавіе.

Говоря это, мы вовсе не хотимъ отказаться отъ политической агитаціи, имѣющей своимъ исходнымъ пунктомъ явленія общерусской жизни, все равно, имѣютъ-ли эти явленія непосредственное отношеніе къ экономическимъ интересамъ рабочихъ или нѣтъ: это было бы возвращеніемъ къ временамъ "экономизма", къ счастью, уже окончательно пережитымъ. Мы хотимъ только установить правильное соотношеніе между тѣмъ и другимъ видомъ агитаціи. Что мы не преувеличиваемъ указанныхъ недостатковъ движенія, можетъ показать примѣръ дѣятельности хоть Тифлисскаго или Бакинскаго Комитетовъ. О первомъ можно еще сказать, что ему мѣшаетъ недостатокъ силъ послѣ проваловъ послѣднихъ лѣтъ; о второмъ этого сказать нельзя. Между тѣмъ, за все время своего существованія Бакинскій Комитетъ, какъ и Тифлисскій за послѣдній годъ, не выпустилъ ни одного профессіональнаго листка, не организовалъ ни одной стачки*). Стачки, конечно, бывали и здѣсь, но комитетъ не использовалъ ихъ для того, чтобы вызвать общее движеніе бакинскаго пролетаріата и затѣмъ превратить такое движеніе въ борьбу политическую. Намъ могутъ сказать, что профессіональной борьбѣ мѣшаетъ въ настоящее время кризисъ; но успѣхъ частичныхъ забастовокъ въ Баку (у Мирзабекянца, Коночникова, Рысева и Ляпина) противорѣчитъ этому, а возможность общихъ забастовокъ доказывается примѣромъ Ростова и Златоуста. Къ тому же кризисъ не вѣченъ, и надо быть готовымъ къ другой экономической конъюнктурѣ. Надо, слѣдовательно, выяснить требованія для различныхъ профессіональныхъ группъ и затѣмъ начать агитацію на ихъ почвѣ. Возьмемъ для примѣра Балаханскій районъ. Жизнь тамъ до того неприглядна, она такъ гнететъ рабочаго, что не понятно, какъ рабочіе переносятъ эти условія безъ протеста. Насколько мнѣ извѣстны эти условія, платформа для агитаціи тамъ готова: это — установленіе трехъ 8-часовыхъ смѣнъ вмѣсто двухъ 12-часовыхъ и выводъ рабочихъ жилищъ изъ предѣловъ промысловъ, устройство рабочаго городка. Намъ кажется, агитаціи на почвѣ этихъ требованій обезпеченъ тамъ успѣхъ. Къ тому же такая агитація явилась бы лучшимъ орудіемъ въ борьбѣ съ зубатовщиной, широко раскинувшей теперь свои сѣти: передъ лицомъ массового рабочаго движенія разсѣются, какъ дымъ, всѣ лживыя обѣщанія зубатовскихъ агентовъ, вся политика его „сердечнаго попеченія". Мы не боимся въ настоящее время возврата къ экономизму, мы считаемъ его окончательно похороненнымъ, мы увѣрены, что теперь возможно использовать всякую массовую забастовку въ цѣляхъ политической агитаціи. Для указанной задачи, намъ кажется, необходимо правильно распредѣлить работу между мѣстными и общими организаціями. Обще-политическую агитацію долженъ вести Центральный Комитетъ нашей партіи и районные союзы, гдѣ они существуютъ; мѣстные комитеты, конечно, тоже будутъ работать въ этомъ направленіи, но они не должны забывать изъ-за этого дѣла профессіональной борьбы и использованія ея въ партійныхъ цѣляхъ. Для успѣшнаго достиженія этихъ двухъ задачъ нужно, конечно, усиленіе центральныхъ организацій, чтобы мѣстныя могли затѣмъ удѣлять больше вниманія второй задачѣ. Приведемъ небезъинтересный фактъ: передъ маемъ бакинскій комитетъ долженъ былъ издать прокламаціи о безработицѣ, но могъ выпустить только пару сотенъ листковъ на гектографѣ, такъ какъ типографія была занята майской литературой. Моментъ былъ очень удобный, но онъ утерянъ. Мы, слѣдовательно, не думаемъ отказываться отъ нынѣшнихъ политическихъ демонстрацій, видя въ нихъ громадное пріобрѣтеніе послѣднихъ годовъ; тамъ гдѣ возможно, ихъ надо устраивать; майская, напримѣръ, демонстрація уже пустила корни въ рабочей массѣ и будетъ очень полезна для всего нашего движенія. Но неудача, ихъ не станетъ повергать насъ въ уныніе, если комитеты не будутъ существовать только для того, чтобы разъ въ годъ организовать демонстрацію, если они будутъ чувствовать, какъ растутъ и крѣпнутъ силы революціонной арміи въ общеніи съ народными низами. И окрѣпнувъ въ этой работѣ, мы — будетъ-ли то черезъ 3, 5 или 10 лѣтъ — выступимъ на штурмъ самодержавія, на этотъ разъ уже во главѣ побѣдоносной массы.

* * *

Отъ редакціи: Печатаемъ это письмо, чтобы обратить вниманіе товарищей на дѣйствительно-важный вопросъ и вызвать всестороннее обсужденіе его. Авторъ совершенно правильно считаетъ однимъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ нашего нынѣшняго движенія недостаточно-„массовой" его характеръ. Практика послѣднихъ демонстраціонныхъ попытокъ подтверждаетъ его мысль. Въ значтиельной степени правъ онъ и тогда, когда рекомендуетъ болѣе усиленную агитацію на почвѣ чисто-профессіональныхъ нуждъ отдѣльныхъ слоевъ рабочаго класса, какъ средство расшевелить пассивные элементы рабочей массы. „Экономическая" агитація еще долго будетъ играть роль такого средства, и „Искра" постоянно указывала на необходимость для соц.-демократіи не оставлять безъ вниманія профессіональное движеніе рабочихъ, издавать брошюры и листки для отдѣльныхъ профессій, создавать, гдѣ можно, районныя или общерусскія профессіональныя организаціи — ячейки нашихъ будущихъ свободныхъ профессіональныхъ союзовъ, организовать „фабричныя обличенія" (кстати сказать, сильно хромающія за послѣдніе годы по сравненію съ періодомъ „экономизма"). И несомнѣнно, что нѣкоторымъ нашимъ комитетамъ слѣдовало бы обратить больше вниманія на эту сторону соц.-дем. работы. Не правъ нашъ авторъ, когда, говоря объ агитаціи на почвѣ „насущныхъ интересовъ и нуждъ" рабочихъ массъ, онъ, повидимому, отождествляетъ ихъ всецѣло съ профессіональными, „экономическими" интересами. Столь же насущными и столь же осязательными для остальныхъ слоевъ рабочаго класса (равно и крестьянъ) являются интересы рабочихъ, какъ гражданъ, какъ потребителей, какъ плательщиковъ налога и т. д. Если недостаткомъ нашей политической агитаціи является зачастую ея слишкомъ абстрактный хавактеръ, то болѣе конкретный характеръ ей слѣдуетъ придать, обращая больше вниманія на всѣ тѣ явленія общественно-политической жизни, которыя самымъ непосредственнымъ образомъ задѣваютъ сознаніе политически-отсталаго населенія. А такія явленія имѣ-

---

*) Батумскій Комитетъ составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе; не потому-ли маленькій Батумъ можетъ себя поздравить съ массовой демонстраціей 9 марта текущаго года?

ютъ мѣсто и внѣ сферы профессіональныхъ интересовъ. То или другое распоряженіе городской думы, поведеніе того или другого полицейскаго сатрапа, тотъ или иной случай проявленія „классового правосудія" нашихъ судовъ — все это такіе же поводы для плодотворной мѣстной агитаціи, какъ и случаи проявленій фабричнаго гнета. Намъ думается, что причины недостаточнаго успѣха агитаціонной компаніи послѣдняго года въ тѣхъ или иныхъ мѣстахъ чаще слѣдуетъ искать не столько въ игнорированіи поводовъ для „экономической" агитаціи, а скорѣе въ недостаточной *широтѣ* размаха той агитаціи, которая велась. Лишь въ немногихъ пунктахъ комитетскія прокламаціи распространялись въ количествахъ, обезпечивающихъ ихъ проникновеніе во всѣ слои рабочей массы; а гдѣ это условіе было на лицо, тамъ зашевелилась, дѣйствительно, масса рабочихъ, хотя бы всѣ выпущенныя прокламаціи носили характеръ „политическій" (примѣръ — тѣ же Баку и Тифлисъ).

Мы хотѣли бы сказать нѣсколько словъ по поводу отношенія автора къ майской демонстраціи. Мы вполнѣ понимаемъ, насколько соблазнительна идея пріурочить рабочія демонстраціи и стачки къ дню 1 мая, когда соц.-демократія имѣетъ возможность синтетически выразить въ массовомъ пролетарскомъ актѣ и соціалистическую цѣль движенія, и политическій, анти-царистскій его характеръ, и связь его съ профессіональными нуждами отдѣльныхъ группъ рабочаго класса. Революціонное значеніе нашей майской агитаціи стоитъ внѣ сомнѣнія. Не надо, однако, заблуждаться относительно возможности строить всю тактику нашей „уличной" борьбы на подготовленіи къ майскимъ демонстраціямъ. Соціально-революціонный характеръ майскаго праздника ставитъ пролетаріатъ въ этотъ день въ условія, наиболѣе неблагопріятныя для такихъ политическихъ дѣйствій, ближайшая цѣль которыхъ — политическое воспитаніе и обученіе организуемыхъ нами массъ. Майскій праздникъ есть прежде всего смотръ арміи труда, а устраивать маневры подъ перекрестнымъ огнемъ нарочито мобилизированныхъ и поставленныхъ на стражѣ непріятельскихъ батарей — едва-ли цѣлесообразно. „Быстрота и натискъ" — необходимое условіе для побѣды, а о нихъ нельзя говорить въ примѣненіи къ тактикѣ нашей революціонной арміи, когда непріятель заранѣе знаетъ, въ какой день мы выйдемъ на улицу, и имѣетъ возможность всесторонне изготовиться къ сраженію. Поэтому, хотя мы и должны быть каждый разъ наготовѣ воспользоваться всякимъ благопріятнымъ условіемъ, чтобы демонстрировать въ майскіе дни, но пріурочивать всѣ роволюціонныя надежды къ этимъ днямъ было бы ошибочной тактикой.

Къ вопросу о демонстраціяхъ и нашей тактикѣ мы еще вернемся въ ближайшемъ будущемъ. А пока поблагодаримъ автора за его содержательное письмо и еще разъ выразимъ надежду, что партія обратитъ на него все то вниманіе, какого оно заслуживаетъ.

ОТВѢТЪ „РЕВОЛЮЦІОННОЙ РОССІИ".

(Письмо въ редакцію).

Съ чувствомъ „глубокой боли и стыда" видитъ „Рев. Россія", какъ „только-что начинающая жить революціонною жизнью молодежь" „вступаетъ въ революціонные ряды подъ опредѣленное фракціонное знамя" — знамя пролетарскаго соціализма. И „Рев. Росс." ополчается на брань; она посвящаетъ цѣлую статью „движенію среди учащихся средне-учебныхъ заведеній", стараясь въ конецъ уничтожить „скороспѣлую и самоувѣренную" программу Южно-Русской Группы и противопоставляя ей „междуфракціонную" программу другихъ организацій учащихся. — „Девизомъ движенія молодежи", — говоритъ „Рев. Россія", — „всегда служилъ кличъ: „Къ свѣту!", стремленіе къ развитію, къ знанію... Это стремленіе, — по самому существу своему — свободное, выражающееся прежде всего въ критическомъ пересмотрѣ всякихъ догматовъ, традицій, которые навязываются юной индивидуальности семьей, школой, церковью, окружающей средой. Эта критика, при существующихъ общественныхъ условіяхъ, неизбѣжно, сама-собой, ведетъ къ выработкѣ соціалистически-революціоннаго міросозерцанія". Въ большинствѣ случаевъ это бываетъ дѣйствительно такъ (на это мы и указали въ своемъ изданіи „къ вопросу о программѣ", за которое стало стыдно „Рев. Россіи"). Но есть-ли хоть тѣнь этого „соціально-революціоннаго міросозерцанія" въ программахъ тѣхъ организацій („С.-Петербургской" и „Союза молодежи"), на которыя ссылается „Рев. Россія" для подтвержденія своей мысли? — Долго искали мы въ этихъ программныхъ заявленіяхъ подобнаго міросозерцанія и такъ и не нашли его. Въ изданіяхъ С.-Петербургской организаціи (мы знакомы съ нею по тремъ ея воззваніямъ и одному № ея органа „Къ свѣту!") мы не нашли ни слова о соціализмѣ, о русскомъ рабочемъ движеніи... Мы видѣли въ нихъ исключительно стремленіе „къ свѣту", „къ самообразованію и самовоспитанію", — а о томъ, что это самообразованіе и самовоспитаніе должно послужить намъ лучшимъ оружіемъ въ борьбѣ за принципы соціализма, — мы не услышали отъ С.-Петербургской организаціи ни слова. Но за то мы встрѣтили въ ея воззваніяхъ восхваленіе царя освободителя, понявшаго, будто-бы, съ высоты трона нужды русскаго народа и отвратившаго отъ Россіи потоки крови; о томъ-же, что для блага Россіи необходимо въ конецъ уничтожить этотъ тронъ, — С.-Петербургская организація не сказала ни слова. Правда, приведенная „Р. Р." цитата изъ № 2 „Къ свѣту", показываетъ, что организація эта приняла болѣе „ясно выраженный революціонный характеръ", чѣмъ въ своихъ первыхъ изданіяхъ, но и до сихъ поръ она не идетъ далѣе идеаловъ русскихъ либераловъ, также восхваляющихъ Александра II. — „Однимъ изъ характерныхъ по общности пунктовъ, являющимся важнѣйшимъ стимуломъ къ объединенію", — говоритъ С.-Петербургская организація, — служитъ стремленіе развить среди молодежи духъ товарищества и впослѣдствіи связать существующія организаціи и кружки во единый всероссійскій союзъ". Ту-же цѣль преслѣдуетъ, очевидно, и „Союзъ Молодежи". Кому и для чего нужно это объединеніе? Оказывается, что это необходимо для борьбы за... академическую свободу! — „Совѣщаніе, образовавшее Союзъ, пришло къ заключенію, что для того, чтобы добиться академической свободы, необходимо сорганизовать учащуюся молодежь еще на гимназической скамьѣ и подготовить ее къ правильной, сознательной и планомѣрной борьбѣ, — и въ виду того постановило: образовать среди воспитанниковъ средне-учебныхъ заведеній особую организацію, которая занялась-бы подготовкою молодежи къ предстоящей ей борьбѣ за свои права". „Такъ какъ совѣщаніе не считаетъ возможнымъ для учащейся молодежи добиться при современномъ казарменно-полицейскомъ устройствѣ Россіи какихъ-нибудь крупныхъ уступокъ своими собственными силами, то, поэтому, постановило: оказывать дѣйствующимъ въ Россіи партіямъ посильное содѣйствіе деньгами и подготовкою учащейся молодежи къ революціонной дѣятельности, и потому совѣщаніе поручило Центральному Комитету „Союза завязать сношенія съ революціонными партіями въ Россіи". — Можно-ли найти здѣсь, повторяемъ, хотя-бы слабую тѣнь *соціалистически-революціоннаго* міросозерцанія? „Союзъ Молодежи" не считаетъ своею задачей пропаганду среди учащихся соціалистическихъ принциповъ, — онъ готовитъ изъ нея борцовъ не за политическую свободу, за права *народа*; онъ считаетъ достаточнымъ подготовить молодежь къ борьбѣ за академическую свободу, за „*свои* права". Итакъ, имѣютъ-ли эти организаціи хоть какую-нибудь соціалистическую окраску, если даже съ самодержавіемъ онѣ только потому готовятся бороться, что его паденіе принесетъ имъ „академическую свободу?" — Необходимо-ли и возможно-ли при такихъ условіяхъ объединеніе всѣхъ организацій учащейся молодежи въ Россіи? Существуетъ-ли у организацій учащихся среднихъ школъ, какъ таковыхъ, такое „общее дѣло", чтобы въ его интересахъ нужно было-бы ихъ безусловное объединеніе, несмотря на всѣ программныя разногласія? Мы понимаемъ еще, что такое „общее дѣло" *изрѣдка* можетъ найтись у студенчества (забастовки, демонстраціи)? Но какое „общее дѣло" можетъ быть у насъ, учащихся среднихъ школъ, какъ таковыхъ? Не „активная-ли борьба съ учебнымъ режимомъ", не объединенный-ли протестъ противъ „невыносимо-душной обстановки нашего просвѣщенія?" Но, вѣдь самъ „Союзъ Молодежи" призналъ, что мы не добьемся ничего собственными силами... Или это „общее дѣло" есть подготовка къ „общему дѣлу" студенчества? Но не всѣ организаціи удовлетворятся такимъ „дѣломъ". — „Союзъ Молодежи" распуститъ свои организаціи, лишь только русскій рабочій классъ завоюетъ ему академическую свободу; то-же сдѣлаетъ, пожалуй, и „С.-Петербургская Организація", когда „дома съ заколоченными дверями и окнами" превратятся въ свободныя школы; — наша-же Группа и „Харьковскій Союзъ" говорятъ молодежи, что при низверженіи самодержавія не прекратится борьба за торжество „соціально-революціоннаго міросозерцанія", — наша Группа и „Харьковскій Союзъ" — это зародышъ будущей „молодой гвардіи" соціальной революціи. Мы готовимся и готовимъ своихъ товарищей къ борьбѣ въ рядахъ рабочаго класса. Вотъ что отличаетъ насъ отъ другихъ организацій учащихся средн. школъ... „Мы не можемъ достичь чего-нибудь собственными силами" и потому „мы оказываемъ посильное содѣйствіе деньгами и подготовкою учащейся молодежи къ революціонной дѣятельности", — но не всѣмъ безъ разбора революціоннымъ партіямъ, какъ „Союзъ Молодежи", а только той, которая борется за освобожденіе того класса, въ рядахъ котораго мы стремимся работать. И, какъ первый студенческій съѣздъ, мы примкнули къ соціальдемократіи именно потому, что подъ *ея* знаменемъ борется русскій рабочій классъ, потому что изъ всѣхъ русскихъ революціонныхъ партій только она есть партія революціоннаго пролетаріата. И „Р. Р." ошибается, полагая, что при выработкѣ нашей программы, мы не отнеслись „сознательно и критически-продуманно" и къ ея соціально-политической программѣ". Мы познакомились съ отношеніемъ ея къ рабочему классу, — детально познакомились съ ея „аграрной" программой, — потомучто въ ней свою обвинчивость и запутанность достаточно ясно указывающей на мелко-буржуазный характеръ ея стремленій, — мы сравнили дѣятельность Донского Комитета Р. С.-Д. Р. П. съ дѣятельностью Качура, какъ члена „Боевой Организаціи", — и рѣшили примкнуть къ партіи пролетаріата, — къ русской соціальдемократіи.

Но „Рев. Россія" вообще не можетъ представить себѣ „организаціи учащихся, выработавшую себѣ опредѣленную партійную политическую программу". „Несомнѣнно", говоритъ она, „руководители этихъ организацій могутъ внушить послѣднимъ ту или иную партійную окраску, но замѣнитъ-ли эта окраска самостоятельно-выработанное міровоззрѣніе, основанное на знакомствѣ со всѣми основными теченіями общественной мысли, — это вопросъ, по меньшей мѣрѣ, сомнительный". Изъ этой цитаты легко видѣть, какъ „Рев. Россія", вслѣдъ за Кіевскимъ Центральнымъ Отд. никакъ не хочетъ понять нашей точки зрѣнія о пропагандѣ соціалистическихъ принциповъ, не переставая сравнивать „самостоятельно-выработанное міросозерцаніе" съ какою-то вредною „окраскою". Пропагандируя необходимость террористической борьбы, послѣдователи „Рев. Россіи" знакомятъ, конечно, рабочихъ съ мнѣніями противниковъ террора, но они вѣдь, оставляютъ за собой право утверждать истинность своего убѣжденія, — о томъ, что только въ „Боевой Организ." — спасеніе русскихъ рабочихъ. Если соціалдемократическая организація приступаетъ къ пропагандѣ идей пролетарскаго соціализма, — то она можетъ одинаково безпристрастно знакомить рабочихъ со всѣми теченіями общественной мысли, начиная съ доисторическихъ временъ и кончая „новѣйшимъ соціализмомъ" гг. соціалистовъ(?)-революціонеровъ, — но отстаиваетъ истинность только соціальдемократическаго ученія. И никто не сѣтуетъ на нее за „суженіе умственнаго кругозора" рабочаго. Но, когда отдѣльныя организаціи, состоящія изъ учащихся, „выдающихся по своему развитію" „съ вполнѣ сложившимся міросозерцаніемъ", начинаютъ вести пропаганду идей пролетарскаго соціализма, — тогда начинаются разговоры о „самоувѣренномъ опредѣленіи путей самоизготовленія", объ „умственномъ рабствѣ" и пр., — которыми занималось уже Кіевское Центральное Отд., поддержанное теперь „Рев. Россіей". „Глубоко убѣжденные въ истинности революціоннаго соціализма", мы, какъ и „Рев. Россія", зовемъ учащуюся молодежь „къ ознакомленію со всей полнотой научной и общественной мысли", но мы оставляемъ за собой право указать молодежи, гдѣ во всѣхъ этихъ научныхъ и „общественныхъ" ученіяхъ плевелы и гдѣ — пшеница, гдѣ она дѣйствительно, найдетъ научное обоснованіе пролетарскаго соціализма, а гдѣ — только громкія и красивыя фразы.

Между прочимъ, „Рев. Россія" не преминула бросить тѣнь на „программу" нашей Группы, указавши на то, что въ своемъ воззваніи „Къ вопросу о программѣ" мы будто-бы только и дѣлаемъ, что цитируемъ изданія соціальдемократической „фракціи". Съ своей стороны, укажемъ „Рев. Россіи", что лучше выражать свои самостоятельно-выработанныя мысли *правильными* цитатами изъ „Искры", чѣмъ подпирать свою колеблющуюся программу *неправильными* цитатами изъ Маркса и Энгельса или уснащать свои статьи завѣдомо-невѣрными цитатами изъ журналовъ семидесятыхъ годовъ (статьи о „Чигиринскомъ дѣлѣ"), какъ это дѣлаютъ гг. соціалисты-революціонеры.

20. V. 1903. Центральный Комитетъ Южно-Русской Группы Учащихся Средн. Школъ.

P. S. Кстати, еще нѣсколько словъ о новой организаціи учащихся, — о „Союзѣ Молодежи". „Рев. Россія" утверждаетъ, что онъ образовался на съѣздѣ представителей средне-учебныхъ заведеній. До сихъ поръ мы не получили ни отъ „С.-Петербургской Организаціи", ни отъ Харьковскаго Союза, ни отъ Кіевскаго Центр. Отд., съ которыми мы поддерживаемъ сношенія, — никакого извѣщенія объ этомъ „съѣздѣ". Кромѣ того, съ самаго февраля мѣсяца ни мы, ни „Харьковскій Союзъ" не получали приглашенія вступить въ организацію этого „Союза Молодежи", несмотря на то, что найти насъ не такъ-то трудно. Гдѣ-же образовался этотъ „Союзъ", отъ какихъ это средне-учебныхъ заведеній были представители на его Съѣздѣ и съ какимъ это несуществующимъ „секретаріатомъ Студенческаго Союза" собирается вступать „Союзъ" въ федеративныя сношенія? Не разъяснитъ-ли намъ это „Рев. Россія"?

ЗУБАТОВЦЫ ВЪ ПОДПОЛЬНОЙ ПЕЧАТИ.

Если бы кто-нибудь предсказалъ Николаю I тѣ мѣры, какими правительство его правнука будетъ отстаивать устои Россійской Державы, непреклонный правитель несомнѣнно оправился-бы еще до Севастопольскаго погрома. И было-бы отчего!

Правительство Николая I запрещало холопскаго духа писателямъ расточать подобострастныя хвалы мудрости начальства: *власть не нуждается въ одобреніи подданныхъ*. Правительство Николая II содержитъ на народныя деньги цѣлый рядъ газетчиковъ и ораторовъ, нанятыхъ хвалить и хвалить премудрость властей до притупленія перьевъ, до хрипоты въ голосѣ...

Правительство Николая I имѣло силу и власть оставить народныя массы безъ печатнаго слова, запрещая дешевыя книги и газеты, способныя, по словамъ графа Уварова, „привесть массы въ *движеніе*".

Правительство Николая II оказывается вынужденнымъ доказывать рабочимъ неизбѣжность „рабочаго движенія". И доказываетъ — какъ? Посредствомъ *нелегальныхъ* произведеній, направленныхъ противъ соціализма. У насъ подъ руками одно изъ такихъ произведеній. Издано оно посредствомъ машинки ремингтона. Мѣсто изданія не обозначено, — но, судя по содержанію, — недалеко отъ охраннаго отдѣленія. Подписано — „Группа сознательныхъ рабочихъ". Простая-ли это фальсификація, или къ произведенію дѣйствительно приложили руку тѣ „сознательные рабочіе" зубатовской фабрикаціи, имена которыхъ будутъ записаны исторіей русскаго рабочаго движенія въ главѣ „О предателяхъ", — не все-ли равно?

Подпольное произведеніе, защищающее *самодержавіе* отъ революціонной критики, остается все такимъ-же яркимъ знаменіемъ полнаго внутренняго разложенія „устоевъ" Россійской Державы.

Основныя положенія теоріи полицейскаго соціализма таковы.

Съ возникновеніемъ класса рабочихъ, возникло и рабочее движеніе. „Эта борьба возникла естественно, сама собой, какъ борьба вновь народившагося класса, она вытекла изъ склада самой жизни и остановить ее нельзя ничѣмъ: она неизбѣжна и неудержима".

Но какъ бороться? Есть путь *эволюціи* и путь *революціи*, путь „планомѣрнаго восхожденія" и путь „фантастическихъ скачковъ". Но путь революціонныхъ скачковъ уже давно скомпрометтировалъ себя въ глазахъ всемірнаго пролетаріата. Французскіе рабочіе, напримѣръ, произвели революцію, „весь Парижъ залили своей кровью, осиротили свои семьи и добились уничтоженія правительства... а дальше... дальше: власть перешла къ буржуазіи, и буржуазія сейчасъ-же, для защиты себя отъ „буйныхъ" рабочихъ, кровью которыхъ только что получила власть, издала законъ, согласно которому, если толпа не разсѣется по первому требованію, то вооруженныя власти должны открыть противъ нея огонь. Простой народъ увидѣлъ обманъ революціонеровъ, но было уже поздно".

Ужъ, конечно, не мы, соціальдемократы, будемъ защищать французскую буржуазію, каторая при помощи ружей заставляла, подчасъ заставляетъ и теперь рабочихъ расходиться, — но какъ вамъ покажется демагогическая наглость „теоретика" Зубатовщины, который киваетъ на кровожадный эгоизмъ европейской буржуазіи, забывая о Домбровѣ, о Тихорѣцкой, о Кишиневѣ, о Златоустѣ, обо всѣхъ тѣхъ адскихъ дѣяніяхъ русскаго самодержавія, которые вызываютъ чувство ужаса даже у европейской буржуазіи!

Итакъ, путь революціи — не путь рабочаго класса. Ему нуженъ *союзъ съ правительствомъ* и съ „общественнымъ мнѣніемъ". "Если бы мы не смотрѣли на все сквозь листы подпольныхъ изданій (не забывайте, читатель, что это говорится въ подпольномъ изданіи!), глазами нашихъ самозванныхъ учителей-революціонеровъ, то знали-бы, что правительство само идетъ намъ на встрѣчу; мы бы знали о томъ, что въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ рабочимъ, ставшимъ на путь экономическаго движенія разрѣшено уже устраивать союзы, имѣть своихъ представителей" и прочее и пр. и пр.

Жаль только, что авторъ забываетъ прибавить, что эти „союзы" состоятъ подъ руководствомъ провокаторовъ, что независимые „представители" рабочихъ немедленно арестовываются, и наконецъ — а это главное, — что самый вопросъ о рабочихъ „союзахъ" былъ поставленъ правительствомъ только подъ давленіемъ революціоннаго движенія пролетаріата.

Союзъ съ „общественнымъ мнѣніемъ"! Опять таки авторъ не поясняетъ, говоритъ-ли онъ о мнѣніи буржуазіи, которая, какъ мы уже знаемъ, не прочь противопоставить пролетарскимъ требованіямъ ружейныя дула, или о мнѣніи пролетаріата, который, какъ вѣроятно извѣстно автору, все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе идетъ за „самозванными учителями-революціонерами".

Критика соціализма у нашего автора изъ рукъ вонъ плоха. „Что касается *раздѣла всѣхъ благъ*, говоритъ онъ, то это ужъ совсѣмъ мудреное дѣло": дома, видите-ли, неодинаковы, земля тоже въ разныхъ мѣстахъ неодинакова, многихъ предметовъ (машинъ, что-ли?) и вовсе „на всѣхъ не хватитъ". Какъ тутъ дѣлить? „Много насилій, много страданій вызвалъ-бы такой раздѣлъ, а равенства все равно не было-бы: люди болѣе способные, трудолюбивые, ловкіе сейчасъ-бы выдѣлились и стали быстро богатѣть на счетъ остальныхъ и въ результатѣ получилось-бы только „перемѣщеніе" богатствъ отъ однихъ къ другимъ".

Эхъ, г. Зубатовъ, надо-бы поискать болѣе приличнаго теоретика! Кто-же въ наши дни, когда всюду и вездѣ распространены соціальдемократическія изданія, не знаетъ, что соціализмъ не означаетъ *раздѣла* земли и фабрикъ, что только мелко-буржуазные демократы вздыхаютъ объ „уравнительномъ" распредѣленіи земли? Соціальдемократія требуетъ перехода *всѣхъ средствъ производства* въ общественную собственность. Такой переходъ, уничтоживъ *товарное* хозяйство, тѣмъ самымъ положитъ разъ на всегда конецъ „обогащенію однихъ на счетъ другихъ". Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не достаточно служить въ охранномъ отдѣленіи, чтобы „разнести" соціализмъ по кускамъ!..

Подпольно-полицейское произведеніе зоканчивается такой фразой: „Не вѣрьте, братцы, что безъ труда можно чего-нибудь добиться, что съ перемѣной правительства вдругъ станетъ всѣмъ хорошо жить, — это гнусный обманъ, которымъ хотятъ только завлечь насъ, чтобы воспользоваться нашей силой..." Мы, соціальдемократы, прекрасно вооружены противъ такой демагогіи. Мы не устаемъ повторять массамъ, что съ перемѣной правительства далеко не „вдругъ" станетъ всѣмъ хорошо жить. Мы не устаемъ твердить, что для насъ политическая свобода значитъ *свобода дальнѣйшей революціонной пролетарской борьбы за соціализмъ.* Мы не устаемъ работать надъ созданіемъ самостоятельной пролетарской партіи, котсрая и въ моментъ грядущей „буржуазной" революціи съумѣетъ отстоять пролетарскіе интересы отъ либерально-цензовыхъ и буржуазно-демократическихъ посягательствъ. И вотъ почему, между прочимъ, и въ борьбѣ съ зубатовской демагогіей, соціальдемократія должна рѣзко отдѣлять себя отъ революціонеровъ, склонныхъ къ буржуазно-демократической демагогіи, отъ революціонеровъ способныхъ говорить массамъ, будто „весь секретъ" въ томъ, чтобъ „посадить царя на учетъ", будто послѣ низверженія самодержавія наступитъ на Руси „миръ" и „равненіе" (См. „популярную" литературу „Аграрно-соціалистической лиги" и „Партіи соц.-рев.").

Да, усердно работаютъ зубатовскіе птенцы надъ развитіемъ рабочаго движенія „въ чисто русскомъ духѣ". Этой работѣ пора бы — въ цѣляхъ соціальдемократической агитаціи — подвести кое-какіе итоги. Сколько нибудь полно и обстоятельно это можно сдѣлать только въ формѣ брошюры, — и мы пользуемся случаемъ, чтобы попросить товарищей, живущихъ на мѣстахъ зубатовскаго „творчества", доставить намъ всѣ документы и свѣдѣнія, характеризующіе эту по истинѣ непредвидѣнную полосу нашей „внутренней политики".

Самодержавіе не даетъ мѣста нашей революціонной печати на вольномъ воздухѣ. И что-же? Оно само оказывается вынужденнымъ спуститься къ намъ въ подполье... Милости просимъ, милости просимъ... Тутъ мы впервые помѣряемся „на равныхъ правахъ!" — Словомъ противъ слова.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЫ НА СУДѢ.

21 мая состоялось засѣданіе Саратовской судебной палаты по дѣлу о рабочихъ Денисовѣ и Селиверстовѣ, обвинявшихся въ распространеніи майскихъ прокламацій съ призывомъ къ демонстраціи, состоявшейся въ Саратовѣ 5 мая 1902 г. Третій обвиняемый по тому-же дѣлу, рабочій-же Тимашевъ, скрылся до суда. Защита доказывала, что обвиняемые, арестованные при расклейкѣ прокламацій, могутъ быть признаны виновными лишь въ подготовленіи преступнаго дѣйствія, а не въ участіи въ немъ, какъ настаивалъ прокуроръ. Судъ большинствомъ пяти голосовъ противъ четырехъ согласился съ прокуроромъ и приговорилъ Денисова къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, а Селиверстова — къ $3^1/_2$ годамъ арестантскихъ ротъ. Товарищъ Денисовъ произнесъ на судѣ замѣчательную рѣчь, которую приводимъ полностью.

Господинъ прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи указалъ на то, что демонстрація 5 мая была слѣдствіемъ петербургскихъ событій, т. е. казни Балмашева. Повидимому, прокуроръ незнакомъ ни съ рабочимъ движеніемъ, ни съ психологіей массъ. Я самъ рабочій, и мое то или другое отношеніе къ современному общественному строю сложилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ окружающей среды. Далекими, но еще яркими образами вставало предо мной печальное прошлое, когда людей мѣняли на собакъ, когда рабочихъ по малѣйшему поводу сѣкли розгами. И шли (говорилъ отецъ) рабочіе на гауптвахту, и сѣкли ихъ тамъ,

нещадно сѣкли; случалось, засѣкали до смерти. Случалось, что болѣе непокорныхъ рабочихъ прогоняли сквозь строй. Рѣдкій человѣкъ могъ пройти подъ ударами палокъ все зеленое солдатское поле; большинство изъ нихъ, окровавленные, съ оторванными кусками мяса, падали на половинѣ пути, падали и умирали.

Такъ жилось рабочимъ въ доброе старое время, не лучше живется и теперь. Все тотъ же гнетъ, все та же бѣдность, и хотя не сѣкутъ ихъ розгами, не убиваютъ палками, но отъ этого не легче. Казацкая плеть и солдатская пуля вполнѣ могутъ замѣнить розги и шпицрутены. Экономическое положеніе трудящихся массъ также безотрадно. Живя по Россіи, въ Москвѣ или въ Баку, я видѣлъ, какъ ютятся рабочіе, въ подвалахъ и конурахъ. Я видѣлъ рабочихъ, когда они, послѣ тяжелаго трудового дня, усталые, возвращались въ свои квартиры. Апатичные, вялые, они тупѣютъ съ каждымъ днемъ, и къ пятидесяти годамъ дѣлаются стариками. Здоровье, бодрость, гибкость мышцъ и ума, все пропало. Все убилъ длинный рабочій день, все исчезло въ сѣрой, однообразной жизни. Отъ человѣка ничего не осталось, одна лишь ходячая рабочая сила, способная работать и только работать.

Я видѣлъ дѣтей этихъ бѣдняковъ: исхудалые, въ жалкихъ отрепьяхъ, они таяли въ духотѣ квартиръ, въ чаду заводской копоти.

Я видѣлъ безработныхъ, людей, желающихъ только работать, потому что не имѣть работы значитъ не имѣть пропитанія, не имѣть жизни. И тысячи, десятки тысячъ рабочихъ, юноши и старики, женщины и мужчины не имѣютъ жизни, обречены на смерть. И они умираютъ, медленно для посторонняго глаза, голодъ почти незамѣтно сводитъ этихъ вышибленныхъ изъ трудовой колеи рабочихъ въ могилу. Да, такова доля рабочихъ, темными тучами окутана ихъ жизнь. Эта печальная эпопея трудящагося люда не могла пройти для меня безслѣдно, она положила свой отпечатокъ на мое міросозерцаніе, она поставила меня во враждебныя отношенія къ существующему строю, она заставила меня примкнуть къ только еще начинающемуся рабочему движенію, и я сдѣлался сознательнымъ борцомъ за дѣло освобожденія рабочаго класса. Рабочее движеніе, носившее въ 90-хъ годахъ экономическій характеръ, въ настоящее время, благодаря кризису, отчасти репрессіямъ правительства, а, главнымъ образомъ, благодаря большей зрѣлости рабочихъ массъ, получило политическую окраску. Стачка замѣнилась демонстраціей; въ одной изъ такихъ демонстрацій, а именно, бывшей 5 мая въ Саратовѣ, я счелъ нужнымъ принять участіе. Я распространилъ въ ночь на 5 мая прокламаціи, приглашающія всѣхъ рабочихъ и всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы пролетаріата, придти выразить протестъ противъ современнаго положенія вещей.

Демонстрація 5 мая была вмѣстѣ съ тѣмъ и майскимъ праздникомъ рабочихъ, и заключеніе г. прокурора о казни Балмашева, какъ о причинѣ демонстраціи, невѣрно. Майскія демонстраціи бывали и раньше и позже казни. Требованія, выставляемыя рабочими, имѣютъ мало общаго съ Балмашевымъ. Террористическій способъ борьбы и программа партіи, изъ рядовъ которой вышелъ Балмашевъ*), также чужды рабочему движенію. Въ настоящее время рабочіе выходятъ на улицу не бунтовать, не призывать городское населеніе къ оружію, нѣтъ! Они демонстрируютъ, они хотятъ показать господствующему классу, что дольше терпѣть не могутъ, что они имѣютъ право на лучшую жизнь. На знаменахъ, которыя были въ демонстраціи 5 мая, были надписи: „Мы требуемъ 8-мичасового рабочаго дня!“, „Работы безработнымъ!“ Почему-то прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи ничуть не упомянулъ объ этихъ требованіяхъ, а вѣдь меня, какъ выразителя интересовъ русскихъ рабочихъ, эти требованія больше касаются, чѣмъ другія.

Восьмичасовой рабочій день необходимъ намъ, рабочимъ, чтобы стать людьми; чтобы, кромѣ работы, оставалось время и на самообразованіе и на воспитаніе дѣтей, чтобы не утомляться на работѣ до одурѣнія; чтобы сберечь свои силы не до 30, не до 40 лѣтъ, а на всю жизнь, такъ какъ только и есть цѣнное у рабочихъ — это ихъ сила; чтобы защитить рабочій классъ отъ вырожденія, ибо непосильный трудъ истощаетъ организмъ. Да, защитить, а вѣдь право самозащиты существуетъ и считается законнымъ правомъ на всѣхъ языкахъ, во всѣхъ уголкахъ земного шара.

Надѣюсь, что вы, господа судьи, не будете оспаривать это право и у насъ, русскихъ рабочихъ.

Другое требованіе было: „Работы безработнымъ“. Если первое требованіе было справедливо, то второе — тѣмъ болѣе. Люди, которые своимъ трудомъ прокармливаютъ господствующіе классы, люди, создавшіе и создающіе всѣ блага культуры, имѣютъ большее право на пользованіе этими благами, чѣмъ тѣ, которые пожинаютъ ихъ, не сѣявши. И вотъ, имѣя это нравственное право, рабочіе пока не пользуются имъ; они пока не говорятъ: „уйдите всѣ, пожинающіе плоды нашихъ трудовъ“. Нѣтъ. Они заявляютъ только — работы безработнымъ. Дайте работы рукамъ, которыя содержали и содержатъ прошедшія и настоящія правительства, дворянъ, фабрикантовъ, купцовъ и пр. не трудящіеся слои современнаго государства! Дайте работы людямъ, которые создали богатства другимъ, а сами терпятъ лишенія!

Неужели вы, господа судьи, назовете людей, требующихъ работы, преступниками? Неужели вы осудите ихъ на голодную смерть? Это было бы мало того, что несправедливо, но и жестоко, чудовищно жестоко. Требованіе политической свободы съ прибавленіемъ „долой самодержавіе!“ не есть только требованіе рабочихъ. Политическая свобода нужна и среднимъ слоямъ буржуазіи и людямъ свободныхъ профессій, не говоря уже о милліонахъ крестьянства.

Но что можетъ называться свободой для нихъ, то вовсе не обязательно послужитъ свободой и для рабочихъ. Политическая свобода для рабочихъ не есть цѣль, а одно изъ необходимыхъ условій въ дѣлѣ защиты своихъ интересовъ, въ дѣлѣ завоеванія лучшаго будущаго, поэтому исключительно политическое движеніе не можетъ быть движеніемъ рабочихъ массъ.

Я соціальдемократъ. Считая, что соціальдемократія, и только она одна, является истинной выразительницей интересовъ пролетаріевъ вообще, и русскихъ рабочихъ въ частности, я считаю долгомъ слѣдовать ея принципамъ, поступать согласно ея программѣ.

Однимъ изъ пунктовъ программы и есть требованіе политической свободы. Это требованіе не есть продуктъ какихъ-либо теоретическихъ соображеній; нѣтъ, оно вызвано жизнью. Причина возникновенія этого требованія такъ же глубоко лежитъ въ рабочихъ массахъ, какъ глубоко внѣдрены причины, дѣлающія русскихъ рабочихъ соціальдемократами.

Самодержавіе сдавливаетъ рабочее движеніе, самодержавіе всѣми средствами отстаиваетъ милыхъ его сердцу крупныхъ капиталистовъ при столкновеніи ихъ съ рабочими. Самодержавіе держитъ рабочихъ въ черномъ тѣлѣ; оно преподноситъ рабочимъ только темницы, казацкія плети да солдатскія пули; оно наказываетъ за участіе въ тайныхъ рабочихъ союзахъ, за стачки, за всякій протестъ, выраженный рабочей массой. Самодержавіе ссылаетъ лучшихъ борцовъ за рабочее дѣло въ Сибирь, въ холодныя, безплодныя тундры. Самодержавіе стоитъ препятствіемъ въ дѣлѣ пропаганды соціалистическихъ идей, въ дѣлѣ достиженія рабочими соціалистическаго строя.

Проповѣдуя соціалистическія идеи, соціальдемократы надѣются, что эти идеи, проникнувъ въ народныя массы, сдѣлаютъ возможнымъ проведеніе въ жизнь такихъ реформъ, осуществленіе которыхъ принесетъ благополучіе не только трудящимся классамъ, но и всему человѣчеству. Для осуществленія соціальныхъ реформъ и требуется народное правленіе, ибо реформы и возможны только тогда, когда народъ свои думы и свои желанія воплотитъ въ законъ, чтобы этотъ законъ примѣнить къ жизни.

Я участвовалъ, такъ или иначе, въ дѣлѣ борьбы за освобожденіе рабочаго класса, считалъ и считаю свое участіе правомъ, такимъ же правомъ, какъ право жить. Я думаю, что имѣю право и пропагандировать соціалистическія идеи, и распространять брошюры и прокламаціи, и призывать людей на демонстрацію. Это право зиждется на правѣ десятковъ милліоновъ людей. Вѣковой трудъ нашихъ предковъ, будущее нашихъ внуковъ — все это даетъ намъ право бороться. Это право голодныхъ крестьянъ, право измученныхъ рабочихъ.

Право бороться — право человѣка!

*) Товарищъ Денисовъ, повидимому, не знакомъ съ фактами, доказывающими, что Балмашевъ не вышелъ изъ рядовъ партіи соц.-рев., о которой онъ здѣсь говоритъ. До самаго послѣдняго времени Балмашевъ былъ соціальдемократомъ. Отъ этого, конечно, не мѣняется оцѣнка террористическаго способа борьбы и его отношенія къ рабочему движенію. Прим. ред.

„Искра“ на скамьѣ подсудимыхъ. Арестованные въ мартѣ 1902 г. въ Кишиневѣ товарищи Леонъ и Марія Гольдманъ, А. Шнойзманъ, Гриша (фамилія неизвѣстна) и Корсунская (всѣ — рабочіе) преданы суду судебной палаты по дѣлу о типографіи „Искры“, взятой на квартирѣ у Гольдмановъ. Типографія была открыта случайно, благодаря тому, что Л. Гольдмана, который въ Кишиневѣ жилъ по паспорту Ис. Римана, узналъ шпіонъ. Приведенный въ участокъ, Гольдманъ былъ узнанъ приставомъ, какъ обитатель квартиры въ его участкѣ. Въ квартирѣ была найдена хорошо обставленная типографія и 5.000 экз. только что отпечатанной брошюры „Легальные союзы“ (о зубатовцахъ). Л. Гольдманъ, по ремеслу слесарь, былъ въ 1899 г. арестованъ въ Ниж.-Новгородѣ, гдѣ служилъ солдатомъ, и привлеченъ по дѣлу литовской соціальдемократіи въ Вильнѣ. Весной 1900 г. онъ былъ высланъ обратно въ полкъ, но съ пути бѣжалъ изъ-подъ конвоя и скрывался два года, пока несчастная случайность не предала его снова въ руки жандармовъ.

Согласно непровѣреннымъ еще нами слухамъ, дѣло „Искры“ уже разбиралось и якобы закончилось осужденіемъ Гольдмана и его товарищей *на восемь лѣтъ каторги.*

Подсудимый въ роли судьи. Въ странахъ свободныхъ государственный дѣятель, который, пользуясь ввѣренной ему властью, совершилъ бы уголовно наказуемое преступленіе, долженъ былъ бы отвѣчать за него передъ собраніемъ представителей народа. Въ порабощенной Россіи главный и самый злостный виновникъ кишиневскихъ убійствъ не только не преданъ суду за свое преступленіе, но самъ парадируетъ въ роли судьи передъ представителями еврейскаго населенія. Г-нъ Плеве „милостиво“ принимаетъ еврейскую депутацію, явившуюся „просить и искать умиротворенія, успокоенія и защиты“, онъ, только что изобличенный англійскимъ Times'омъ, какъ авторъ извѣстнаго письма къ бывшему бессарабскому губернатору, фонъ-Раабену, нагло разговариваетъ съ евреями объ ихъ собственной „винѣ“ въ совершившихся событіяхъ. Подсудимый съ удивительной развязностью играетъ роль судьи. Палачъ съ истинно-самодержавнымъ цинизмомъ подбадриваетъ и въ то же время осуждаетъ жертвы своего живодерскаго таланта.

Аудіенція у Плеве происходила 11 мая. Гг. Гольденштейнъ, Вринбергъ и Кенигшацъ — выборные еврейской буржуазіи въ Одессѣ — указали Плеве — въ предѣлахъ, конечно, „вѣрноподданническаго“ тона — на роль кишиневскихъ властей и Крушевана въ подготовкѣ и организаціи погрома, на то дѣйствіе, которое долженъ возымѣть извѣстный іезуитскій циркуляръ Плеве, обвинявшій евреевъ въ томъ, что они вызвали столкновеніе; они отмѣтили, что „всѣ мѣропріятія мѣстной администраціи за послѣдніе годы въ отношеніи еврейской массы — одно глумленіе“, что въ „Бессарабцѣ“, *„съ разрѣшенія начальства,* публикуется приглашеніе къ пожертвованію въ пользу семействъ громилъ, и тутъ же оффиціально воспрещается печатаніе воззванія о вспомоществованіи тысячамъ обездоленныхъ и погромленныхъ евреевъ“. Они просили Плеве издать новый циркуляръ, который показалъ бы христіанскому населенію, что правительство намѣрено защищать жизнь и имущество евреевъ. Они просили, чтобы было произведено разслѣдованіе о дѣйствіяхъ кишиневской полиціи и чтобы была „обуздана“ антисемитская печать, натравливающая темную массу на евреевъ. Какъ будто бы „обузданіемъ“ хотя бы и подлой печати можно достигнуть просвѣщенія сознанія невѣжественныхъ слоевъ народа!

Плеве въ отвѣтъ на всѣ эти ходатайства заявилъ, что издать новый циркуляръ значило бы признать, что первый циркуляръ „не возымѣлъ надлежащаго дѣйствія“. А, признавъ это, „власть признала бы какъ бы свою слабость, что, конечно, само по себѣ недопустимо“.

Г. Плеве увѣрялъ, что онъ очень сочувствуетъ пострадавшимъ, что онъ вовсе не врагъ евреевъ и намѣренъ облегчить ихъ положеніе, но тутъ же перешелъ къ угрозамъ, смыслъ которыхъ совершенно ясенъ и которыя должны получить самую широкую огласку, дабы каждый зналъ, какъ современное русское правительство смотритъ на свое отношеніе къ цѣлымъ милліонамъ народа.

„Ваша молодежь, господа“, сказалъ министръ-убійца, „за послѣдніе 20 лѣтъ совершенно отдѣлилась отъ вашей церкви и семьи; она ошибочно полагаетъ, что Россія — дряхлый организмъ, который легко разрушить. Пусть она знаетъ, что это — глубокое заблужденіе. Россія — молодой, крѣпкій организмъ, и если мы иногда испытываемъ извѣстныя потрясенія, какъ, напр., въ данный моментъ на югѣ и юго-западѣ отъ разныхъ рабочихъ союзовъ, „бунда“ и проч., то это временныя затрудненія, быть можетъ, и сильныя, но которыя мы одолѣемъ... *Если мы убѣдимся, что антиправительственное движеніе въ вашей средѣ не прекратится, не ослабнетъ, то мы не остановимся и передъ крайними мѣрами,* мы будемъ вынуждены *избавиться отъ васъ.* и для этого мы, съ одной стороны, облегчимъ для васъ, по возможности, эмиграцію, а, съ другой стороны, закроемъ для васъ школы и, *вообще, мы сдѣлаемъ условія жизни для васъ въ Россіи невозможными“.* „Прошу принять это не какъ угрозу (!!), а какъ указаніе на то, въ какія условія могутъ поставить себя евреи“.

Можно-ли яснѣе дать понять, что г. Плеве *принимаетъ на себя полную отвѣтственность* за совершенныя въ Кишиневѣ грабежи и убійства и что онъ обѣщаетъ евреямъ повтореніе насилій надъ ихъ личностью и имуществомъ, если они не перестанутъ выдѣлять изъ своей среды революціонеровъ?

Сдѣлать условія жизни евреевъ „невыносимыми“ возможно для г. Плеве, тѣмъ болѣе возможно, что эти условія уже теперь недалеки отъ того. Именно невыносимый характеръ этихъ условій толкаетъ все растущую часть евреевъ въ ряды революціонеровъ. Усилить гнетъ, лежащій на евреяхъ, значитъ — еще сильнѣе революціонизировать ихъ. Не поможетъ самодержавію и та паника, которую угрозы Плеве вызывали и будутъ вызывать въ еврейскомъ „образованномъ“ и необразованномъ мѣщанствѣ. Правда, много гнусностей совершитъ это мѣщанство, много грязи всколыхнетъ въ этомъ болотѣ новая политика Плеве. Уже теперь, какъ пишутъ намъ изъ Кишинева, еврейское „обывательское“ общество сплошь превращается въ добровольныхъ шпіоновъ, думающихъ услугами жандармской полиціи умолить разгнѣванныя власти и предотвратить повтореніе погромовъ. Уже въ Одессѣ еврейскіе лавочники били и истязали еврейскихъ и русскихъ рабочихъ — революціонеровъ. Подобное поведеніе еврейской буржуазіи только ускоритъ процессъ отдѣленія еврейскаго пролетаріата отъ нея, оно будетъ содѣйствовать росту соц.-демократическаго движенія среди еврейскихъ рабочихъ, которые вмѣстѣ съ рабочими русскими станутъ дѣятельно готовиться къ тому, чтобы силой отражать всякія попытки правительства убійствами, грабежемъ и насиліемъ водворять начала самодержавія и „общественнаго порядка“.

Комедія судебнаго слѣдствія въ Кишиневѣ. Мѣстныя судебныя власти не хотѣли начинать слѣдствіе и никого не арестовывали. Убійцы гуляли на свободѣ, хвастали своими подвигами и угрожали евреямъ повторить еще разъ погромъ. Мѣстный слѣдователь Давидовичъ въ статьѣ, помѣщенной въ „Бессарабцѣ“, старался доказать, что нельзя преслѣдовать никого судомъ, такъ какъ индивидуальной вины здѣсь нѣтъ, а все происшедшее надо считать стихійнымъ явленіемъ природы. Только съ прибытіемъ изъ Одессы прокурора Поллана слѣдствіе началось. Въ нѣсколько дней было арестовано свыше тысячи человѣкъ, такъ какъ виновные не скрывали своего участія въ погромѣ, будучи убѣждены, что они честно выполнили приказаніе начальства. Но какъ только г. Полланъ выѣхалъ изъ Кишинева, положеніе вещей опять измѣнилось: часть лицъ, ведшихъ слѣдствіе, самолично участвовала въ погромѣ, другіе боялись быть слишкомъ усердными, чтобы не вызвать неодобренія со стороны высшаго начальства въ Петербургѣ. Поэтому, они принялись тушить дѣло. Главный слѣдователь отказался отъ вскрытія и посѣщенія труповъ убитыхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что причина смерти извѣстна. Было отдано приказаніе похоронить убитыхъ какъ можно скорѣе. Полиція не давала фотографировать убитыхъ и раненыхъ. Очевидно, начальство стремилось къ тому, чтобы нельзя было найти уликъ противъ отдѣльныхъ лицъ и чтобы пришлось приписать все преступленіе дѣйствію буйной толпы. Не только отказались изслѣдовать мѣста убійства, но были приняты мѣры къ уничтоженію всѣхъ слѣдовъ преступленія. Оставшимся въ живыхъ былъ отданъ приказъ очистить всѣ жилища отъ всѣхъ слѣдовъ убійства, и полиція строго слѣдила за исполненіемъ этого приказа. Въ домѣ убитаго еврея Хацкелевича не успѣли все вычистить, такъ какъ вся семья, тяжело раненая, находилась въ больницѣ; тѣмъ не менѣе, вдова была приговорена къ тюремному заключенію на одинъ мѣсяцъ. Оставались только показанія свидѣтелей, но и здѣсь слѣдователи постарались не выдавать убійцъ. Все слѣдствіе было подраздѣлено на части, такъ что каждый слѣдователь велъ дѣло только по преступленіямъ одного рода: одинъ занимался дѣлами объ убійствѣ, другой — о пораненіяхъ, третій — о грабежѣ, четвертый — о кражѣ и т. д. Кромѣ того, свидѣтельство одного еврея считалось недостаточнымъ и, такимъ образомъ, освобождены были многіе, виновность которыхъ подтверждалась свидѣтелями. А во многихъ случаяхъ другихъ свидѣтелей, кромѣ евреевъ, и не могло быть, такъ какъ дѣло происходило въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Въ какомъ духѣ ведется слѣдствіе, лучше всего доказываютъ слѣдующіе факты. Главному слѣдователю, г. Фреймату, было доложено о двухъ случаяхъ изнасилованія, но онъ отказался внести это въ протоколъ, говоря; „это мелочи“. Этотъ-же господинъ допрашивалъ раненыхъ въ больницѣ и въ протоколѣ совершенно измѣнилъ смыслъ ихъ показаній. Фельдшерица, присутствовавшая при допросѣ, протестовала самымъ энергичнымъ образомъ противъ подобнаго поведенія. Господинъ Фрейматъ напустился было на нее и хотѣлъ ее напугать, но госпожа Неручева (фамилія фельдшерицы) приказала ему убираться, и у слѣдователя не хватило храбрости явиться еще разъ въ больницу для дальнѣйшихъ допросовъ и онъ послалъ туда замѣстителя. Многіе изъ участниковъ погрома могли своими показаніями обличить организаторовъ и потому они на-скоро были освобождены слѣдователями, хотя по закону послѣдніе не имѣютъ права освобождать обвиняемыхъ безъ разрѣшенія прокурора.

Чтобы помѣшать евреямъ обжаловать эту комедію, администрація пользовалась тѣми правами, которыя ей даетъ положеніе усиленной охраны, введенное якобы для защиты евреевъ. Такъ, два еврея, по фамиліи Мучникъ, были посажены въ тюрьму на одинъ мѣсяцъ по приказанію временнаго губернатора (г. Устругова, друга Крушевана) „за то — говоритъ оффиціальный приказъ, — что они громко передъ толпой евреевъ говорили на своемъ жаргонѣ противъ дѣйствій полиціи“. Даже еврейскіе врачи, дававшіе правдивыя показанія о тѣхъ ужасныхъ изуродованіяхъ, которыя они нашли на трупахъ убитыхъ, подвергались преслѣдованіямъ и угрозамъ со стороны администраціи. Земскій врачъ Дорошевскій, давшій корреспонденту „Новостей“ подробныя свѣдѣнія о характерѣ найденныхъ имъ ранъ, долженъ былъ оставить службу въ земской больницѣ.

Послѣдствія погрома въ Кишиневѣ. Привожу вамъ данныя изъ одного частнаго письма по поводу того, что творилось и творится въ Кишиневѣ. Корреспондентъ называетъ настоящее положеніе дѣлъ „продолженіемъ погрома“ и объясняетъ это такъ.

„Это ‚продолженіе погрома‘, т. е. обостренное попраніе человѣческихъ правъ евреевъ, сказывается, напр., въ томъ, что административныя репрессіи, направленныя, якобы, къ успокоенію края, обрушиваются страннымъ образомъ именно на евреевъ или лицъ, ставшихъ на ихъ сторону.

Такъ, на этихъ дняхъ исполняющій должность губернатора вице-губернаторъ Уструговъ, пользуясь 20 ст. „Положенія объ усиленной охранѣ“ (каковое введено по поводу погрома), устранилъ отъ должности земскаго врача Н. А. Дорошевскаго, извѣстнаго своимъ гуманнымъ отношеніемъ къ евреямъ и пользующагося среди нихъ громадною популярностью. Тотъ же Уструговъ, не довольствуясь уже предоставленными ему „Пол. объ усил. охр.“ широкими полномочіями, 23 мая, вопреки какъ цензурному уставу (178 и 180 ст.), такъ и Положен. объ охранѣ, отдалъ приказъ о *конфискаціи* во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и на квартирѣ книгоиздателя Брестона изданной послѣднимъ брошюры, заключающей въ себѣ *исключительно* текстъ проповѣдей Іоанна Кронштадскаго (рѣчь, а не письмо*) и епископа Антонія, и *разрѣшенной* къ продажѣ одесскимъ цензурнымъ комитетомъ. Исполняя этотъ приказъ, городовые и околодочные цѣлый день обходили всѣ книжные магазины, лари и кіоски и отбирали книжку, а также саблями соскабливали со столбовъ во множествѣ расклеенныя съ разрѣшенія той же полиціи объявленія о выходѣ этой брошюры. Эта полицейская демонстрація, произведенная почти наканунѣ 25 и 26 мая, когда ожидалось повтореніе погрома, безъ сомнѣнія, была понята широкими слоями городского населенія, какъ административное порицаніе тѣхъ элементарныхъ гуманныхъ мыслей по еврейскому вопросу, какія имѣются въ проповѣдяхъ І. Кроншт. и епископа Антонія.

Изданное и. д. губ. на отнованіи „Положенія объ усиленной охранѣ“ обязательное постановленіе, согласно которому имѣть оружіе впредь дозволяется только со спеціальнаго разрѣшенія губернатора, примѣняется такимъ образомъ, что до сихъ поръ разрѣшеніе дается только христіанамъ. Въ результатѣ — обезоруживается послѣ погрома именно та часть населенія, на которую совершено было ужасное нападеніе.

Пользуясь „Пол. объ усиленной охранѣ“, и. д. губернатора посадилъ подъ арестъ на мѣсяцъ двухъ евреевъ, сильно потерпѣвшихъ отъ погрома, которые рѣшились (громадное большинство не рѣшается) дать показанія у судебнаго слѣдователя противъ полиціи (остроумный слѣдователь поручаетъ провѣрку этихъ показаній той же полиціи)“.

А вотъ что дѣлается за предѣлами Кишинева: „17 мая на станціи Раздѣльная нѣкій еврейскій юноша сдѣлался случайнымъ свидѣтелемъ того, какъ одѣтый въ европейское платье господинъ (впослѣдствіи оказавшійся Пронинымъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ людей въ Кишиневѣ, крупный подрядчикъ, оказывалъ денежную помощь „Бессарабцу“, едва-ли не самый дѣятельный послѣ Крушевана антисемитъ въ Кишиневѣ, а по своимъ связямъ съ рабочимъ людомъ, и самый опасный), окруженный почтовыми чиновниками (дѣло было въ почтовомъ отдѣленіи), громко повѣствовалъ послѣднимъ о причинахъ кишиневскаго погрома. По его словамъ, евреи вызвали озлобленіе въ христіанскомъ населеніи тѣмъ, что убили съ ритуальными цѣлями мальчика въ Дубосарахъ, а 6 и 7 апрѣля первые напали на христіанъ. Возмущенный этой ложью, юноша вмѣшался въ разговоръ и, въ завязавшемся затѣмъ спорѣ, заявилъ, что погромъ не былъ вызванъ нападеніемъ евреевъ, а былъ заранѣе кѣмъ-то подготовленъ, такъ какъ до погрома еще были выпущены прокламаціи, призывавшія христіанское населеніе къ избіенію евреевъ. На возраженія Пронина, что это неправда, юноша вызвался прислать тотъ номеръ „СПБ. Вѣд.“, гдѣ сообщалось объ указанныхъ прокламаціяхъ. Послѣ этихъ словъ Пронинъ немедленно крикнулъ: „жандармъ!“, и когда тотъ пришелъ, сказалъ ему, указывая на юношу: „арестуйте этого человѣка, онъ обѣщалъ прислать намъ прокламаціи“. И юноша былъ арестованъ и затѣмъ привлеченъ къ дознанію по 251 ст. Ул. о наказ. (распространеніе преступ-

*) Какъ извѣстно, въ позднѣйшемъ письмѣ Іоаннъ Кронштадскій взялъ назадъ свой протестъ противъ кишиневскихъ событій.

ныхъ сочиненій). Въ прокуратурѣ говорятъ, что дѣло объ этомъ юношѣ будетъ прекращено, но не характерно-ли, что изъ двухъ собесѣдниковъ по поводу погрома арестовываютъ именно того, кто говоритъ въ защиту евреевъ.

Какъ самодержавіе готовится къ уличнымъ сраженіямъ.

Намъ доставленъ весьма интересный секретный циркуляръ Клейгельса, изданный передъ 1 мая сего года. Рекомендуемъ всѣмъ товарищамъ внимательно ознакомиться съ его содержаніемъ.

Секретно.

Распоряженія для предупрежденія и пресѣченія уличныхъ безпорядковъ.

(Къ 1 мая и къ 200-лѣтію С.-Петербурга).

1. Предлагаю чинамъ полиціи всякія скопленія публики разсѣивать, приглашая расходиться, ссылаясь на мое Обязательное Постановленіе отъ 8 марта.

Неподчиняющихся — задерживать и привлекать къ отвѣтственности.

2. Если мѣры полиціи окажутся недостаточными для возстановленія порядка — вызываются войска, которымъ указывается цѣль и направленіе дѣйствія.

3. По возстановленіи порядка — задержанныя лица направляются въ ближайшіе къ мѣсту безпорядка полицейскіе дома, причемъ отъ сопровождающихъ чиновъ полиціи требую полнаго самообладанія и спокойнаго, сдержаннаго обращенія.

4. Какъ скоро будетъ замѣчено движеніе рабочихъ въ городъ въ большомъ, чѣмъ обыкновенно, числѣ, остановить движеніе пригородныхъ конокъ.

При возникновеніи безпорядковъ, въ случаѣ надобности, распорядиться остановкой движенія конокъ по всему городу, вернувши вагоны въ парки.

Приведеніе въ исполненіе этого распоряженія возлагается на мѣстныхъ приставовъ — по личному ихъ усмотрѣнію, сообразно съ обстановкой, — или же по полученіи о томъ распоряженія по телефону.

5. Лицъ — подозрительныхъ, обращающихъ на себя особое вниманіе на улицахъ, направляющихся въ центръ города, — задерживать и осматривать только полицейскимъ офицерамъ, въ сторонѣ отъ публики помѣщеніяхъ.

6. Вмѣнить въ обязанность дворникамъ — всѣхъ мальчишекъ, безобразниковъ и нищихъ направлять во дворы, въ пустые сараи, гдѣ держать ихъ до возстановленія порядка на улицѣ.

7. До возникновенія безпорядковъ единичныхъ ослушниковъ при задержаніи отправлять въ ближайшіе участки при достаточно сильныхъ конвояхъ.

На случай надобности установить пикеты въ ближайшихъ домахъ.

Только при возникновеніи безпорядковъ

8. а) Всѣ винныя лавки, трактиры, пивныя и т. п. заведенія закрыть; б) ворота домовъ закрыть и дворниковъ со всѣми подручными выставить у воротъ.

9. Предупредить жителей о воспрещеніи находиться на балконахъ, крышахъ и у открытыхъ оконъ въ мѣстахъ возникновенія безпорядковъ.

10. Если-бы въ толпѣ кто-либо началъ говорить рѣчь, того непремѣнно слѣдуетъ задержать.

11. Если-бы гдѣ-либо былъ выкинутъ красный или иной флагъ, то лицо, выкинувшее флагъ, необходимо задержать *во что бы то ни стало* всѣми имѣющимися средствами.

12. Если на Невскомъ проспектѣ публика и въ ней угрожающій порядку элементъ появится въ такомъ числѣ, что начнетъ переходить на мостовую, то Невскій проспектъ совершенно очистить отъ публики, закрывъ выходы на него нарядами полиціи и дворниковъ.

13. Если-бы собравшаяся гдѣ-либо толпа была разогнана, то часть коннаго наряда, слѣдуя за разбѣгающимися, не допускаетъ ихъ вновь собираться въ другомъ мѣстѣ.

14. Начальникамъ дистанцій все время быть освѣдомленными о происходящемъ на другихъ дистанціяхъ, поддерживая связь по телефону и велосипедистами.

15. Извѣстившись о безпорядкѣ въ сосѣдней дистанціи, начальники сосѣднихъ — выводятъ свои наряды на границу дистанціи, ближайшую къ мѣсту возникновенія безпорядка и въ случаѣ надобности помогаютъ.

16. Обо всемъ происходящемъ немедленно докладывать мнѣ по телефону.

17. Команды служителей при частяхъ имѣть собранными и наготовѣ.

18. Гг. приставамъ высылать наряды своевременно.

19. Наряды высылать цѣлыми командами.

Подписалъ: С.-П.Б. Градонач., Ген.-Лейт. *Клейгельсъ*.

Петербургъ. Въ концѣ марта на станцію Райвола былъ посланъ ящикъ съ „Искрой" (приблизительно №№ 20-27). Вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, нельзя было его взять сразу. Въ концѣ апрѣля начальникъ станціи г. Вальманъ полюбопытствовалъ посмотрѣть, что находится въ ящикѣ, такъ долго залежавшемся, и увидавъ содержимое, нашелъ нужнымъ сообщить жандармскимъ властямъ въ Петербургѣ. Къ счастью для насъ, это было узнано во-время, и пострадала лишь одна литература. Въ настоящее время ящики находятся на станціи Теріокахъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ приставленныхъ къ нему полицейскихъ властей. Пожелаемъ, чтобы случайное знакомство съ „Искрой" послужило имъ на пользу. Кстати, нѣсколько словъ о доносчикѣ г. Вальманѣ. Ему 50 лѣтъ, и онъ болѣе 25 лѣтъ прослужилъ на разныхъ станціяхъ между Бѣлоостровомъ и Выборгомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ былъ оштрафованъ своимъ начальствомъ за попустительскую дѣятельность. Теперь, видно, г. Вальманъ рѣшилъ избрать „лучшую часть" — оказывать услуги жандармамъ. Какъ въ свое время сообщалось въ нашей газетѣ, въ ноябрѣ на финляндской желѣзной дорогѣ было арестовано нѣсколько человѣкъ съ литературой соц.-революціонеровъ. Эта катастрофа произошла по доносу трехъ низшихъ служащихъ — Павилайнена, Мясонена и Розендаля. Двое первыхъ были награждены жандармами, а высочайшій шефъ и другъ послѣднихъ, Николай II, наградилъ ихъ еще къ Пасхѣ въ числѣ другихъ служащихъ на финляндской жел. дорогѣ. Видно, лавры этихъ предателей не давали спать г. Вальману.

Уфа. Убійство Богдановича было совершенной неожиданностью для полиціи и жандармовъ, наслаждавшихся сравнительнымъ отдыхомъ послѣ многотрудныхъ дней конца апрѣля и начала мая. Прокламаціи Орг. Ком., распространенныя мѣстнымъ Ком. въ ночь на 19 апрѣля (650 шт.) и на 30 (800) произвели громадное впечатлѣніе какъ на рабочихъ, такъ и въ особенности на охранителей общественнаго спокойствія.

По городу ходили разные слухи, иногда очень нелѣпые, распространявшіеся, очевидно, полиціей и жандармами: говорили, напр., что рабочіе будутъ бить чиновниковъ и „жидовъ", поджигать обывательскіе дома и проч. Кишиневское побоище, какъ видно, научило нашихъ захолустныхъ администраторовъ новѣйшимъ пріемамъ борьбы съ крамолой. Наканунѣ перваго мая было расклеено за подписью губернатора обязательное постановленіе, запрещавшее сходки, собранія, хожденіе толпами по улицамъ и „не вызываемыя необходимостью остановки", съ обычными угрозами за неисполненіе. Тутъ ужъ всѣ поголовно обыватели рѣшили, что перваго мая дѣйствительно произойдетъ нѣчто ужасное, и немудрено было рѣшить, ибо почва для этого была прекрасно подготовлена самою же администраціей: попы громили съ каѳедръ „сѣятелей смуты", начальство среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній предупредительно сообщало учащимся о всемірномъ праздникѣ рабочихъ, не совѣтуя и даже прямо запрещая имъ показываться на улицѣ въ день перваго мая.

Два-три еврея, говорятъ, обращались съ губернатору съ просьбой о назначеніи имъ спеціальной охраны; офицеры усердно и съ великой тайной учили въ казармахъ солдатъ забытымъ ими послѣ 13 марта пріемамъ „молодецкой расправы съ бунтовщиками"; солдатамъ было роздано по 15 боевыхъ патроновъ.

Вѣнцомъ этой своеобразной профанаціи пролетарскаго праздника явилось названное выше обязательное постановленіе. Наступилъ роковой день. Солдаты, шпіоны, полиція и жандармы были наготовѣ. Зданіе Государственнаго банка, домъ губернатора и пр. охранялись городовыми въ полномъ вооруженіи. Въ слободѣ (Софоновка, часть города, населенная рабочими) припрятано было, по слухамъ, нѣсколько десятковъ казаковъ. Нѣкоторые обыватели позапирали свои дома и закрыли ставни, и цѣлыя массы учащихся не явились на обычныя школьныя занятія. Демонстрація рабочихъ оказалась, такимъ образомъ, почти излишней, такъ какъ прокламаціи Орг. Ком. и агитація властей сдѣлали свое дѣло, пробудивъ громадный интересъ къ соц.-дем. и рабочему движенію среди самыхъ широкихъ слоевъ мѣстнаго населенія. Все происшедшее очень сильно подѣйствовало на рабочихъ и въ громадной степени приподняло ихъ настроеніе. Спросъ на соц.-дем. литературу сразу и сильно увеличился — просятъ послѣ этого „почитать" такіе люди, которые раньше ничѣмъ не интересовались. „На улицѣ, по выраженію рабочихъ, что ни человѣкъ, то крамольникъ". Словомъ, движеніе не по днямъ быстро растетъ и вширь и вглубь. Уже не за горами то время, когда забытая судьбой Уфа дѣйствительно будетъ въ состояніи принять активное участіе въ освободительной борьбѣ русскаго пролетаріата съ самодержавіемъ. Въ слѣдующіе дни городъ принялъ обычный будничный видъ: школьники пошли въ школы, обыватели принялись за дѣло и за „службу", солдаты сложили ружья въ козлы, жандармы прекратили свои набѣги на обывательскія квартиры*), полицейскіе пристава избавились отъ безпокойнаго (и безполезнаго) бодрствованія подъ дождемъ и снѣгомъ на улицахъ и даже за городомъ, что пришлось имъ продѣлывать втеченіе цѣлаго ряда „майскихъ" ночей.

Убійство Богдановича нарушило этотъ мирный покой и задало всѣмъ много работы. Въ средѣ администраціи поднялась суматоха: губернаторъ убитъ, "вице" въ отлучкѣ, а полиціймейстеръ Смирновъ, какъ на грѣхъ, только-что уволенъ Богдановичемъ въ угоду своей помпадуршѣ. Временное правительство, съ громаднымъ трудомъ составленное изъ прокурора окружнаго суда, предсѣдателя казенной палаты, управляющаго государственными имуществами и жандармскаго офицера Кременецкаго (полковникъ Шатовъ былъ въ отпуску), открыло свои засѣданія въ зданіи полицейскаго управленія, таская туда поминутно полицейскихъ и жандармовъ и отдавая по телефону безтолковыя приказанія объ обыскахъ и арестахъ. 7-го была обыскана, домъ за домомъ, вся Нижегородка (другая рабочая слобода), но безрезультатно, какъ и всѣ дальнѣйшіе обыски и аресты, причемъ, повидимому, обыскивающіе болѣе искали Уральскую типографію, чѣмъ убійцу Богдановича.

8-го былъ арестованъ служащій въ стат. отдѣленіи губ. зем. управы Морозовъ, который въ моментъ убійства Богдановича гулялъ въ паркѣ и вмѣстѣ съ мальчиками-гимназистами на свою бѣду пустился въ погоню за убѣжавшимъ неизвѣстнымъ, убившимъ Богдановича. Несчастный не выпущенъ до сихъ поръ и, говорятъ, сошелъ съ ума. Въ ночь на 9 мая съ большой торжественностью обыскано зданіе губ. зем. управы: цѣлая рота солдатъ въ полномъ составѣ оцѣпила ее кругомъ; четыре жандармскихъ офицера и столько же полицейскихъ приставовъ, масса городовыхъ и жандармовъ перешарили всѣ углы, разыскивая типографію. Съ этимъ инцидентомъ любопытно сопоставить слѣдующій фактъ. Во время недавняго съѣзда земскихъ страховыхъ дѣятелей въ СПБ., Плеве пригласилъ къ себѣ предсѣдателя Уфимской губ. земской управы и съ жаромъ, не слушая возраженій, началъ доказывать ему, что Уфимская губ. земская управа дѣлается очагомъ революціоннаго движенія на Уралѣ и что, напр., златоустовская исторія не обошлась безъ участія ея служащихъ. Въ заключеніе Плеве пригрозилъ, что „ни передъ чѣмъ не остановится", подавляя крамолу. Надо надѣяться, что описанный и послѣдующіе обыски, столь блестяще неоправдавшіе ожиданій Плеве, заставятъ этого высокопоставленнаго и „всевѣдущаго" палача перемѣнить гнѣвъ къ бѣднымъ уфимскимъ земцамъ на милость и направить поиски за революціонной „бациллой" на другой путь, гдѣ, безъ сомнѣнія, сыщиковъ ждетъ не менѣе блестящій успѣхъ. Въ ту же ночь произведены обыски у двухъ чиновниковъ губ. Государственнаго банка, у одного лѣсного кондуктора, у завѣдующаго складомъ сельско-хоз. орудій губ. земства, у завѣд. оцѣночной статистикой, у помощника секретаря губернскаго управленія и у завѣд. статистич. бюро губ. земства; у послѣдняго искали „принадлежностей тисненія и складъ нелегальной литературы".

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ нелѣпѣе и нахальнѣе становились охранители порядка. Такъ, архіерей изъ боязни, не спрятали-ли въ соборѣ динамита, проситъ администрацію произвести и тамъ обыскъ, и къ вящему соблазну „благочестивыхъ" обывателей обыскъ, хотя и негласный, производится по всѣмъ правиламъ шпіонскаго искусства. Можетъ быть, его преосвященство старался этимъ обыскомъ свою благонадежность и непричастность къ убійству златоустовскаго убійцы — доказать, что монахи, гулявшіе въ паркѣ и перепуганные выстрѣлами, съ неожиданной для самихъ себя ловкостью скакавшіе для ускоренія пути черезъ каменную стѣну собора, что они не были подосланы имъ, „владыкой", для убійства Богдановича? Все можетъ быть, держится же въ нѣкоторой части обывателей оригинальное убѣжденіе, что убійство губернатора есть дѣло рукъ бывшихъ полицейскихъ, весь штатъ которыхъ, не исключая полиціймейстера Смирнова, былъ раскассированъ Богдановичемъ въ угоду „к-же Богдановой"**).

Грубость и нахальство полиціи дошли, наконецъ, до того, что обывателей стали останавливать и допрашивать прямо на улицѣ — на томъ только основаніи, что, кажется, они „очень часто ходятъ по улицѣ", и иногда и безъ всякихъ основаній останавливаютъ, вносятъ въ списокъ „подозрительныхъ" и тащатъ туда, гдѣ тотъ служитъ, тамъ „удостовѣряютъ" его личность показаніями сторожей и послѣ этого оставляютъ въ покоѣ.

А вотъ, напримѣръ, жандармъ Кременецкій, на вопросъ одного изъ „потерпѣвшихъ" о причинѣ обыска, ссылается на 29 статью положенія объ охранѣ (?) (обыскъ произведенъ безъ требуемаго закономъ предписанія прокурора), а въ дальнѣйшемъ объясненіи грубо и нахально заявляетъ, что обыскиваемый долженъ быть доволенъ тѣмъ, что его не взяли, — что законы для жандармовъ не имѣютъ значенія, такъ какъ у нихъ свои законы... „Вы можете жаловаться куда угодно" — заканчиваетъ Кременецкій, — „и не отнимать у меня время по пустякамъ".

Въ ночь на 14-ое арестованъ бывшій политическій ссыльный, присяжный повѣренный А. Плаксинъ, но черезъ нѣсколько дней выпущенъ; на 16-ое арестованъ, послѣ пятичасового обыска, состоящій подъ гласнымъ надзоромъ политическій ссыльный В. Леонтьевъ. 16 мая въ губернской земской управѣ и земскаго книжнаго склада забраны жандармами образцы всякихъ бланковъ и всѣхъ сортовъ бумаги (очевидно, для сличенія съ бумагой, на которой былъ написанъ „приговоръ", о существованіи котораго ходятъ упорные слухи). Наконецъ, 21 здѣсь получена телеграмма съ просьбой сообщить копіи съ нея въ Самару и Красноярскъ. Изъ нея видно, что въ Сызрани арестованъ нѣкто Яковъ (дальше шифръ), будто бы, убійца Богдановича, бѣжавшій изъ Красноярска.

Нечего говорить, что всѣ сообщенія легальныхъ газетъ о „симпатіяхъ" и „оплакиваніи" Богдановича безусловно ложны. Наоборотъ, вѣсть объ убійствѣ встрѣчена по внѣшности всѣми крайне равнодушно; на ушко-же другъ другу „либералы" и даже просто обыватели дружно шепчутъ: „туда ему и дорога", причемъ, конечно, и тѣ и другіе, какъ маленькіе дѣти, забываютъ, что если Богдановичъ билъ „бичами", то замѣститель его можетъ оказаться спеціалистомъ по части „скорпіоновъ". Какъ-бы тамъ ни было, но одни уфимскіе дворяне (точнѣе два-три проживающихъ въ Уфѣ пресмыкающихся представителя этой интеллектуально и морально выродившейся породы содержанокъ правительства) пошли въ разрѣзъ съ общимъ настроеніемъ, возложивъ вѣнокъ на гробъ „доблестнаго героя долга". Даже невозможное издѣвательство самодержавнаго правительства надъ лучшими изъ „первенствующаго сословія" не въ состояніи измѣнить этихъ прирожденныхъ лакеевъ! Убійство губернатора, конечно, совсѣмъ не походитъ на революцію, которая одна только можетъ вселить въ сердца этой публики на мѣсто исконной паразитской угодливости „спасительный страхъ".

Подъ шумъ, произведенный „казнью" Богдановича, представители отъ всѣхъ цеховъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, въ количествѣ 15-20 чел. устроили собраніе для обсужденія различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ организаціей. Вообще, настроеніе рабочихъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Нѣсколько мѣсяцевъ усиленной агитаціи произвели большую перемѣну въ ихъ отношеніи къ революціонерамъ и въ ихъ взглядахъ на политич. борьбу. Теперь можно смѣло сказать, что революціонное движеніе среди рабочихъ имѣетъ подъ собой твердую почву и ни чѣмъ не можетъ быть остановлено. Доказательствомъ этому служитъ то обстоятельство, что произведенные аресты нисколько не ослабили дѣятельности Комитета, напротивъ, систематическая агитація продолжалась чѣмъ дольше, тѣмъ съ большей энергіей и успѣхомъ. 10 мая шесть человѣкъ изъ числа арестованныхъ зимою — Васильевъ, Пшеничниковъ, Мигуновъ, Асѣевъ (рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ); Лихачевъ и Дубининъ (инт.) отправлены въ самарскую тюрьму. Администрація держала свое намѣреніе въ такой строгой тайнѣ, что даже матери нѣкоторыхъ изъ арестованныхъ узнали о немъ всего за нѣсколько минутъ до отправленія ихъ дѣтей изъ тюрьмы на вокзалъ, и тѣмъ не менѣе, вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по желѣзнодорожнымъ мастерскимъ и передъ вагономъ, гдѣ сидѣли отъѣзжающіе, собралось много рабочихъ. Арестованные были очень веселы, переговаривались между собою, улыбались знакомымъ рабочимъ и пѣли „Марсельезу" до тѣхъ поръ, пока тронувшійся поѣздъ не скрылся изъ виду. Ихъ бодрый видъ, веселое настроеніе произвели большое впечатлѣніе на провожавшихъ товарищей.

Въ настоящее время штатъ жандармовъ увеличенъ здѣсь очень значительно — прибавлено 4 офицера и нѣсколько нижнихъ чиновъ. Для устройства сыска пріѣхалъ начальникъ Одесскаго (иные говорятъ — Саратовскаго) охраннаго отдѣленія и привезъ съ собою будущаго руководителя „министерства шпіоновъ" и квалифицированныхъ сыщиковъ. Послѣдніе подъ большимъ секретомъ явились сюда и внесли немалое оживленіе на улицы сонной Уфы.

На имя Богдановича уже послѣ его смерти отъ директора департамента полиціи Лопухина получилась бумага, извѣщающая объ ассигнованіи одной тысячи рублей чинамъ златоустовской полиціи „за умѣлое и быстрое подавленіе рабочихъ безпорядковъ". О принятіи-же на казенное содержаніе дѣтей исправника Клюшникова, гласитъ, между прочимъ, этотъ „дорогой" документъ, — „будетъ сообщено особо".

Екатеринбургъ. 27 апрѣля въ Екатеринбургѣ и на многихъ заводахъ средняго Урала были распространены мѣстными соц.-демократами майскіе листки О. К. Въ Екатеринбургѣ они были также расклеены и разбросаны (въ количествѣ свыше 150). Предлагались для распространенія эти листки и Екатер. Ком. Уральскаго Союза, но тотъ отъ распространенія майскихъ листковъ О. К. отказываясь вовсе (потому что онъ призывалъ на улицу, что въ среднемъ Уралѣ въ настоящее время нежелательно), предлагалъ взять на себя распространеніе („съ рукъ на руки") предмайскаго листка О. К. среди своихъ кружковыхъ рабочихъ, ставя, однако, какъ „ультиматумъ" (!?), чтобы въ Екатеринбургѣ листки не расклеивались и не разбрасывались. Мотивированъ этотъ, болѣе чѣмъ странный, „ультиматумъ", конечно, оставшійся безъ всякаго отвѣта, тѣмъ, что (въ виду неконспиративной постановки дѣлъ у Союза) расклейка и разброска можетъ привести къ провалу*).

Листки вызвали много толковъ среди рабочихъ и, во всякомъ случаѣ, подготовили соціальдемократіи почву для дѣятельности, до сихъ поръ здѣсь, на среднемъ Уралѣ, бывшей монополіей, захваченной Уральск. Союз. соц.-рев. Въ двадцатыхъ числахъ 1903 г. изъ здѣшней тюрьмы выпущены были: Казаковъ, рабочій съ мѣдныхъ рудниковъ (мѣдн. рудники въ 12 верстахъ отъ Екатеринбурга), и Каргополовъ, столяръ изъ Верхне-Исетска. Въ ночь съ 24 на 25 мая одновременно (въ 8 час. веч.) были арестованы: Бушуева, княжна Долгорукова, Кабанова, Клещева, Павлинова, В. и К. Стрижевы, Ю. Стрижева, три брата Швалко (послѣднему 14 лѣтъ), Щелконогова, изъ рабочихъ (говорятъ, арестовано до 18 чел.) извѣстны фамиліи только троихъ: Вяткинъ съ монетнаго двора, Моржаковъ съ Макаровской фабрики, Рубцовъ, съ той же фабрики, *выдаетъ*. Было произведено много обысковъ: Бушуева, пріѣзжая учительница, сестра арестованной, раб. Морозовъ и Мельниковъ, Шараповъ и многіе другіе рабочіе.

28 мая по городу были разбросаны листки Уральскаго Союза.

Отовсюду здѣсь — изъ Уфы, Златоуста, Перми — только и слышишь: аресты, массовые аресты! Прямо душа болитъ. И всего обиднѣе, что публика пріучается вести революціонныя дѣла революціонно, конспиративно лишь послѣ массы арестовъ и проваловъ! Екатеринбургъ кишитъ наѣхавшими жандармами и шпіонами. Въ Нижній-Тагилъ также наѣхало много, и тамъ скоро будутъ аресты.

Ставрополь-Кавказскій. Къ иллюстраціи того положенія, что никакіе законы не могутъ гарантировать справедливости тамъ, гдѣ страна управляется группой чиновниковъ съ самодержцемъ во главѣ, привожу слѣдующій фактъ. Въ началѣ 1901 года въ городѣ Ставрополѣ-Кавказскомъ во время постановки „Контрабандистовъ", пьесы, повсюду въ Россіи вызвавшей протесты лучшей части молодежи за проповѣдь ненависти и презрѣнія къ еврейской націи, поднадзорный Санжуръ выразилъ свой протестъ противъ постановки этой пьесы и противъ публики (главнымъ образомъ, чиновной, съ губернаторомъ Никифораки во главѣ), устроившей овацію артисту-бенефиціанту и поднесшей ему въ подарокъ „наличными деньгами" что-то около сотни рублей. Санжуръ швырнулъ съ райка бенефиціанту мѣдный пятакъ и крикнулъ на весь театръ нѣсколько соотвѣтствующихъ фразъ. Тотчасъ же его схватили городовые, вмѣстѣ съ жандармами, пожарными и солдатами, въ ожиданіи демонстраціи занявшіе въ театрѣ чуть не половину мѣстъ, и потащили въ полицію, гдѣ и продержали нѣсколько часовъ. Затѣмъ былъ составленъ протоколъ и Санжуръ привлеченъ къ суду „за нарушеніе порядка во время театральнаго представленія". Санжуръ потребовалъ допроса въ качествѣ свидѣтелей губернатора Никифораки и вице-губернатора Ключарева, обставивъ этотъ вызовъ всѣми формальностями. Городской судья Весельчаковъ, слывшій въ городѣ за либерала, долго не рѣшался безпокоить начальство и ставить его на одну доску съ городовыми, шпіонами и губернаторской кухаркой, вызванными со стороны полиціи; наконецъ, настойчивость обвиняемаго и отсутствіе какихъ бы то ни было законныхъ поводовъ къ отказу вынудили его послать повѣстки. Пославъ повѣстки, онъ увѣдомилъ объ этомъ Санжура. Мѣстный помпадуръ, однако, счелъ за кровную обиду подчиниться закону и далъ такую разноску судьѣ, что тотъ потихоньку взялъ повѣстки назадъ, не пробовалъ больше тревожить начальство и приговорилъ Санжура къ 4 днямъ ареста. Дѣло это до сихъ

---

*) Передъ первымъ мая арестованы два брата Каблуковыхъ (раб. ж.-д. мастерскихъ) и Тихоновъ (раб. изъ чайной развѣски Вогау); кромѣ того, было по нѣскольку обысковъ и арестовъ въ Катавъ-Ивановскомъ, Усть-Катавскомъ и Юрюзанскихъ заводахъ.

**) Это та самая госпожа, для которой „отцы города" не пожалѣли 15 тыс. руб. на устройство парка передъ ея домомъ, безжалостно, однако, отказывая въ замощеніи ужасной грязи городскихъ улицъ плательщиковъ городскихъ налоговъ.

*) Свидѣтельство о бѣдности, выданное себѣ Екатер. Ком. Уральскаго Союза, какъ организаціи, было, очевидно, справедливо. Въ майскихъ арестахъ у Союза была арестована гектографія (во время печатанія), мимеографъ, краска, отпечатки, литература и т. д. въ различныхъ мѣстахъ (25 мая).

поръ еще не законченное, было уже въ двухъ съѣздахъ и въ губернскомъ присутствіи, но нигдѣ, не смотря на постоянныя требованія обвиняемаго, губернаторъ и вице-губернаторъ допрошены не были. Санжуръ защищался на судѣ, доказывая, что онъ порядка не нарушалъ, а протестовалъ противъ чиновничества съ губернаторомъ, полицеймейстеромъ, городовыми, жандармами и пожарными, устроившими неистовую юдофобскую демонстрацію въ театрѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, Санжуръ былъ привлеченъ къ отвѣтственности за оскорбленіе чиновъ полиціи въ прошеніи, поданномъ губернатору о незаконномъ удаленіи изъ театра и лишеніи свободы. Въ этомъ прошеніи Санжуръ издѣвался надъ полиціей и администраціей, говорилъ о беззаконности и безобразіи ихъ поведенія и требовалъ наказанія виновныхъ. Окружный судъ приговорилъ С. къ тремъ днямъ ареста, но судебная палата оправдала его, такъ какъ въ прошеніи не было ни одного выраженія, которое можно было бы подвести подъ статьи закона, а, главнымъ образомъ, потому, что члены палаты въ служебномъ положеніи выше членовъ окружного суда и считаютъ нужнымъ холопствовать передъ болѣе крупными административными единицами, чѣмъ губернаторы. Для окружного суда и губернаторъ „шишка“ и, угождая ему, онъ на всякія подлости пойдетъ.

Какъ бы то ни было, поведеніе поднадзорнаго С., втеченіе цѣлаго года публично боровшагося съ престижемъ полновластія полиціи и „хозяина губерніи“, въ своихъ оффиціальныхъ бумагахъ и судебныхъ рѣчахъ много разъ высмѣивавшаго и оскорблявшаго губернатора, не давало послѣднему покоя. И вотъ Никифораки ѣдетъ въ Питеръ и докладываетъ, что его власть дискредитирована, что для возстановленія поруганныхъ принциповъ нужны особыя мѣры, и министръ внутреннихъ дѣлъ дѣлаетъ распоряженіе о водвореніи С. за дерзкое поведеніе на 2 года подъ надзоръ полиціи въ городъ Ейскъ, Кубанской области. Вотъ какъ отправляется правосудіе въ нашемъ отечествѣ, гдѣ никакіе суды присяжныхъ не могутъ гарантировать справедливости и гдѣ всякій судья всегда можетъ превратиться въ губернаторскаго лакея.

Въ настоящее время поднадзорный С. изъ города Ейска скрылся. Кормчій.

Офицеръ-убійца. Въ послѣднемъ, четвертомъ, номерѣ нелегальнаго журнала „Грузія“, издающемся въ Парижѣ, сообщаютъ о слѣдующемъ фактѣ. Среди бѣлаго дня на одной изъ шумныхъ улицъ Тифлиса былъ убитъ офицеромъ нѣкто Джавровъ, исключенный два года тому назадъ изъ тифлисской первой гимназіи. Убійца-офицеръ былъ взятъ на гауптвахту и вечеромъ того же дня выпущенъ на свободу. „Въ государствахъ, подобныхъ Россіи“, говоритъ „Грузія“, „гдѣ между войскомъ и народомъ возведена глухая стѣна, въ государствахъ, гдѣ арміи даются на каждомъ шагу несправедливыя льготы, тамъ неизбѣжна между ними ненависть и столкновенія.

Русскій военный воспитывается въ изолированной средѣ: съ самаго дѣтства ему внушаютъ, что онъ чуть не украшеніе и гордость міра, существо не похожее на остальныхъ смертныхъ. Блестящая внѣшность, лакированные сапоги, звенящія шпоры замѣняютъ ему благородство и умственное развитіе. И когда между офицеромъ и гражданиномъ происходятъ столкновенія, „царскій судъ“ отличаетъ военнаго, оправдывая его. Эти ненормальныя условія военнаго быта создали рабскій типъ русскаго офицера, звѣрски грубаго по отношенію къ своимъ подчиненнымъ и безропотно-льстиваго передъ начальниками. Вотъ офицеромъ подобнаго типа и былъ убитъ на дняхъ Джавровъ. Джавровъ, проходя по Головинскому проспекту, нечаянно задѣлъ плечемъ проходящаго офицера. Взбѣшенный воинъ далъ Джаврову пощечину, которую получилъ обратно съ такимъ процентомъ, что былъ сбитъ съ ногъ. Въ это время подбѣжалъ другой „зашитникъ отечества“, крикнувъ товарищу: „Чего же вы смотрите! Возстановите выстрѣломъ честь мундира!“ Сбитый съ ногъ офицеръ, выхвативъ револьверъ, сдѣлалъ въ Джаврова пять выстрѣловъ, и Джавровъ упалъ тутъ же замертво, обагряя теплою кровью грязную мостовую улицы.“

Прибавимъ, въ свою очередь, что если общія условія милитаризма сами содѣйствуютъ нравственному огрубѣнію офицерства, то тѣ функціи палача и полицейскаго, которыя выполняетъ все чаще и чаще русскій офицеръ въ наши дни, грозятъ въ конецъ развратить эту корпорацію, если лучшіе ея элементы не сплотятся между собой и не вступятъ въ рѣшительную борьбу съ нынѣшнимъ режимомъ.

Генералъ Богдановичъ и петербургскіе рабочіе. Петербургскій кабацкій „Листокъ“ съ умиленіемъ разсказываетъ объ адресѣ, поднесенномъ царскому литературному лакею — ген. Богдановичу „обывателями Невской заставы, рабочими мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ“. По словамъ газеты, адресъ „является нагляднымъ доказательствомъ душевной благодарности рабочаго люда“. Но тутъ же прибавляется, что среди подписей подъ адресомъ „много фамилій *видныхъ обывателей* Невской заставы“. Надо думать, что эти „видные“ обыватели не принадлежатъ къ числу наемныхъ рабовъ капитала. Идея адреса — политическая. „Дай Богъ“, говорится въ немъ, „чтобы дѣятельность достоуважаемаго Евгенія Васильевича и впредъ обеззараживала народную, особенно рабочую массу отъ *тлетворнаго вліянія подпольныхъ нашептывателей*“.

Читатель слишкомъ хорошо знакомъ съ характеромъ всѣхъ новѣйшихъ попытокъ выведенія на сцену „простого народа“ подъ знаменемъ „самодержавія и православія“, чтобы не почувствовать сразу специфически-полицейскаго „подпольнаго“ запаха и не справиться: „гдѣ же сыщикъ?“, какая полицейская рука создала это новое благонамѣренное произведеніе?

Вотъ, что пишутъ намъ по этому поводу:

...„Обратная сторона такова: За Невской заставой въ селѣ Михаила Архангела (у чугуннаго зав.) проживаетъ нѣкто Пруссаковъ, колпинскій мѣщанинъ, человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, и по отзывамъ однихъ рабочихъ, лично извѣстный ген. Богдановичу и получающій отъ него мѣста и занятія, а по отзывамъ другихъ — просто сыщикъ. Этотъ-то Пруссаковъ и затѣялъ поднести адресъ и хлѣбъ-соль генералу, собирая подписи подъ адресомъ въ волостномъ правленіи. При этомъ всѣ расходы, какъ-то покупка блюда, полотенца и пр. принадлежностей адреса, были взяты на себя Пруссаковымъ, такъ что рабочіе, участвовавшіе въ поднесеніи, говорятъ, что удовольствіе пообѣдать у генерала обошлось имъ всего въ шесть копѣекъ на проѣздъ по конкѣ.

Подъ адресомъ собрано немногимъ болѣе ста подписей, при чемъ рабочихъ очень ограниченное число, да все болѣе безграмотные старцы и трактирные завсегдатаи, остальные подписавшіеся — принадлежатъ къ мелкой буржуазіи тракта. Молодые и болѣе сознательные рабочіе теперь поднимаютъ подписавшихся на смѣхъ.“

Недостаточно поднимать на смѣхъ вольныхъ и невольныхъ участниковъ этой глупой комедіи: слѣдуетъ пользоваться ею для того, чтобы разоблачать полное ничтожество и нравственное безсиліе тѣхъ, кто мошеннически злоупотребляетъ именемъ рабочихъ.

Смоленскъ. Мутныя волны кишиневскихъ событій дошли и подняли не малую тревогу среди здѣшняго еврейскаго и отчасти русскаго населенія. Полиція въ виду приближенія майскихъ дней рѣшила играть на два фронта: среди еврейской буржуазіи распускала слухъ о готовящемся со стороны русскихъ рабочихъ еврейскомъ погромѣ, требуя откупа за жизнь и имущество евреевъ. Въ русскомъ же населеніи усердно распускались слухи о томъ, что евреи-богачи организуютъ цѣлый отрядъ евреевъ, который подожжетъ городъ съ трехъ сторонъ и, не дожидаясь погрома, бросится на грабежъ и убійства среди русскихъ. Но во всѣхъ этихъ слухахъ роль кровожаднаго чудовища неизмѣнно играетъ пролетаріатъ — русскій или еврейскій — безразлично. Такъ подъ прикрытіемъ невѣжества и крайней трусости обывателя слуги самодержавія стараются выставить грабителемъ мирно [illegible] пролетаріатъ, ищущій только свѣта и правды. Для такихъ мѣстъ, какъ Смоленскъ, который находится внѣ черты еврейской осѣдлости, еврейское населеніе является неизсякаемымъ источникомъ дохода для властей всѣхъ чиновъ и цвѣтовъ: право грабительства евреевъ получило здѣсь довольно точную оцѣнку. Въ этомъ отношеніи наглость и безстыдство полиціи и администраціи никогда еще не доходили до такихъ размѣровъ, какъ при теперешнемъ губернаторѣ — Звегинцовѣ. Этотъ гусь при первомъ же своемъ появленіи здѣсь (въ 1902 г.) высказалъ классическое изреченіе: въ этомъ городѣ съ 15-тысячнымъ еврейскимъ населеніемъ каждый полицейскій чинъ можетъ завести себѣ тройку, а на одной лошади ѣздить стыдно! Нужно, напр., евреямъ построить синагогу (вблизи православнаго храма, что запрещено), — банкиръ Шварцъ подъ видомъ нанятаго молитвенника подноситъ Звегинцеву 15 тыс. руб. отъ имени еврейскаго общества; нужно вогнать въ законный порядокъ незаконный (для городовъ внѣ черты осѣдлости) — коробочный сборъ съ бѣдноты, — банкиръ опять подноситъ мзду; нужно, чтобы полиція защитила евреевъ отъ погрома (а кстати и попугала пролетаріевъ-соціалистовъ!), депутація съ тѣмъ же банкиромъ во главѣ тащитъ еще (500 руб.) и т. д. безъ конца. Низшей братіи, конечно, тоже кое-что перепадаетъ, а не то самодержавіе останется, пожалуй, безъ защитниковъ!

Майскій праздникъ прошелъ здѣсь не особенно благополучно для пролетаріевъ. 26 апрѣля, когда часть (чел. 80) рабочихъ возвращалась съ первомайской сходки, на нихъ напалъ заранѣе приготовленный отрядъ солдатъ и полицейскихъ. Большая часть оцѣпленныхъ состояла изъ женщинъ, поэтому, прорвать цѣпь и разбѣжаться не пришлось, такъ какъ, вѣроятно, часть женщинъ все таки осталась бы въ рукахъ стражи, пришлось идти всѣмъ въ участокъ. Послѣ многихъ мытарствъ и издѣвательствъ всѣ арестованные отправлены были въ тюрьму. Многихъ жандармы таскали на допросъ, но особеннаго успѣха въ этомъ отношеніи не имѣли. Наиболѣе интересенъ финалъ этой исторіи, именно, рѣчь жандармскаго генерала Громыки, которую рабочіе, даже стоя передъ генераломъ, не могли слушать безъ улыбки. Суть ея такова: „Я знаю, что вы хотѣли меня видѣть для того, чтобы спросить, скоро-ли я васъ выпущу изъ тюрьмы. Много между вами есть совсѣмъ безвинныхъ, и сами они не пошли бы противъ государя, да другіе ихъ побудили къ тому. Я знаю, что къ вамъ сюда понаѣхало много евреевъ и русскихъ изъ другихъ городовъ праздновать первое мая. Но что толку вамъ изъ этого перваго мая? Знаете, когда мальчикъ шалитъ, то ему въ первый разъ скажутъ: „Ванька, не шали!“, во второй — за ухо: „Ванька, не шали!“, а въ третій — розгой высѣкутъ. Развѣ и съ вами такъ поступить? Да подумали-ли вы о томъ, какая смута и раздоръ начнутся, если перестанутъ признавать царя? Пока мужика держатъ въ ежевыхъ рукавицахъ, то онъ и хорошъ, и почтителенъ, и подати платитъ исправно, а попробуй только пустить его на свободу, — онъ и пойдетъ тогда ломать и коверкать, какъ вотъ въ Кишиневѣ. То же и съ евреями: слову нѣтъ, они и трудолюбивы, и коммерціей умѣютъ заниматься; они могутъ быть очень полезны для русскихъ, но только тогда, когда ихъ въ кулакѣ держать! Что же мнѣ дѣлать съ вами? высѣчь бы васъ, да жаль, что прошелъ тотъ вѣкъ, когда можно было попотчивать розгами. Сослать въ Сибирь, такъ и та даже переполнена, да и тамъ говорятъ: присылайте намъ честныхъ, а такихъ не надо; послать на Сахалинъ — тамъ полно каторжниками; остается только одно: привести къ Ледовитому океану, посадить всѣхъ на льдину, да и пустить къ чертовой матери! Ну, что же вы молчите? Хочется, небось, хочется получать по четыре рубля въ сутки, да вѣдь этого нельзя! Вѣдь, если попробовать отдать въ ваше распоряженіе заводъ или фабрику, то на другой же день начнется такая вражда, ссора и драка, что все прахомъ пойдетъ. Вы знаете, что когда Христосъ ходилъ по землѣ, то проповѣдывалъ... мм... мм... ну, правду, проповѣдывалъ любить... мм... мм... ну, ближняго своего, предсказывалъ, что не могутъ быть всѣ равны между собой, а будутъ и больные и здоровые и бѣдные, и богатые... вотъ и вы должны жить честно и не слушать своихъ враговъ... Вы знаете, что государю стоитъ только сказать: милліонъ солдатъ — сюда! стой здѣсь! милліонъ солдатъ — туда! стой тамъ!... А впрочемъ, что я вамъ все это разсказываю? Я вижу, вы улыбаетесь, и мои слова къ вамъ, что горохъ къ стѣнкѣ, не пристаетъ“.

На этомъ замѣчательная рѣчь была прервана, и генералъ послѣ нѣсколькихъ распоряженій удалился.

Въ тюрьмѣ осталось только нѣсколько человѣкъ, а остальные въ тотъ же день были выпущены.

Мѣстный Комитетъ Росс. С.-Д. Раб. Партіи въ теченіе апрѣля мѣсяца выпустилъ три листка: по поводу златоустовской бойни, первомайскій и по поводу ареста рабочихъ; листки гектографированы и въ каждомъ изданіи 150-200 экз.

Борьба съ „крамолой“ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. „Центр. Комитетъ Южно-русской группы учащихся среднихъ школъ“ публикуетъ въ своемъ „Летучемъ Листкѣ“ (№ 4, отъ 25 мая 1903 г.) цѣлый рядъ фактовъ, характеризующихъ тотъ „режимъ“, который устанавливается въ якобы „обновленной“ средней школѣ.

„Вотъ передъ нами забытый даже министрами, благодаря своей непроходимой глупости, инспекторъ народныхъ училищъ Донского округа, О. П. Тихонравовъ, являющійся въ Ростовское на/Д. городское училище, преподаетъ ученикамъ въ духѣ „престолъ-отечества“: „Зачѣмъ вамъ серьезныя книги читать, отъ нихъ только вреда больше вамъ будетъ. Да и вообще, если увидите гдѣ-нибудь прокламацію, то сверните ее въ трубочку и несите къ учителю, а онъ уже самъ вамъ скажетъ, что вамъ нужно и что не нужно изъ нея знать“.

Къ ученикамъ старшихъ классовъ Таганрогской мужской гимназіи ея директоръ, Гусаковскій, обратился съ такой рѣчью: „Вамъ не безызвѣстно, господа, что у насъ готовятся безпорядки. Я не совѣтую вамъ принимать въ нихъ участія, такъ какъ вы еще молоды, можете себѣ испортить жизнь, а убѣжденія ваши могутъ измѣниться. Даже такой революціонеръ, какъ Герценъ, подъ конецъ жизни примирился съ самодержавіемъ (?!!) и со многими фактами русской дѣйствительности, противъ которыхъ боролся всю жизнь!“

„Увѣщанія“ не помогаютъ и начальство переходитъ къ мѣрамъ репрессіи. Когда въ Ростовѣ на/Д. распространились слухи, что 14 мая будетъ демонстрація, директоръ средне-техническаго училища Прасоловъ послѣ молебна въ училищѣ „заперъ всѣ двери на ключъ и не выпускалъ учениковъ до 12 час. дня, чѣмъ заставилъ ихъ уйти... черезъ окно“.

Начальница *Маріупольской* женской гимназіи передъ 1 мая „совѣтовала“ гимназисткамъ безъ разрѣшенія не ходить“. Въ томъ же Маріуполѣ „исключили за недѣлю до экзаменовъ двухъ гимназистовъ 8 класса *за то только*, что о нихъ по городу идутъ *слухи* о „неблагонадежности“. Мало того: чтобы устранить „вредное вліяніе“, заставили уйти изъ гимназіи сестру одного изъ уволенныхъ гимназистовъ и двухъ учениковъ 7 класса за то, что они „водятся съ ними“.

„Летучій Листокъ“ указываетъ еще на цѣлый рядъ жертвъ этого режима „сердечнаго попеченія“. Здѣсь и самоубійство ученицы, затравленной начальствомъ, и нравственное убійство 16-тилѣтней гимназистки (въ Ростовѣ), которую жандармскій ротмистръ Карповъ и его жена вынудили назвать имя товарища, давшаго ей прокламацію, съ которой она была арестована.

„Лет. Листокъ“ констатируетъ, что „вездѣ, гдѣ только замѣтны хоть проблески движенія въ рабочемъ классѣ, этомъ передовомъ борцѣ за свободу, тотчасъ же начинается броженіе среди учащихся, всегда отзывчивыхъ на всѣ лучшія, идеальныя стремленія своего времени“.

7 іюня Центральный Комитетъ издалъ воззваніе „Къ учащимся выпуска 1903 г.“, въ которомъ разъясняетъ безполезность „легальной“ работы и зоветъ къ революціонной борьбѣ подъ знаменемъ соціалдемократіи.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Демонстраціи въ деревнѣ. (Письмо рабочаго изъ Тверского уѣзда). 15 мая въ с. Пречистомъ-Бору, Первитинской волости, бываетъ ярмарка, куда собирается крестьянская и фабричная молодежь для гулянья. Часа въ два пополудни, въ самый разгаръ гулянья, нашлась кучка крестьянской молодежи, которая запѣла революціонную пѣсню „Дубинушку“ и тѣмъ привлекла большую толпу. Дѣло происходило на берегу р. Тверцы. Но вотъ изъ толпы послышался голосъ: „въ село, въ село!“, и толпа приблизительно около 200 чел. тѣсно-сплоченною стѣною съ разгоряченными лицами и бодрымъ настроеніемъ отправилась туда. Шествіе продолжалось восемь минутъ. Когда пропѣли „Дубинушку“, то прокричали „долой царя!“, и дружнымъ эхомъ по окрестностямъ разливалось ура. Это шествіе происходило на глазахъ урядника Лаврова, но изъ боязни, чтобы ему не попало колотушекъ, онъ не посмѣлъ унимать шествующую толпу. По этому поводу начались розыски лицъ, руководившихъ толпой. Урядникъ 23 мая пріѣхалъ въ дер. Носово и допрашивалъ крестрьянъ. Но тѣ ему отвѣтили, что ребятъ на ярмаркѣ было много, — „мы не знаемъ, кто тутъ руководствовалъ“. И въ этотъ же день допрашивали въ Пречистомъ-Бору четверыхъ ребятъ: Ивана Иванова, Павла Екимова, Матвѣя Ефимова, Сергѣя Васильева, но тѣ отвѣтили то же самое, что и носовскіе мужики. При допросѣ участвовали попы Сергѣй Раевскій и Иванъ Думашевъ, они показывали на тѣхъ ребятъ, которыхъ совершенно не было. Духовенство совсѣмъ завралось. 28 мая пріѣхалъ въ Пречистый-Боръ жанд. полковникъ Устиновъ и опять допрашивалъ этихъ же ребятъ, ничего отъ нихъ не добился и не составивши протокола, уѣхалъ обратно.

26 мая въ дер. Городнѣ, Новинской волости, въ праздникъ Духовъ день собралось ребятъ человѣкъ 70 для гульбы. Около 3 час. пополудни съ общаго согласія порѣшили пройти по деревнѣ съ краснымъ платкомъ, привязаннымъ на длинную жердь, на которомъ было написано мѣломъ: „долой царя!“ Пропѣли хоромъ „Дубинушку“ и послѣ каждаго куплета выставляли требованія: долой царя, да здравствуетъ земскій соборъ! долой царскія казенки! долой помѣщиковъ! Шествіе продолжалось минутъ 15, настроеніе хорошее, веселое.

31 мая въ дер. Поддубокъ, той же волости ходили по деревнѣ и пѣли „Варшавянку“, рабочую „Марсельезу“, „Дубинушку“.

25 мая въ дер. Троицѣ, Первитинской волости, 80 чел. ребятъ прошли по деревнѣ и пропѣли „Мірской ходокъ“ и „Дубинушку“. Настроеніе было очень хорошее. Въ мѣстечкѣ Федяевѣ, Никулинской волости, бываетъ ярмарка и собирается молодежь. И тамъ — въ присутствіи урядника — человѣкъ сто пропѣли „Дубинушку“.

Монахи въ роли эксплуататоровъ и палачей. Воронежъ. Въ Воронежскомъ уѣздѣ, въ шести верстахъ отъ ст. Графской Ю.-Вост. ж. д. находится Толшевскій мужской монастырь. Кругомъ него разбросано нѣсколько небольшихъ деревень — „хуторовъ“: Жалдаевка, Лукичевка, Енинъ и др., составляющихъ Мало-Приваловскую волость. Въ Жалдаевкѣ около 20 дворовъ и 180 душъ. Всѣ крестьяне малоземельные и нужда изъ ряду вонъ выходящая. Въ Лукачевкѣ въ трехъ поляхъ приходится всего на всего по 9 саж. на душу земли. Почва для аграрныхъ волненій, слѣдовательно, благодарная. Еще весной начался споръ между монастыремъ и Желдаевкой изъ за луга сѣнокоснаго. Нѣкогда на мѣстѣ луга была непроходимая топь, находившаяся въ общемъ пользованіи крестьянъ и монастыря, но потомъ всѣми правдами и неправдами присвоенная себѣ монахами. Приблизительно 30 мая крестьяне изъ Желдаевки безъ дальнихъ разговоровъ всѣмъ міромъ начали косить спорный лугъ. На мѣсто „бунта“ немедленно явились земскій начальникъ и становой; ставши прямо противъ косцовъ, они начали ихъ убѣждать въ священности и неприкосновенности чужой собственности, особенно же монастырской, принадлежащей Богу. Крестьяне молча и усердно продолжали косить, какъ будто ничего не слыша и не видя передъ собой; начальство поневолѣ отступало передъ ними до тѣхъ поръ, пока не убѣдилось въ безплодности своей проповѣди. Дали знать губернатору, тотъ сейчасъ же явился съ ротой солдатъ, выстроившихся въ каре вокругъ продолжавшихъ заниматься своимъ дѣломъ косцовъ. Гробовая и зловѣщая тишина была прервана градомъ непечатной брани со стороны губернатора, такой грубой, какой одинъ очевидецъ никогда не слыхалъ даже въ казармѣ. Послѣ этой комедіи прогремѣло: „шапки долой!“ Въ это время монахи привезли нѣсколько возовъ заранѣе приготовленныхъ розогъ. Въ переднихъ рядахъ толпы крестьянъ лицомъ къ лицу съ губернаторомъ очутился престарѣлый георгіевскій кавалеръ со своимъ знакомъ отличія, болтавшимся на рубахѣ. На него прежде всего обрушился губернаторскій гнѣвъ: отъ страшнаго удара кулакомъ несчастный старикъ очутился на землѣ и лишился зуба. Это послужило сигналомъ. Тотчасъ же засвистѣли розги. Подвергаемые истязанію крестьяне не издавали никакихъ криковъ. Присутствовавшій по долгу службы при экзекуціи, врачъ Куберскій щупалъ пульсъ у впадавшихъ въ безпамятство жертвъ и поощрялъ палачей. Отнесся къ своему долгу этотъ лжеинтеллигентъ вполнѣ „добросовѣстно“: каждый изъ „бунтовщиковъ“ получилъ по 50 ударовъ, а на мѣстѣ экзекуціи остался цѣлый ворохъ какой-то красно-бурой мякины отъ измочалившихся о мужицкія спины прутьевъ. Однако, врачъ Куберскій изъявляетъ притязанія на либерализмъ и гуманность за то, что освободилъ отъ экзекуціи 4 человѣкъ: 3 стариковъ и одного больного. Всего подвергнуто поркѣ 15 чел., т. е. почти всѣ домохяева Жалдаевки, числомъ 20. Двоихъ арестовали. Скошенная крестьянами трава сгнила отъ дождей. Крестьянамъ нельзя убирать ее, а монахи боятся. Мужики, судя по слухамъ, порѣшили монастырь сжечь, а монаховъ выкурить. Въ виду этого въ Жалдаевкѣ, кажется, поставлены на постой солдаты...

Изъ Имеретіи и Мингреліи. Прошлогоднія движенія гурійскихъ крестьянъ отразились на сосѣднихъ имеретино-мингрельскихъ крестьянахъ. Послѣдніе тоже потребовали пониженія ренты и уничтоженія лишнихъ податей (драмовыхъ денегъ) въ пользу поповъ, а также привлеченія дворянъ къ участію въ отбываніи сельскихъ натуральныхъ повинностей: работы на сельскихъ дорогахъ, несеніе караула при церкви и т. п. Требованія крестьянъ взбудоражили дворянъ-землевладѣльцевъ и они обратились къ полицейскимъ властямъ. Первымъ забастовало Ецерское сельское общество. Къ нему присоединились селенія: Кулаши, Ганири, Цхениши, Чагани, Сачилао, Гезати и др. Вскорѣ въ Ецери прибылъ уѣздный начальникъ (Дадишкеліани) и, послѣ наглой ругани и угрозъ по адресу крестьянъ, заарестовалъ 8 чел. изъ нихъ; крестьяне все же не согласились на старыя условія. Затѣмъ съ Пасхи среди крестьянъ въ огромномъ количествѣ были распространены прокламаціи. Съ другой стороны, Дадишкеліани послѣ праздничныхъ попоекъ набрался храбрости и приступилъ къ систематическому усмиренію, но встрѣтилъ дружный отпоръ. Разсерженный князь арестовалъ нѣсколько человѣкъ, а одного, осмѣлившагося возражать, приказалъ проучить нагайками. Ободренные всѣмъ этимъ, двое молодыхъ дворянъ съ оружіемъ въ рукахъ насильно заставили нѣсколькихъ крестьянъ работать на землѣ кн. Микеладзе, но какой-то незнакомецъ въ буркѣ явился къ работавшимъ крестьянамъ и потребовалъ отъ нихъ не мѣшать общему дѣлу. Тѣ прекратили работу. Въ ту же ночь была подожжена кухня кн. Микеладзе, гдѣ погибли и быки. На слѣдующій день уѣздный начальникъ созвалъ сходку, заарестовалъ нѣсколько лицъ и объявилъ, что убытки отъ пожара въ количествѣ 300 руб. за кухню и 150 руб. за быка, будутъ взысканы съ сельчанъ. Крестьяне заволновались и одинъ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ каждый дворянинъ подожжетъ свою обветшалую кухню, если за это съ крестьянъ будутъ взыскивать вдесятеро дороже. Раздраженный такимъ отвѣтомъ, уѣздный начальникъ приказалъ стражникамъ избить смѣльчака.

Сенакскій уѣздный начальникъ тоже не отстаетъ отъ другихъ. Вмѣстѣ съ сенакскимъ приставомъ онъ заарестовалъ нѣсколько

человѣкъ въ сел. Сачилао. На дняхъ ожидается кутаисскій губернаторъ. Дворянскіе шпіоны составили длинный списокъ „неблагонадежныхъ“.

По деревнямъ совершаются поджоги; землевладѣльцы подвергаются побоямъ. Въ Сачилао подожгли складочный магазинъ, кукурузникъ Дидія, побили дворянина Кордзая. По этому поводу уѣздный начальникъ снова заарестовалъ нѣсколько человѣкъ, одного, между прочимъ, только за то, что тотъ выписывалъ газету. Составителямъ корреспонденціи извѣстно, что поджоги и побои совершаются людьми, непринадлежащими къ организаціи. (Изъ Лист. „Пролетаріата“ № 1, изд. Кавк. Союз. Р. С.-Д. Р. П.)

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Неограниченный произволъ царитъ съ разрѣшенія царя-батюшки въ Финляндіи. Его вѣрные слуги подвизаются здѣсь во славу самодержавія; они не останавливаются ни передъ какимъ преступленіемъ, ни передъ какимъ насиліемъ. Въ Финляндіи уже сказываются различныя печальныя, хотя и естественныя, послѣдствія новаго жандармскаго режима. Часть населенія быстро деморализируется: среди финляндцевъ является уже немало доносчиковъ, выдающихъ тѣхъ благородныхъ патріотовъ, которые призываютъ своихъ согражданъ къ борьбѣ съ беззаконіями русскаго правительства и финляндскихъ измѣнниковъ. Благодаря доносу, весною было арестовано нѣсколько „агитаторовъ“, разъяснявшихъ призываемымъ къ отбыванію воинской повинности преступность новаго „закона“ г. Куропаткина. Правительственнымъ агентамъ удалось посредствомъ самаго грубаго обмана даже соорудить два „крастьянскихъ“ адреса — одинъ съ 697, другой съ 365 подписями. Послѣдній, доставленный выборгскому губернатору Мясоѣдову, является адресомъ-доносомъ, въ которомъ указывается много принадлежащихъ къ различнымъ классамъ лицъ, которыя „агитировали“, „оказывали сопротивленіе властямъ“ и т. п. Первый же адресъ, доставленный Бобрикову и обращенный къ царю, является выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ, общей жалобой („рѣзкимъ протестомъ“) на „сопротивляющихся властямъ“ и ходатайствомъ объ улучшеніи положенія безземельныхъ. Этотъ адресъ былъ вызванъ однимъ карьеристомъ, магистромъ (кандидатомъ университета) Нупала, разсказавшимъ бѣднымъ торпарямъ (мелкимъ арендаторамъ) небылицы о вскорѣ предстоящемъ надѣлѣ землей. Этотъ субъектъ не постыдился за свои „хлопоты“ взять по 1-2 марки отъ каждаго, подписавшаго адресъ. Подобные люди торжествуютъ теперь, а еще болѣе ликуютъ царскіе опричники, подкупающіе доносчиковъ и карьеристовъ. Эти жалкіе „адреса“ невольно напоминаютъ намъ тѣ два грандіозные адреса-протеста съ болѣе чѣмъ полмилліономъ подписей, съ которыми вся финская нація обращалась къ Николаю II въ 1899 и 1901 гг.

Въ Гельсингфорсѣ 10 іюня (нов. ст.) въ призывное присутствіе явилось изъ 692 призываемыхъ 267 человѣкъ или $38\frac{1}{2}\%$. Въ этотъ день было арестовано въ Гельсингфорсѣ нѣсколько интеллигентныхъ рабочихъ, распространявшихъ оппозиціонное воззваніе къ новобранцамъ. Вообще, въ этомъ году призывныя присутствія въ Финляндіи дѣйствуютъ со значительнымъ успѣхомъ, за который обрусители обязаны, главнымъ образомъ, агитаціи старо-фенноманской партіи. Къ этому вопросу мы вскорѣ вернемся въ одной изъ ближайшихъ статей.

Правительственная анархія и диктаторская власть оберъ-палача Финляндіи Бобрикова явилась причиной слѣдующаго трагическаго происшествія. 8 іюня (нов. ст.) въ Берлинѣ застрѣлился 47 лѣтъ отъ роду д-ръ философіи Ю. Люлю, одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей младо-фенноманской партіи; онъ получилъ изъ дому въ этотъ день извѣстіе о томъ, что ему запрещено возвращеніе на родину. Д-ръ Люлю давно уже подвергался гоненіямъ со стороны обрусителей. Еще въ началѣ разбойническаго похода опричниковъ на Финляндію была прекращена издаваемая имъ въ Выборгѣ на финскомъ языкѣ демократическая газета. До самой смерти онъ состоялъ преподавателемъ въ выборгскомъ реальномъ лицеѣ; въ Берлинѣ покойный занимался эту зиму въ психологическомъ институтѣ, готовясь къ профессорской дѣятельности въ гельсингфорскомъ университетѣ. Во время его отсутствія въ его квартирѣ былъ произведенъ четыре раза обыскъ. Всѣ эти событія произвели угнетающее впечатлѣніе на д-ра Люлю, лишившаго, наконецъ, себя жизни. Онъ втеченіе многихъ лѣтъ былъ предсѣдателемъ выборгскаго рабочаго союза. „Финляндская Газета“ благоразумно умолчала о смерти этого выдающагося финляндскаго гражданина и патріота.

Кромѣ упомянутыхъ нами въ прошлой статьѣ соціалистическихъ демонстрацій 1 іюня (нов. ст.) въ разныхъ городахъ Финляндіи, въ этотъ день происходили рабочія демонстраціи въ гг. Вазѣ, Тавастгусѣ, Кристинстадѣ и др. Словомъ, финскіе рабочіе превосходно отпраздновали свой рабочій праздникъ. „Фин. Газ.“ и объ этихъ даже разрѣшенныхъ демонстраціяхъ не заикнулась. Вообще, она постоянно преспокойно замалчиваетъ всякія неудобныя для себя событія, часто сочиняетъ за то она разныя небылицы о небывалыхъ вещахъ. 4/17 іюня 1903 г.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ и ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Николаевъ. Только что закончилась здѣсь забастовка на двухъ крупнѣйшихъ заводахъ: „Французскомъ“ и Черноморскомъ, охватившая болѣе 5000 чел. и замѣчательная не столько по своимъ непосредственнымъ экономическимъ результатамъ, сколько по обстоятельствамъ, сопутствовавшимъ ей и по условіямъ, при которыхъ она происходила. Тутъ мы встрѣчаемся съ рѣдкой стойкостью, выдержанностью и единодушіемъ рабочихъ, присутствуемъ на громадныхъ собраніяхъ, на которыхъ произносятся рабочими содержательныя рѣчи, широко освѣщающія значеніе происходящаго, встрѣчаемся, наконецъ, съ небывалымъ, чисто парламентскимъ отношеніемъ къ рабочимъ со стороны предпринимателей и начальствующихъ лицъ, явленіемъ, свидѣтельствующимъ, что въ рабочихъ признаютъ силу, съ которой приходится считаться.

Перехожу къ фактамъ. 22 мая рабочему Крыжановскому, работавшему въ механической мастерской французскаго судостроительнаго завода, предложено было получить разсчетъ за прогулъ одного дня. Услышавъ это отъ табельщика, Крыжановскій отправился къ инженеру Генкелю, начальнику мастерской, находившемуся тутъ-же въ мастерской, за объясненіями. На вопросы Крыжановскаго Генкель отвѣчалъ площадной руганью, и дѣло дошло до того, что рабочій далъ инженеру пощечину. Послѣдній, выхвативъ изъ кармана револьверъ, погнался за Крыжановскимъ и выстрѣлилъ, но промахнулся, а споткнувшійся Крыжановскій упалъ. Все это произошло такъ быстро, что рабочіе обратили вниманіе на Крыжановскаго лишь тогда, когда тотъ поднялся и сталъ возмущаться: „Ахъ, негодяй! за одну оплеуху — стрѣлять!“ *) Когда удалившійся въ контору Генкель увидѣлъ снова Крыжановскаго цѣлымъ и невредимымъ, онъ опять погнался за нимъ съ револьверомъ въ рукахъ. Но тутъ ему преградила путь кучка рабочихъ, которые бросились къ нему съ крикомъ: „Бей мерзавца, который осмѣливается стрѣлять въ своихъ рабочихъ“. Боясь серьезнаго оборота дѣла, Генкель бросился бѣжать и едва успѣлъ юркнуть въ контору, какъ въ догонку ему былъ пущенъ слесарный молотокъ. Быстро разнесся слухъ о случившемся, и вся механическая мастерская, какъ одинъ человѣкъ, бросила работу и отправилась въ контору требовать фабричнаго инспектора, прокурора и градоначальника. Черезъ полчаса здѣсь были уже товарищъ прокурора, судебный слѣдователь, полицеймейстеръ, градоначальникъ и друг. Вся эта компанія, окруженная густой толпой рабочихъ, усѣлась во дворѣ завода, гдѣ думала приступить къ слѣдствію. Вдругъ раскрываются ворота, и во дворъ въѣзжаетъ фабричный инспекторъ въ сопровожденіи шести конныхъ городовыхъ. Рабочіе заволновались и потребовали немедленнаго удаленія полицейскихъ: „здѣсь не воры, можете убраться туда, откуда явились!..“ Градоначальникъ сейчасъ же велѣлъ удалить городовыхъ. Затѣмъ, въ виду начавшагося дождя все общество (начальство и рабочіе) отправились въ столовую, гдѣ и началось слѣдствіе. Тутъ на допросахъ рабочіе вскрыли не одну язву, которыми такъ богата ихъ жизнь. На слѣдующее утро на заводѣ появились листки за подписью Николаевскаго Комитета Росс. С.-Д. Раб. Партіи въ количествѣ 900 штукъ, приглашавшіе къ забастовкѣ и выставлявшіе 14 требованій: 1) удаленіе Генкеля, 2) оставленія на заводѣ Крыжановскаго, 3) отмѣны оскорбительныхъ и позорящихъ человѣческое достоинство обысковъ, 4) отмѣны штрафовъ за опозданіе, 5) Отмѣны принудительныхъ (путемъ угрозы разсчетомъ и пр.) сверхурочныхъ работъ 6) отмѣны принудительнаго участія въ устроенной заводомъ кассѣ.

Механическая мастерская не приступила къ работѣ, остальныя ждали сигнала, и какъ только онъ былъ данъ, на всемъ заводѣ работа была прекращена. Съ этого 23 числа рабочими всего „французскаго“ завода переживалось въ продолженіе нѣсколькихъ дней рѣдкое восторженное настроеніе. Они хоть и не долго, а все-же пользовались свободой собраній, свободой слова и, пожалуй, свободой печати, такъ какъ во дворѣ завода собирались тысячами рабочіе, произносились воодушевляющія рѣчи, читались во всеуслышаніе и передавались на глазахъ у всего начальства сотни листковъ. Даже директору, на вопросъ, чего рабочіе хотятъ, былъ преподнесенъ отпечатанный листокъ съ требованіями. Прибывшій градоначальникъ предложилъ выбрать постоянныхъ старостъ, согласно новому закону (о проектѣ котораго сообщалось въ газетахъ) для улаживанія „недоразумѣній“. На слѣдующій день, 24 мая, рабочіе, воспользовавшись вчерашнимъ предложеніемъ градоначальника, рѣшили немедленно приступить къ выбору старостъ (по два отъ каждой мастерской и по два кандидата къ нимъ, всего человѣкъ 30). Выбранные тутъ-же были представлены всѣмъ рабочимъ и нѣкоторые изъ нихъ произносили передъ толпою въ три-четыре тысячи человѣкъ рѣчи на тему о значеніи старостъ при теперешнемъ нашемъ политическомъ режимѣ, о томъ, что при отсутствіи свободы собранія, слова, печати, союзовъ, стачекъ значеніе ихъ сводится къ нулю и при нашемъ безправіи такіе выборы являются только новой ловушкой для болѣе сознательныхъ и развитыхъ рабочихъ. Когда директору были предъявлены перечисленныя въ листкахъ требованія, дополненныя нѣкоторыми на мѣстѣ выработанными, онъ быстро разгруппировалъ ихъ на три категоріи (моральныя. экономическія и личныя) и на нѣкоторыя изъ нихъ сейчасъ-же обѣщалъ дать удовлетвореніе, насчетъ другихъ обѣщалъ подумать, а объ остальныхъ не хотѣлъ и слушать, при этомъ наговорилъ много слащавыхъ рѣчей на тему о гармоніи интересовъ: онъ-де хлопоталъ о рабочихъ, ѣздилъ въ Петербургъ, клянчилъ, клянчилъ, выклянчилъ заказы и вдругъ такая благодарность. Рабочіе ему отвѣтили, что имъ дѣла нѣтъ до того, что онъ *выклянчилъ*, они для себя *требуютъ*. Узнавъ о происшедшемъ на „Французскомъ“ заводѣ, рабочіе Черноморскаго завода (около 2000 человѣкъ) тоже забастовали и предъявили свои требованія, у нихъ тоже появился спросъ на листки, которые въ виду наступившихъ праздниковъ (25, 26, 27 мая) были выпущены 28 мая. Одновременно съ этимъ была выпущена прокламація. „Ко всѣмъ рабочимъ“ (2000 штукъ), выясняющая значеніе стачки и указывающая на то, что успѣшная борьба за улучшеніе своего положенія и освобожденіе отъ ига капитализма возможны только при полной политической свободѣ. Тутъ-же выставлялись объединенныя требованія рабочихъ „Французскаго“ и Черноморскаго заводовъ. 27 мая (не работали) въ столовой завода было собраніе старостъ съ директоромъ во главѣ. Обращеніе директора съ старостами было, какъ выразился одинъ, вѣжливо до нахальства. Тутъ обсуждались всѣ пункты требованій, происходилъ живой обмѣнъ мнѣній. Въ результатѣ директоръ согласился на слѣдующее: 1) обыски отмѣняются, 2) по субботамъ работа до двухъ часовъ съ получасовымъ перерывомъ на завтракъ и съ платой за цѣлый день, 3) начальникамъ, мастерамъ и бригадирамъ вмѣняется въ обязанность безусловно вѣжливое обращеніе со всѣми рабочими, 4) за сверхурочное рабочее время, въ противность установившемуся порядку, полуторная плата, 5) принудительное вступленіе въ кассу отмѣняется, а вступившіе могутъ въ теченіе мѣсяца выступить и др. Относительно Генкеля и Крыжановскаго директоръ заявилъ, что они не будутъ на заводѣ до суда, но плату будутъ получать, а тамъ онъ посмотритъ. Совсѣмъ неудовлетворенными остались требованія: 1) повышеніе платы на 20%, 2) отмѣна штрафовъ за опозданіе, 3) сокращеніе рабочаго дня наканунѣ праздниковъ (кромѣ субботы) до двухъ часовъ и нѣкоторыя другія, болѣе мелкія. Когда въ среду 28 мая рабочимъ „Французскаго“ завода были предъявлены результаты переговоровъ, они единодушно рѣшили продолжать забастовку; то-же на Черноморскомъ заводѣ. На „Французскомъ“ заводѣ между тѣмъ были вывѣшены громадныя печатныя афиши, въ которыхъ „во избѣжаніе недоразумѣній“ директоръ объявлялъ о сдѣланныхъ уступкахъ. Такія-же афиши были выданы старостамъ въ четвергъ 29 мая. Передъ „Французскимъ“ заводомъ собрались рабочіе „Французскаго“ и Черноморскаго заводовъ, которые вмѣстѣ съ посторонней публикой составили толпу тысячъ въ 8 человѣкъ. Тутъ опять горячо обсуждался вопросъ о забастовкѣ, рисовались тѣ бѣдствія, которыя ждутъ рабочихъ при продолжительной забастовкѣ, и тѣмъ не менѣе, они твердо стояли на продолженіи стачки, и если-бы рабочіе тутъ-же разошлись, то при подъемѣ духа, который тутъ проявился, побѣда была бы несомнѣнно гораздо полнѣе. Но тутъ дѣло приняло слѣдующій оборотъ. Рабочіе соглашались на нѣкоторыя уступки, въ родѣ того, чтобы повысить плату не всѣмъ рабочимъ, а, такъ сказать, прогрессивно, обратно пропорціонально получаемой платѣ, получающимъ же выше 1 р. 50 к. оставить плату безъ измѣненія, и нѣкоторыя другія. Дальше-же этихъ уступокъ старостамъ предписывалось не идти. Директоръ „Франц.“ завода отказался дать что либо, кромѣ того, что онъ уже далъ, а директоръ Черноморскаго завода даже не принялъ старостъ. Тогда старосты, получающіе хорошую плату (незаинтересованные въ продолженіи стачки и составляющіе среди старостъ громадное большинство) стали вести закулисную агитацію за прекращеніе забастовки; и для того, чтобы вѣрнѣе добиться своей цѣли, они постарались освободить рабочихъ отъ возбуждающаго дѣйствія массовыхъ собраній и отъ вліянія немногихъ ораторовъ, поддерживавшихъ настроеніе рабочихъ, разбивъ ихъ по цехамъ, гдѣ рабочіе подпали почти подъ ихъ исключительное вліяніе. Такимъ образомъ, имъ удалось добиться прекращенія забастовки на „Французскомъ“ заводѣ. Рабочіе Черноморскаго завода не соглашались прекратить забастовку. Тогда дирекція воспользовавшись случаемъ, разсчитала всѣхъ рабочихъ (тамъ теперь дѣла плохія) и, послѣ обратнаго пріема. 150 человѣкъ остались за штатомъ. На „Французскомъ“ заводѣ рабочіе недовольны большинствомъ своихъ старостъ, оказавшихся не на высотѣ своего и безъ того невысокаго положенія; рабочіе окрестили ихъ „экономистами“, благодаря которымъ рабочіе Черноморскаго завода остались безъ поддержки.

Описанная стачка — первая крупная сознательно проведенная стачка въ Николаевѣ. Она, несомнѣнно, будетъ имѣть громадное воспитательное значеніе для николаевскихъ рабочихъ. За эти нѣсколько стачечныхъ дней политическое и классовое самосознаніе рабочихъ поднялось больше, чѣмъ это достигается за годъ агитаціи. Воспитательное вліяніе ея, несомнѣнно, не меньше вліянія удачной демонстраціи. Болѣе всего пріятно поражаетъ выдержанность рабочихъ. Когда два разсчитанныхъ (до этого) пьяныхъ мастеровыхъ побили мастера, то этотъ фактъ вызвалъ всеобщій протестъ. Когда разнесся слухъ, что къ заводу идутъ солдаты, рабочіе страшно переполошились, и нѣкоторые старосты заявили директору, что, взявшись руководить массой, они слагаютъ съ себя всякую отвѣтственность, какъ только на заводѣ появится хоть одинъ солдатъ. Директоръ, пораженный выдержанностью рабочихъ, въ увлеченіи крикнулъ: „Если солдаты явятся, я стану среди васъ“. Мы не ручаемся, конечно, что онъ исполнилъ-бы свое обѣщаніе въ критическій моментъ; но это его увлеченіе показываетъ, въ какой психической атмосферѣ онъ находился. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ во время рѣчей дѣло почти доходило до криковъ: „Долой такого-то старосту“, который слишкомъ усердно проявлялъ свою наклонность къ экономизму. Въ одномъ цехѣ рабочіе заявили старостѣ: „Намъ надо выбрать другого старосту — ты экономистъ. а староста долженъ быть политикомъ“. Несмотря на любезность и парламентаризмъ градоначальника, въ городѣ вездѣ были наготовѣ войска. Стачка оказала свое отраженное дѣйствіе на другіе заводы. Такъ, на заводѣ земледѣльческихъ орудій братьевъ Донскихъ рабочіе потребовали шабаша по субботамъ въ два часа и немедленно получили удовлетвореніе. Броженіе было и въ мастерскихъ военнаго порта и на заводѣ Уманскаго. Комитетъ не могъ развить свою дѣятельность шире, въ виду того, что въ типографіи случилась заминка. Такъ, напримѣръ, была приготовлена прокламація, всесторонне разъясняющая значеніе старостъ, но она, къ великому сожалѣнію, по независящимъ отъ Комитета обстоятельствамъ, не была напечатана. Вѣсь городъ въ эти дни только и говорилъ, что о стачкѣ. На бульварахъ, на улицахъ можно было услышать обсужденіе, комментаріи, искаженія; создавались цѣлыя легенды.... Среди рабочихъ сильно возросъ спросъ на литературу. 1 іюня 1903 г.

Убійство шпіона. 1 мая за Нарвской заставой въ Петербургѣ состоялось собраніе 100 организованныхъ рабочихъ, на которое проникъ шпіонъ. Узнавъ объ этомъ, рабочіе тутъ-же объявили, что если участники собранія будутъ арестовываться, шпіонъ будетъ убитъ. Вскорѣ послѣ этого нѣсколько человѣкъ было арестовано по обвиненію въ томъ, что участвовали на сходкѣ. 26 мая шпіонъ былъ найденъ убитымъ на глухой улицѣ. Негодяю нанесено семь колотыхъ ранъ. Въ моментъ убійства шпіонъ имѣлъ въ карманѣ приказъ объ арестѣ двухъ рабочихъ, за которыми онъ, повидимому, слѣдилъ. Фамилія шпіона — Тулинъ.

Петербургъ. Неудачная забастовка максвелевскихъ рабочихъ. (Спасская и Петровская мануфактуры). Письмо рабочаго.

У насъ еще до 1 мая стали поговаривать о трехдневномъ гуляніи въ память 200-лѣтія Петербурга. 14 мая на фабрикѣ было объявлено, что 16 мая не будетъ работы и намъ заплатятъ дневной заработокъ. Конечно, рабочіе были и этому рады. Но 21 мая намъ роздали наши рабочія книжки и мы увидали, что плата поставлена только въ $^3/_4$ дневного заработка для большинства рабочихъ, а для слесарей — и того меньше (вмѣсто 1 р. 80 коп. и 2 р. 50 к. — всего по рублю). Мы высчитали, что управляющій Ѳома Романовъ при такомъ разсчетѣ ограбилъ насъ тысячи на полторы рублей. Нѣкоторые мюльщики и ватерщики пошли къ управляющему и стали говорить, что онъ поступилъ подло и требовали еще прибавки. Но Ѳома Романовъ послалъ ихъ „къ черту“, а нѣкоторыхъ и въ шею вытолкалъ. 23 мая человѣкъ 40 мюльщиковъ на Спасской мануфактурѣ бросило работу послѣ обѣда. Когда завертѣлась паровая, они стали бѣгать по этажамъ и кричали, чтобы не работали. Работа остановилась. Сознательныхъ рабочихъ было мало и большинство бросало работу только потому, что мюльщики грозили порвать основу, если будутъ работать. Болѣе смѣлые люди вышли во дворъ и стали кричать, что надо идти на другую (Петровскую) фабрику. Нашлось такихъ смѣльчаковъ немного: человѣкъ 40 мюльщиковъ, 10 женщинъ и дѣвушекъ и человѣкъ 20 ткачей. На Петровской ничего не знали о нашей забастовкѣ. Пришедшихъ было слишкомъ мало и они не могли остановить фабрику, какъ было въ третьемъ году. Явилась полиція, стала сперва уговаривать насъ, чтобы мы ушли на свою фабрику и работали, а когда мы не послушались, фабричный околодочный сталъ ругаться и даже ударилъ своей „селедкой“ одного рабочаго. Мы позвали Петровскихъ рабочихъ на свою фабрику, но никто не пошелъ за нами. Вернулись къ себѣ, а у насъ уже старшій фабричный инспекторъ съ помощникомъ. Сталъ спрашивать, что намъ нужно. Рабочіе закричали: „долой управляющаго“ и еще многое кричали, но ничего нельзя было разобрать: кричали всѣ вмѣстѣ. Инспекторъ сталъ просить, чтобы мы выбрали нѣсколькихъ депутатовъ для заявленія требованій. На это рабочіе закричали: „знаемъ мы васъ — не въ первый разъ! Потомъ вы этимъ депутатамъ ротъ закроете, заберете!“ Видитъ инспекторъ, что рабочіе не глупы и проситъ насъ стать по группамъ: ткачей, прядильщиковъ и т. д. Рабочіе выполнили это и онъ сталъ опрашивать по отдѣльнымъ группамъ, почему не работаютъ. Ткачи указали на невыдачу сполна платы за 16 мая; на то, что основа и утокъ худые, шлихтуютъ худо старымъ станкомъ, плохое освѣщеніе на фабрикѣ и грубое обращеніе со стороны подмастерьевъ, словомъ, требуютъ того, безъ чего нельзя хорошо работать. И что жъ? насъ сосчитали за бунтовщиковъ, пригнали полицію! Всѣ рабочіе требовали увольненія управляющаго; ватерщики просили лучшей пряжи и увеличенія расцѣнокъ. Инспекторъ сказалъ, что дастъ отвѣтъ 31 мая. Рабочіе все-таки въ этотъ день на работу не пошли, но на второй день возобновили работу, рѣшивъ дожидаться 31 мая (суббота). Въ этотъ день на фабрикѣ вывѣсили объявленіе, что требованія не будутъ исполнены. Съ понедѣльника (2 іюня) всѣ рабочіе бросили работу, причемъ этотъ разъ Петровскіе начали. Въ этотъ день на фабрику пріѣхалъ помощникъ инспектора, но его послали къ черту и обозвали трубочистомъ. Стачка длилась до четверга (5 іюня). Въ этотъ день часть рабочихъ работала до обѣда, такъ какъ былъ объявленъ расчетъ тѣмъ, кто не станетъ на работу въ этотъ день. Послѣ обѣда всѣхъ — работавшихъ и неработавшихъ — вызвали на фабричный дворъ, гдѣ собралось много полиціи. Полиція погнала насъ на работу, грозя разсчетомъ всѣмъ, кто на это не согласится. Въ 5 часовъ всѣ пошли на работу на старыхъ условіяхъ.

С.-Петербургъ. 22 марта начальникъ Варшавскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, Копьевъ, пригласилъ въ свой кабинетъ нѣсколькихъ рабочихъ и объявилъ имъ, что, желая увеличить штатъ рабочихъ, онъ не можетъ давать болѣе 30% (вмѣсто прежнихъ 90%) на рубль къ цеховому жалованью, и при этомъ напомнилъ рабочимъ, что въ настоящее время въ Петербургѣ находится масса безработныхъ... Рабочіе отвѣтили, что они только въ томъ случаѣ согласятся на пониженіе процентной платы, если цеховая будетъ повышена до 1 руб. 60 коп. (вмѣсто прежнихъ 1 руб. 20 коп.). Копьевъ, конечно, отклонилъ это условіе, заявивъ, что больше 1 руб. 10 коп.-1 руб. 20 коп. по цеху онъ платить не будетъ. Въ три часа дня во всѣхъ мастерскихъ были вывѣшены объявленія о пониженіи платы на половину; рабочіе немедленно бросили работу, отказавшись принять новыя условія. Первая остановилась отдѣлочная мастерская, гдѣ большей частью работаютъ мужчины; ворвавшись въ другія мастерскія, они остановили всю работу. Немедленно была вызвана полусотня казаковъ. которые безпощадно избивали рабочихъ нагайками... На слѣдующій день рабочіе пришли на заводъ, но за работу никто не принимался. Пріѣхалъ фабричный инспекторъ и рабочіе объявили ему свои требованія: сохраненіе прежнихъ расцѣнокъ и уменьшеніе рабочаго дня Инспекторъ грубо отвѣтилъ рабочимъ, что требованія ихъ не будутъ удовлетворены, и увѣщевалъ приняться за работу. „Все равно не будетъ по вашему“, говорилъ этотъ чиновникъ. „Нѣтъ, по вашему не будетъ“, отвѣтили ему рабочіе. Между тѣмъ, озлобленіе рабочихъ достигло крайняго предѣла и, когда женщины, подъ вліяніемъ инспектора, хотѣли было взяться за работу, рабочіе бросились на нихъ съ крикомъ „ура!“ и сильно избили (около десяти раненыхъ). Та же участь постигла и мастеровъ, которые издѣвались надъ рабочими и угрожали, что, если рабочіе не возьмутся за работу по указаннымъ въ объявленіи расцѣнкамъ, то они примутъ иностранцевъ. По приказу градоначальника было предложено получить разсчетъ, но рабочіе отказались его принять. Тогда пріѣхалъ самъ Клейгельсъ, разспрашивалъ рабочихъ объ ихъ недовольствѣ и обѣщалъ разсмотрѣть расцѣнки. Во время стачки приходилось поддерживать только стариковъ, молодые же отказались отъ помощи.

*) Рабочими не былъ услышанъ выстрѣлъ за страшнымъ грохотомъ въ механической мастерской.

Поправка. Въ № 32 „Искры“ въ статьѣ „Неудачный дебютъ“ въ спискѣ зубатовскихъ агентовъ указанъ рабочій Егоровъ. Нами получено сообщеніе, что рабочій Егоровъ никогда зубатовцемъ не былъ и въ настоящее время сидитъ въ Выборгской тюрьмѣ по дѣлу Петербургскаго Комитета.

Кострома. О здѣшнихъ майскихъ событіяхъ мы уже сообщали въ № 42. Кое какія новыя свѣдѣнія заимствуемъ изъ доставленнаго намъ письма.

Послѣдовавшіе за демонстраціей 8 мая аресты и упорство хозяевъ окончательно взбѣсили рабочихъ. Въ концѣ концовъ, толпа 20-го вечеромъ бросилась ломать заборъ и разбивать квартиры директора и другихъ представителей фабричной администраціи. Разгромъ, говорятъ, произведенъ страшный: выбили стекла, высадили рамы и двери, разбили всю мебель и т. д. *Грабежа не было:* рабочіе ничѣмъ не хотѣли воспользоваться, но зато ничего не захотѣли оставить и фабрикантамъ. Озлобленіе страшное. Фабричныхъ корпусовъ, машинъ и, вообще, ничего другого, кромѣ жилыхъ квартиръ, не тронули. Администрація фабрики хотѣла бѣжать изъ города, но ее полиція до разсчета съ рабочими не выпустила и принудила переселиться въ гостинницу. Для усмиренія „бунта“ были вызваны войска. (Надо замѣтить, что оба батальона уже ушли въ лагерь, и въ городѣ въ тотъ день оставалось уже очень мало солдатъ. Гулявшіе въ тотъ вечеръ на бульварѣ наблюдали такую сцену. Музыка неожиданно оборвалась на какой-то пьесѣ и музыканты опрометью бросились бѣжать съ эстрады; оказалось, что они получили приказъ немедленно стать подъ ружье и идти къ фабрикамъ). Сначала пугали толпу холостыми залпами, затѣмъ, когда раздались возгласы, что солдатамъ не приказано убивать, что они не имѣютъ права и т. д., было произведено нѣсколько боевыхъ выстрѣловъ, которые и разсѣяли толпу. Многихъ ранили. Упорно держатся слухи о 10 убитыхъ, но администрація тщательно скрываетъ трупы... Затѣмъ, разгромы и стычки съ войсками повторялись въ два слѣдующіе дня, главнымъ образомъ, по вечерамъ, послѣ смѣны. Толпа уже стала отбиваться отъ солдатъ*) камнями (разобрали мостовую на Солдатской улицѣ), кольями и т. п. Въ толпѣ была масса рабочихъ и съ другихъ фабрикъ, кромѣ бельгійской. Рабочихъ охватило страшное одушевленіе и какъ только кончалась смѣна, они цѣлыми толпами бѣжали къ „бельгійкѣ“. Останавливавшимъ обыкновенно отвѣчали: „тамъ льется кровь, тамъ нашихъ братьевъ убиваютъ!“ Конечно, эти разгромы имѣли своимъ послѣдствіемъ массовые аресты. Дѣло, вѣроятно, будетъ разбираться, какъ уголовное, въ судебной палатѣ. Теперь, кажется, стало спокойнѣе, но работа на бельгійкѣ еще не возобновилась. Попечительство о домахъ трудолюбія открыло временную столовую для безработныхъ. До этого нужда и голодъ были страшные. Общество отзывалось туго, да и нельзя было сноситься съ райономъ, оцѣпленнымъ войсками. Всякаго посторонняго, появлявшагося на улицѣ, немедленно забирали“.

*) Спѣшно вызвали изъ Ярославля весь батальонъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПРЕДВЫБОРНАЯ АГИТАЦІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ.

На только что окончившихся выборахъ въ геманскій рейхстагъ соц.-дем. выставили своихъ кандидатовъ въ 395 округахъ изъ всѣхъ 397. Во многихъ округахъ всѣ буржуазныя партіи объединились, выставивъ общаго кандидата противъ соц.-дем.: такъ было дѣло во всѣхъ 23 округахъ королевства Саксоніи, наиболѣе промышленной части Германіи, гдѣ борьба съ соціальдемократами уже давно велась не на жизнь, а на смерть, и гдѣ на прошлыхъ выборахъ соц.-дем. завоевали уже 11 округовъ; реакція въ Саксоніи вытѣснила соц.-дем. изъ ландтага (мѣстнаго парламента), введя избирательное право, ограничивающее права рабочаго класса и во время предвыборной агитаціи воздвигла настоящее гоненіе на соц.-дем. Собранія запрещались полиціей по самымъ незаконнымъ поводамъ, залы для собраній во многихъ мѣстностяхъ должны были браться соціальдемократами буквально съ боя, правда не кровопролитнаго; такъ, въ Лейпцигѣ рабочіе должны были прибѣгнуть къ многодневному бойкоту пива всѣхъ ресторановъ, имѣющихъ залы для собраній, и лишь послѣ этого имъ удалось добиться разрѣшенія получить залы для собраній; и это въ большихъ городахъ! Въ маленькихъ и въ деревняхъ соц.-дем. приходилось собираться подъ открытымъ небомъ, и то часто полиція запрещала собранія подъ тѣмъ предлогомъ, что малолѣтніе якобы могутъ подслушать (по закону малолѣтніе не могутъ присутствовать на политическихъ собраніяхъ). Въ 11 и 14 саксонскихъ округахъ, гдѣ борьба велась особенно ожесточенно, было запрещено 33 соц.-дем. собранія.

Сильное агитаціонное значеніе имѣло особенно одно собраніе въ Саксоніи, на которомъ долженъ былъ говорить депутатъ Геришъ въ какомъ-то мѣстечкѣ вблизи австрійской границы и богемскихъ лѣсовъ; залы для собранія нельзя было достать во всей окрестности, народъ собрался подъ открытымъ небомъ на пустомъ кускѣ земли, но явившаяся жандармерія не допустила собранія, опираясь на законъ о малолѣтнихъ; раздраженныя массы стали уже расходится, какъ вдругъ кому то пришла въ голову счастливая мысль итти къ австрійской границѣ. Съ Геришемъ во главѣ двинулись всѣ въ Австрію — кустари, рабочіе, крестьяне примыкали по дорогѣ къ невиданному зрѣлищу: собранію свободныхъ гражданъ, бѣгущихъ заграницу, чтобы имѣть возможность воспользоваться правомъ, предоставленнымъ конституціей. На границѣ, привѣтствованной криками ура, остановились, подождали отставшихъ и отправились въ лѣсъ; усѣлись во мху, и Геришъ съ большаго камня громилъ въ полуторачасовой рѣчи реакцію въ Германіи; конецъ собранія былъ высокодраматиченъ: всѣ участники поднялись и клялись положить всѣ свои силы въ борьбѣ за рабочее дѣло. Саксонская жандармерія послѣдовала за шествіемъ, но держалась во время рѣчи на почтительномъ разстояніи, не смѣя распоряжаться на чужой территоріи. Реакціонеры имѣли въ своемъ распоряженіи и весь правительственный механизмъ; чиновники употребляли всѣ средства вліянія на избирателей; такъ, одинъ губернаторъ въ Саксоніи приглашалъ особымъ оповѣщеніемъ всѣхъ желающихъ выбрать консерватора на совѣщаніе; кто не являлся, считался врагомъ отечества и заподозривался въ сочувствіи „краснымъ“; фабриканты въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ заставляли своихъ рабочихъ подъ угрозой отказа отъ работы обѣщать голосовать за кандидата буржуазныхъ партій. Въ распространяемыхъ летучихъ листкахъ буржуазныя партіи не жалѣли самыхъ нелѣпыхъ клеветъ и обвиненій для соц.-демок. Брошюры противъ соц.-дем., составленныя въ большинствѣ случаевъ писателями „сводомыслящей народной партіи“ при ближайшемъ участіи ея вождя Рихтера и наполненныя самыми идіотскими извращеніями соц.-дем. ученія, принимались съ радостью всѣми реакціонными партіями; на распространеніе ихъ въ народѣ въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ употреблялись даже и правительственныя деньги; отъ Рихтера, нѣкогда грозы реакціи, были въ восторгѣ всѣ реакціонеры. Соціальдемократы не остались въ долгу: на каждую брошюру они отвѣчали брошюрой, партійная типографія была буквально завалена работой, благо денегъ на предвыборную агитацію имѣлось вдоволь: нѣсколько сотъ тысячъ марокъ было пожертвовано рабочимъ классомъ Германіи на эту борьбу, были взносы и изъ другихъ странъ: бельгійская партія, помня братскую помощь германскихъ рабочихъ во время всеобщей стачки въ Бельгіи, устроила по всей странѣ празднества и отсылала вырученныя деньги на борьбу въ Германію, изъ Америки, Голландіи, Швейцаріи, Россіи (редакціи „Искры“ и О. К.) тоже были взносы. Работали соц.-дем. славно! Начиная съ Бебеля и Зингера, всѣхъ кандидатовъ и журналистовъ партіи и кончая массовыми рабочими, распространявшими въ милліонахъ экземпляровъ летучіе листки, работали всѣ, не покладая рукъ. Бебель — 62 лѣтній старикъ — былъ вездѣсущъ: сегодня онъ въ Саксоніи и говоритъ въ одинъ вечеръ на трехъ собраніяхъ въ Мееранѣ, завтра около Хемница на полѣ передъ собраніемъ въ 8.000 человѣкъ, потомъ мы его встрѣчаемъ на Рейнѣ въ округахъ, являющихся издавна самымъ крѣпкимъ оплотомъ центра, вотъ онъ въ Крефельдѣ, и зала ломится отъ дотолѣ неслыханнаго числа слушателей, вотъ онъ въ Эссенѣ на фабрикахъ Круппа встрѣчается и провожается восторженными криками толпъ народа, въ Эссенѣ, гдѣ коронованный агитаторъ, оказывающій соціальдемократамъ такія услуги своими рѣчами, Вильгельмъ произнесъ свою знаменитую рѣчь, обвиняя соціальдемократовъ въ убійствѣ Круппа и призывая рабочихъ порвать съ этими „жалкими людьми“, недостойными носить имя германцевъ. Но не одними Бебелями сильна партія, она сильна стоящими за ней массами, строгой дисциплиною, организованностью, высокимъ идеализмомъ, царящимъ въ массахъ, вѣрой въ близкую неизбѣжную побѣду, скромными работниками, выносящими съ радостью всѣ лишенія, всѣ оскорбленія и гоненія ради партіи. Вотъ скромный распространитель листковъ: сегодня его арестуютъ и судятъ за якобы незаконное занятіе промысломъ въ воскресенье, завтра крестьяне, съагитированные центровскимъ попомъ, гонятъ его изъ деревни вилами и дубьемъ, вотъ въ Данцигѣ толпа католиковъ, выходя въ воскресенье изъ церкви, избиваетъ нѣсколькихъ соц.-дем. чуть не до полусмерти, вотъ крестьяне отнимаютъ листки и даже скупаютъ ихъ въ окрестностяхъ и устраиваютъ костеръ изъ нихъ, вотъ выкинутые на мостовую фабрикантомъ рабочіе, заподозрѣнные въ распространеніи листковъ, и такъ безъ конца! Католическое духовенство очень умѣло пользуется своимъ положеніемъ духовныхъ отцовъ и наставниковъ: здѣсь одинъ изъ ксендзовъ спрашиваетъ рабочаго на исповѣди, кого онъ думаетъ выбрать, рабочій говоритъ: „соціальдемократа“, попъ грозитъ ему всѣми муками ада, грозитъ лишить причастія; въ другомъ мѣстѣ на исповѣди допытываютъ жену рабочаго, какія газеты получаетъ мужъ, въ третьемъ мѣстѣ заявляется въ проповѣди, что всѣ голосующіе не за центръ будутъ прокляты и отлучены отъ церкви; въ Крефельдѣ обѣщается прощеніе всѣхъ грѣховъ въ теченіи 200 дней всякому читающему ежедневно по три раза „Отче нашъ“ за побѣду надъ соц.-дем. и каждому голосующему за центръ. „Впередъ“ ядовито замѣчаетъ по этому поводу, что отпущеніе грѣховъ дѣйствительно необходимо, ибо помощь центру является очень и очень тяжелымъ грѣхомъ. Здѣсь ксендзъ отказываетъ фабриканту въ причастіи, такъ какъ онъ даетъ работу завѣдомымъ соц.-дем.; тамъ ксендзъ пишетъ письмо трактирщику, отдавшему залъ для собранія рабочихъ, грозя бойкотомъ, и трактирщикъ, зная власть католическаго духовенства надъ населеніемъ, отказываетъ въ залѣ: ложь, клевета, зажиманіе рта противнику — самыя лучшія средства борьбы съ соціальдемократами въ глазахъ всѣхъ буржуазныхъ партій: типографія „Впередъ“ эксплуатируетъ рабочихъ, вожаки партіи катаются какъ сыръ въ маслѣ на трудовыя деньги рабочихъ, Бебель приказалъ засыпать часть цюрихскаго озера и разводитъ себѣ тамъ паркъ, соц.-дем. проповѣдуютъ общность женъ, поощряютъ лѣнь, раззоряютъ крестьянъ, сгоняютъ плетьми рабочихъ къ урнамъ для выбора — вотъ перлы клеветническаго остроумія буржуазныхъ партій. Буржуазная демократія, особенно часть ея, предводительствуемая Рихтеромъ, не отставала отъ реакціонеровъ, прибѣгая въ борьбѣ съ соц.-дем. лишь къ подпольной агитаціи, избѣгая выступать открыто на собраніяхъ противъ соц.-дем. ораторовъ и не допуская ихъ говорить на своихъ собраніяхъ. Саксонскіе свободомыслящіе запретили одному соц.-дем. кандидату входъ на свои собранія, мотивируя это невозможно рѣзкимъ способомъ выраженій его; собранія свободомыслящихъ въ Берлинѣ, гдѣ велась ожесточенная борьба, особенно въ пятомъ и первомъ округѣ, были въ большинствѣ случаевъ закрыты для соц.-дем., а на соц.-дем. собраніяхъ выступали въ дискуссіяхъ больше консерваторы, предпринявшіе попытку отвоевать Берлинъ у соц.-дем., чѣмъ самая сильная въ Берлинѣ послѣ соц.-дем. партія свободомыслящихъ. Рихтеръ, приглашенный письменно на одно изъ соц.-дем. собраній, отвѣтилъ, что не желаетъ дѣлать собраніе интереснымъ и, кромѣ того, его личная честь не позволяетъ ему явиться въ виду постоянныхъ нападокъ на него со стороны соц.-дем. Авторъ брошюръ, наполненныхъ пошлыми выходками противъ соц.-дем., запрещаетъ себѣ полемизировать съ ними! Тартюфство въ политикѣ интернаціонально, и Рихтеру его не занимать стать у нашихъ доморощенныхъ ненавистниковъ „нетоварищескихъ пріемовъ полемики“. Въ своемъ округѣ Рихтеръ приглашалъ на собраніе лишь „интересующихся выборами г-на Рихтера“! И это бывшій народный трибунъ, нѣкогда заставлявшій трепетать Бисмарка! Страхъ передъ побѣдоноснымъ пролетаріатомъ дѣлаетъ реакціонерами многихъ бывшихъ революціонеровъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ послѣднемъ 26 номерѣ „Революціонной Россіи“ авторъ статьи „Еще о критикахъ террористической тактики“*) обидѣлся на „Искру“ за ея утвержденіе, что партія соц.-революціонеровъ до сихъ поръ не заявила себя буквально ни однимъ коллективнымъ дѣйствіемъ. Авторъ обидѣлся и торопится уличить „Искру“ во лжи: „это, положимъ, не совсѣмъ вѣрно, говоритъ онъ. Лѣтописи демонстраціоннаго движенія и въ Кіевѣ, и въ Одессѣ, и въ Саратовѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ знаютъ кое-что объ участіи соц.-революціонеровъ въ организаціи „коллективныхъ дѣйствій“.

Прочелъ я это мѣсто и подумалъ: вотъ новый поводъ для разныхъ бородатыхъ и безбородыхъ младенцевъ составить коллективный протестъ противъ нетоварищескаго пріема полемики „Искры“, противъ „Искры“, такъ обижающей несчастныхъ борцовъ за общее революціонное дѣло. Подумалъ я это, но тутъ мнѣ бросилось въ глаза, что рядомъ съ ссылкой на лѣтописи Кіева, Одессы и нѣкоторыхъ другихъ городовъ фигурируетъ также и лѣтопись г. Саратова.

Въ Саратовѣ, насколько мнѣ извѣстно, революціонная лѣтопись зарегистрировала лишь одну, всѣмъ хорошо извѣстную демонстрацію 5 мая 1902 г. Какъ демонстрація эта, такъ и подготовка къ ней происходили на моихъ глазахъ. И вотъ я началъ вспоминать это время, чтобы наконецъ убѣдиться, что клевещетъ „Искра“ на бѣдную „Рев. Рос.“. Въ моей памяти ясно выступаютъ лица, говорившія рѣчи на агитаціонныхъ предмайскихъ собраніяхъ на „Зеленомъ Островѣ“, вспоминаются лица, готовившія знамена, лица писавшія и редактировавшія прокламаціи и афиши, лица вырабатывавшія планъ кампаніи, вспоминаются и тѣ, кто разбрасывалъ и расклеивалъ прокламаціи. И какъ ни напрягаю свою память, я не могу припомнить, чтобы въ числѣ всѣхъ этихъ лицъ былъ бы хоть одинъ соц.-революціонеръ. Вспоминаю самый день 5 мая, вспоминаю пѣшій базаръ, кучки разсыпавшихся по площади организаторовъ, вспоминаю минуту, когда вдругъ взвились знамена и собравшаяся вокругъ нихъ толпа съ пѣніемъ „Варшавянки“ направилась къ Нѣмецкой ул., вспоминаю героическую схватку демонстрантовъ съ напавшими на нихъ переодѣтыми и непереодѣтыми полицейскими и сыщиками. И опять въ этой толпѣ, среди несшихъ знамена, разбрасывавшихъ прокламаціи, дерущихся съ полиціей, я при всемъ желаніи не могу припомнить ни одного соц.-революціонера.

Наконецъ, вспоминаю судъ, вспоминаю рѣчи подсудимыхъ и защитниковъ. Какъ тѣ, такъ и другіе говорятъ о соц.-демокр., майской, рабочей демонстраціи. Ни одинъ изъ подсудимыхъ, признавшихъ на судѣ свое участіе въ демонстраціи, не протестовалъ противъ заявленія зашитника Чубаровской Волькенштейна, что его кліентка и ея товарищи соціальдемократы.

И вотъ, вспомнивъ все это, я занялся разрѣшеніемъ слѣдующей задачи: Въ числѣ демонстрантовъ, въ числѣ устроителей и организаторовъ ея, въ числѣ пострадавшихъ за нее не было ни одного соц.-революціонера; въ чемъ же проявилось участіе сихъ честныхъ борцовъ „въ коллективныхъ дѣйствіяхъ города Саратова?“ Единственной отгадкой этой, казалось бы, неразрѣшимой задачи представилась мнѣ слѣдующая: господа соц.-революціонеры взяли на себя тяжелый трудъ присвоить саратовскую демонстрацію, устроенную и приведенную въ исполненіе коллективными усиліями Саратовскаго комитета Росс. С.-Д. Р. П., Сарат. соц.-дем. ремесленнаго союза и *соціаль-демократическихъ* членовъ объединенной группы С.-Д. и С.-Р. Они взяли на себя тяжкій трудъ post factum въ своихъ органахъ и листкахъ передѣлать первомайскую демонстрацію саратовскихъ рабочихъ въ демонстрацію соц.-революціонеровъ въ память Балмашева.

Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать участіемъ въ организаціи демонстраціи тотъ фактъ, что въ самый разгаръ ея одному изъ членовъ соц.-дем. комитета кѣмъ-то была передана пачка сфабрикованныхъ соц.-революціонерами прокламацій для разбрасыванія вмѣстѣ съ изданными „Искрой“ и организаторами демонстраціи. Нельзя же считать участіемъ соц.-революц. въ организаціи демонстраціи тотъ фактъ, что про черное знамя въ память только что казненнаго Балмашева они узнали лишь *послѣ демонстраціи*..

Подведемъ итогъ. Заявленіе „Рев. Рос.“, поскольку оно касается саратовской демонстраціи, употребляя „товарищескій“ пріемъ полемики этого органа, „не совсѣмъ вѣрно“. Въ пылу желанія пристегнуть свое имя къ пролетарскому движенію „Рев. Рос.“ немножечко сошла съ пути истины.

Было бы очень желательно, чтобы товарищи Одессы, Кіева и „нѣкоторыхъ другихъ городовъ“ (названія которыхъ пока, по скромности конечно, умалчиваются гг. соц.-революціонерами) порылись въ своей памяти; пожалуй они, подобно мнѣ, припомнятъ аналогичные саратовскому случаи участія гг. соц.-революціонеровъ въ организаціи „коллективныхъ“ дѣйствій. А какъ ни какъ, случаи подобнаго участія достойны быть занесенными на скрижаляхъ революціонной лѣтописи.

Бывшій членъ Сарат. Ком. Р. С.-Д Р. П.

*) Къ этой статьѣ мы еще вернемся въ слѣдующемъ номерѣ. Прим. ред.

Кавказскимъ Союзомъ выпущенъ листокъ „Кто виноватъ?“ (о кишиневскомъ погромѣ). **Донскимъ Комитетомъ** переиздана статья № 39 „Искры“ „Послѣдняя карта царизма“. **Саратовскимъ Комитетомъ** — рѣчь Денисова (2.000 экз.) **Сѣвернымъ Союзомъ** — № 4 бюллетеня (описаніе майскихъ дней); сверхъ того въ собственной типографіи изданы: „Самодержавіе колеблется“ (статья изъ № 35 „Искры“) и „Письмо матроса къ товарищамъ“ (для солдатъ). **Тверскимъ Комитетомъ** въ концѣ мая изданъ листокъ къ рабочимъ Куровскаго стекляннаго завода. **Кіевскій Комитетъ** издалъ отчетъ о своей дѣятельности, съ которымъ мы познакомимъ читателей въ слѣдующемъ №.

Предостереженіе. Петербургскіе товарищи предостерегаютъ противъ слѣдующихъ шпіоновъ-провокаторовъ: 1) **Василій Павловъ**, работалъ на Семянниковскомъ заводѣ, теперь безъ работы. Живетъ на Выборгской сторонѣ въ домѣ Аханова кв. № 17. Примѣты: на видъ лѣтъ 35-40; волосы длинные, какъ бываетъ у крестьянъ; большая русая борода; лицо смуглое. 2) **Иванъ Грачевъ**, работалъ на Барановскомъ заводѣ, теперь — неизвѣстно гдѣ, (уѣзжалъ въ Москву). Токарь. Говоритъ ласково; среднихъ лѣтъ; лицо свѣжее; черные, какъ смоль, волосы; черные большіе усы; средняго роста. 3) **Филипповъ**, сапожникъ. Адресъ: Петергофское шоссе, домъ № 17 Б, во дворѣ. 4) **Василій Янкельсонъ.** Токарь, работалъ на Балтійскомъ заводѣ. Эстонецъ. Провалилъ дѣло „Союза Борьбы“ въ апрѣлѣ 1903 г. 5) **Кузьма Ивановъ**, работалъ на Семянниковскомъ заводѣ; ученикъ технич. школы. Подавалъ прошеніе въ охранное отдѣленіе о зачисленіи его въ сыщики.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Москва. Здѣсь арестовано до 30 человѣкъ. Дѣло сидящихъ около $1^1/_2$ лѣтъ 10 смоленцевъ, обвиняемыхъ въ составленіи террористическаго кружка, снова возвращено изъ министерства юстиціи въ жандармское управленіе. Обвиняемыхъ 10 человѣкъ: статистикъ Дроздовъ, бывш. технологъ Синявскій, рабочіе: Савинковъ, Журавель, Трифоновъ, Царьковъ, Гдавинъ, конторщикъ Виноградовъ, землемѣръ Каганъ, статистикъ Бойковъ (былъ въ ссылкѣ въ Уфимской губ.) **Одесса.** Арестованные въ февралѣ 1903 г. Давидъ Левинъ и Викт. Рабиновичъ сосланы на 4 года въ Вост. Сибирь. **Самара.** Сосланъ въ Вост. Сибирь до приговора Конрадъ Газенбушъ. **Никополь (Екат. губ.)** 31 мая былъ обыскъ у Голубова. — Освобождены въ началѣ іюнѣ изъ Д. П. З. въ СПБ. и высланы въ Тверь подъ особый надзоръ: Ц. Зелигсонъ, Николева, курсистка и Прас. Кудели. Освобождены: Фонарева, медичка, Полубояринова.

Владимірская губ. Въ апрѣлѣ въ с. Мызино Судогодскаго уѣзда наѣзжали жандармы, производили у крестьянъ повальные обыски и отбирали нелегальную литературу; арестовали двухъ крестьянъ, но черезъ нѣсколько дней выпустили. Одинъ рабочій арестованъ на Уршельскомъ стекляномъ заводѣ. Сидѣвшіе въ Владимірской тюрьмѣ съ декабря 1901 г. по дѣлу Орѣхово-Богородской рабочей организаціи рабочіе Вороновъ и Сельдяковъ сосланы на 4 года, первый — въ Вологодскую, а второй — въ Архангельскую губ. Арестованные весной 1902 года крестьяне Вязниковскаго уѣзда Соколовъ (сельскій староста) и Гусевъ, обвинявшіеся по 252 ст., выпущены подъ особый надзоръ до приговора. — Доливо-Добровольскій (Ярославское дѣло), скрывшійся изъ Оренбурга, гдѣ былъ въ ссылкѣ и арестованный въ январѣ 1903 года въ Петербургѣ, вновь высланъ въ Оренбургъ. — Въ этомъ году въ Вологодской губерніи кончили срокъ ссылки слѣдующія лица: По дѣлу Кіевскаго комитета 1898 года; Вѣра Тучапская, Дрелингъ (заграничный студентъ), Шуляковскій (студ.), Шенъ и Рабчевскій (присяжные повѣренные), Бѣлоусовы (мужъ и жена), Жиглинскій. По дѣлу С.-П.Б. „Союза Борьбы“ 1898 года — статистикъ Саммеръ. По дѣлу Литовской соціаль-дем. (1899 г.): рабочіе изъ Вильны Александръ Адамовичъ, Антонъ Воткевичъ и Игнатій Моцѣевскій. По дѣлу Московскаго Комитета 1898 г. — Ванновскій (техникъ). По дѣлу пропаганды на заводѣ Бертъ въ С.-Петербургѣ (1898 г.): медикъ Я. Принцевъ и чертежникъ Зиновьевъ. По дѣлу „Раб. Знамени“ 1898 г. — Татариновъ. Рабочій Максимовъ (стачка у Максвеля 1898 г.). Рабочій Логачъ (Варшавское дѣло). Братья Стечкины (Одесск. соц.-дем. дѣло 99 г.). Архитекторъ Курицынъ и медичка Довелло (дѣло соц.-рев. въ Петербургѣ 1898 г.). Фельдшерица Е. Маркова (С.-П.Б.). Косьминскій, рабочій изъ Пинска (польское національное дѣло). Немиро, студ. (дѣло въ С.-П.Б.). Третьяковъ (Костромское соц.-дем. дѣло 1901 г.). Ремизовъ, литераторъ (Пензенское соц.-дем. дѣло 1898 г.). Аусемъ, Юрьевск. студ. (по дѣлу 1899 г.). Щеголевъ, петерб. студ. (дѣло „группы двадцати“ 1899 г.). Русановъ (Орловское соц.-дем. дѣло 1901 г.). Кильбасинскій и Миклашевскій — инженеры (дѣло Польск. Соц. Партіи). Ольга Залѣсская, портниха (Ростовское соц.-дем. дѣло).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Сѣрому. Ключъ неизвѣстенъ.

Матвѣю. Оба письма получили, но прочесть не могли: плохо проявилось.

Емельяну. Пришлите скорѣе адресъ для писемъ.

Польша-Каурому. Письмо получено. Ужасно рады были. Не совсѣмъ разобрали конецъ.

Получено: изъ „Ь“ (мягк. зн.) за литер. 147,25 фр., по подп. лис. 108,15 фр., на попул. лит. 4,40 фр., отъ конс. 4,30 фр. Изъ Берна за май и іюнь 538 фр. изъ нихъ съ лекцій Плеханова и Ленина 280 фр., за литер. 162 фр., отъ Б. К. Ф. 88 фр., отъ читателя „Искры“ 8 фр. Изъ Лозанны за іюнь 170,40 фр. изъ нихъ съ лекцій Плеханова 137,80 фр. и за литературу 32,60 фр., черезъ „фершала“: на Партію 12 руб. и на „Искру“ 3 руб. Отъ Тигрова на печатаніе записокъ Дейча 25 фр. Изъ Л.: отъ московскаго земскаго врача 10 руб., отъ К. 30 мар. Отъ Ш. 200 фр. Изъ Базеля 3 фр. Изъ Ма. по подп. листу 87 фр. Отъ Томск. Ком. 20 руб., изъ Томска отъ консула 5 руб. и раньше оттуда же 15 руб. за „И.“ и 10 руб. отъ частнаго кружка. Русская Рижская соц.-дем. группа получила 25 руб. отъ квадр. корня изъ минусъ единицы. Отъ Архаровца 25 руб., отъ пессимиста на „Искру“ 15 руб. и на ссыльныхъ въ Сибири 10 руб., отъ ab, bc, cd 50 руб., отъ А. А. 100 руб.

Типографія „Искры“.